

ORG
PSY

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

ЭЛЕКТРОННОЕ
ПЕРИОДИЧЕСКОЕ
ИЗДАНИЕ

№4 (24)

2023

АГЕНТСТВО СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ
ПСИХОЛИНГВИСТИКА

научный журнал

№4 (24)

Москва, 2023

УДК 81'23(050)
ББК 87.228.1
О-64

ISSN 2619-0273

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«Агентство социально-гуманитарных технологий»

Организационная психолингвистика [Электронный ресурс]: электрон. науч. журнал / гл. ред. С.В. Мыскин. – Вып. № 4 (24). – Электрон, текстовые дан. (5,0 МВ). М.: ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий», 2023. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

Электронный научный журнал «Организационная психолингвистика» является результатом научного сотрудничества ведущих специалистов в области языкознания и психологии. Издание включает публикации результатов теоретических и прикладных исследований, а также другую информацию научного характера. Периодичность выхода журнала 4 раза в год. Журнал учрежден в 2017 г.

Для специалистов в области лингвистики, психолингвистики, психологии и когнитологии, научных работников, преподавателей, докторантов и аспирантов, а также всех, кто интересуется различными аспектами языка и речи.

Авторы статей несут полную ответственность за точность приведённых сведений, данных и дат. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Организационная психолингвистика» обязательна.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ЭЛ № ФС77-71113 от 22.09.2017 г.

Журнал выпускается на электронном носителе (CD-R).

Архив номеров доступен <http://www.psycholinguistic.ru>

Издатель:
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий»
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24
Тел. +7(926)384-02-69
e-mail: orgpsyling@yandex.ru
<http://www.psycholinguistic.ru>

Минимальные системные требования:
Pentium 4.2 ГГц; 512 MB RAM; Не менее 4 MB свободного места на винчестере; Windows 2000, XP, Windows 7, 8, 10; CD-ROM; Программа для чтения PDF-файлов.

© Агентство социально-гуманитарных технологий, 2023

© Авторы, 2023

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **Мышкин Сергей Владимирович**, доктор филологических наук, кандидат психологических наук, профессор Московского городского педагогического университета (Россия)

Зам. главного редактора – **Тарасов Евгений Фёдорович**, профессор, доктор филологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Журавлёв Игнатий Владимирович, кандидат психологических наук, старший преподаватель Московской Международной Академии (Россия)

Ильина Виолетта Александровна, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и практики перевода Российского нового университета (Россия)

Исаев Евгений Иванович, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры педагогической психологии им. В.А. Гуружапова Московского психолого-педагогического университета (Россия)

Кудрявцев Владимир Товиевич, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Радченко Олег Анатольевич, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Алефиренко Николай Фёдорович, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры русского языка и русской литературы Белгородского государственного национального исследовательского университета (Россия)

Богоявленская Диана Борисовна, профессор, доктор психологических наук, главный научный сотрудник Психологического института Российской академии образования, профессор кафедры психологической антропологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Бойко Борис Леонидович, профессор, доктор филологических наук, профессор кафедры германских языков Военного университета МО РФ (Россия)

Булгаков Александр Владимирович, профессор, доктор психологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Вашунина Ирина Владимировна, доцент, доктор филологических наук, профессор; заведующий кафедрой романо-германских языков Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ (Россия)

Григорьев Андрей Александрович, доктор филологических наук, доцент, главный научный сотрудник лаборатории психологии и психофизиологии творчества Института психологии РАН РФ (Россия)

Дугарова Туяна Цыреновна, доктор психологических наук, доцент, профессор Московского педагогического государственного университета (Россия)

Иванов Николай Викторович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романских языков Московского государственного

института международных отношений (Университет) МИД РФ (Россия)

Каминская Маргарита Владимировна, доктор психологических наук, кандидат педагогических наук (Россия)

Клюканов Игорь Ангелевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социокультурных коммуникаций Российского нового университета, профессор Eastern Washington University (Чини, США)

Комалова Лилия Ряшитовна, доктор филологических наук, доцент, руководитель и ведущий научный сотрудник центра эмерджентных практик Института научной информации по общественным наукам РАН РФ (Россия)

Корытова Галина Степановна, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой психологии развития личности Института психологии и педагогики Томского государственного педагогического университета (Россия)

Кремнёв Евгений Владимирович, доцент, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой китаеведения института филологии, иностранных языков и медиакоммуникации Иркутского государственного университета (Россия)

Кыштымова Ирина Михайловна, профессор, доктор психологических наук, профессор кафедры психологии образования и развития личности Педагогического института Иркутского государственного университета (Россия)

Лельчицкий Игорь Давыдович, член-корреспондент Российской академии образования, доктор педагогических наук, профессор, заместитель председателя Экспертного совета по педагогике и психологии ВАК Министерства образования и науки РФ, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, лауреат премии Правительства РФ в области образования, директор Института педагогического образования,

заведующий кафедрой социальной работы и педагогики Тверского государственного университета (Россия)

Маслова Валентина Авраамовна, доктор филологических наук, профессор, Член Президиума ВАК Республики Беларусь, профессор кафедры германской филологии Витебского государственного университета (Беларусь)

Попова Татьяна Георгиевна, профессор, доктор филологических наук, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (Россия)

Приступа Елена Николаевна, доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной и семейной педагогики Института педагогики и психологии Московского педагогического государственного университета (Россия)

Романов Алексей Аркадьевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Почётный работник высшего профессионального образования РФ, академик Международной академии психологических наук, академик Академии гуманитарных и социальных наук, член Российского психологического общества, директор Института прикладной лингвистики и массовых коммуникаций, заведующий кафедрой теории языка и межкультурной коммуникации Тверской государственной сельскохозяйственной академии (Россия)

Рябова Марина Эдуардовна, профессор, доктор философских наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Московского городского педагогического университета (Россия)

Саргсян Левон Кароевич, кандидат психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии им. академика Мкртича Мазманяна

Армянского государственного педагогического университета им. Х. Абовяна, судебно-психологический эксперт (Армения)

Сигал Кирилл Яковлевич, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заведующий отделом экспериментальных исследований речи Института языкознания РАН РФ (Россия)

Синячкин Владимир Павлович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (Россия)

Слободчиков Виктор Иванович, профессор, доктор психологических наук, член-корреспондент Российской академии образования, главный научный сотрудник Института изучения детства, семьи и воспитания Российской академии образования (Россия)

Степанов Валентин Николаевич, доктор филологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Россия)

Харченко Елена Владимировна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка как иностранного Южно-Уральского государственного университета (Россия)

Цзюй Юньшэн, доктор филологических наук Хэйлунцзянского университета Китая, ведущий научный сотрудник центра исследования русской лингвистики, литературы и культуры Хэйлунцзянского университета (Китай)

Шляхов Владимир Иванович, профессор, доктор педагогических наук, профессор Российского университета дружбы народов (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Радченко О.А., Аликаев Р.С. Профессиональная картина мира лингвиста в свете концепции П. Бурдьё..... 10

Тарасов Е.Ф. Теория речевой деятельности: перспективы развития..... 35

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ, ОРГАНИЗАЦИЯХ

Болзан Н.А. Социальные сети как проблема для психологического благополучия матери в современном обществе..... 51

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Башкатова Н.В. Микротексты различных дискурсов..... 73

Китаева М.П. Коучинговый подход к преодолению цифрового отчуждения..... 96

ТРУДЫ НАЧИНАЮЩИХ УЧЕНЫХ

Паначева Т.А., Холопова Е.С. Психологические особенности мышления в условиях цифровизации..... 117

ОБ АВТОРАХ..... 143

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ..... 144

CONTENTS

CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Radchenko O.A., Alikaev R.S. Linguists' professional worldview in the light of P. Bourdieu's concept..... 10

Tarasov E.F. Theory of speech activity: development prospects..... 35

EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS

Bolzan N.A. Social networks as a problem for the psychological well-being of the mother in modern society..... 51

DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

Bashkatova N.V. Microtexts of different discourses..... 73

Kitaeva M.P. Digital alienation of personality in the era of informatization.. 96

THE WORKS OF YONGS RESEARCHES

Panacheva T.A., Holopova E.S. Rigidity and style of thinking of students in the context of digitalization..... 117

ABOUT AUTHORS..... 143

INFORMATION FOR AUTHORS..... 144

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ/ CONCEPTUAL ISSUE OF ORGANISATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81-119

О.А. Радченко

Московский государственный лингвистический университет
119034, Остоженка, 38 стр.1
Москва, Россия
radoleg@gmail.com

Р.С. Аликаев

Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М.
Бербекова
360004, Чернышевского, 173
Нальчик, Россия,
ralikaev@mail.ru

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА ЛИНГВИСТА В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ П. БУРДЬЁ: НА МАТЕРИАЛЕ ОБЗОРА НАУЧНЫХ ТРУДОВ

Аннотация. Статья посвящена лингвистическим воззрениям известного французского философа и социолога Пьера Бурдьё (1930-2002) и их значению для современных представлений о профессиональной картине мира лингвиста. Авторы проводят анализ публикаций П. Бурдьё, с точки зрения релевантности тех факторов, которые влияют на профессиональную деятельность лингвистов, её эффективность, формирование имиджа исследователя и пр. Особое внимание уделено десяти тезисам, отражённым в различных монографиях французского мыслителя, представляющим особенную ценность для современного представления о статусе лингвиста, в том числе тезис о коллективном веровании, о борьбе на пространстве доксы, о мнимой независимости науки, о стратегии ложного разрыва, о соревновательности в научных исследованиях и её отрицательном влиянии на качество этих исследований, о двойственности феномена научной парадигмы и критическом восприятии этого понятия, о символическом капитале ученых степеней и званий, о воспроизводстве универсума верования, о специфическом характере научного габитуса. Несмотря на то, что П. Бурдьё сформулировал эти идеи по отношению к ситуации в исследовательской и академической среде социальных наук, их важность для понимания процессов, определяющих формирование профессиональной картины мира лингвиста трудно переоценить. Дополнительным аргументом в пользу эврихорности выделенных Бурдьё характеристик научного дискурса является его живой интерес к проблемам языка, выразившийся в том числе в критических замечаниях в адрес концепции Н. Хомского.

Ключевые слова: Пьер Бурдьё, профессиональная картина мира, научный дискурс, лингвистика.

LINGUISTS' PROFESSIONAL WORLDVIEW IN THE LIGHT OF P. BOURDIEU'S CONCEPT

Abstract. The article is devoted to the linguistic views of the famous French philosopher and sociologist Pierre Bourdieu (1930-2002) and their significance for modern ideas concerning linguists' professional picture of the world. The authors analyze P. Bourdieu's publications based on the relevance of those factors that influence linguists' professional activity, its effectiveness, a researcher's image formation, etc. Particular attention is paid to ten theses reflected in the French thinker's various monographs that are of specific value for the modern view of a linguist's status, including the thesis of collective belief, struggle in the space of doxa, presumed independence of science, strategy of false rupture, competition in scientific research and its negative impact on the quality of these studies, duality of the phenomenon of scientific paradigm and a critical perception of this concept, symbolic capital of academic degrees, reproduction of the universe of belief, and a very specific character of the scientific habitus. Despite the fact that P. Bourdieu formulated these ideas in relation to the current situation in the research and academic environment of the social sciences, their importance for understanding the processes that determine the formation of a linguist's professional worldview can hardly be overestimated. An additional argument in favor of the eurychoric characteristic of scientific discourse is Bourdieu's keen interest in the problems of language, expressed, among other things, in his critical remarks on N. Chomsky's concept.

Keywords: Pierre Bourdieu, professional picture of the world, scientific discourse, linguistics.

Введение: Пьер Бурдьё (1930-2002) как лингвист

Концепцию П. Бурдьё в области философии науки трудно считать абсолютно новым явлением для российских исследователей. В новом веке под пристальным вниманием исследователей оказывались как его социальная концепция в целом [12], так и теоретические положения о социальной структуре [11; 13], культурном посредничестве [17], его эпистемология социальных наук [19], взгляды на эстетику [4; 18] и пр. На фоне довольно многочисленных философских и культурологических исследований творчества П. Бурдьё редкостями выглядят статьи о связи его взглядов с философией языка и лингвистикой в целом [3; 7; 10; 14].

Между тем, воззрения Бурдьё на язык и его роль в социальных процессах – тема далеко не безынтересная. Именно ей посвятил свою

замечательную монографию его ученик и сподвижник Майкл Гренфелл (*1953), эмерит-профессор факультета образования Саутгемптонского университета (Southampton Education School), проработавший в ней ординарным профессором в 1989–2009 гг., а затем трудившийся на посту заведующего кафедрой образования в Тринити-колледже Дублинского университета и декана университета Стерлинга (см. [21]). Он является автором целого ряда монографий, посвященных научному наследию П. Бурдьё [22-23].

Оглядываясь на многолетнее сотрудничество с Бурдьё, их дискуссии о проблемах языка, Гренфелл отмечает, что и в зарубежной науке «как это ни странно, специалисты по языку и лингвисты до сих пор, как правило, игнорируют Бурдьё», поэтому Гренфелл считал своим долгом «устранить этот дисбаланс, и поднять вопросы теории и практики в отношении изучения языка с точки зрения бурдьезианства» [21, с. 1-2]. Гренфелл указывает и на работы Бурдьё, непосредственно касающиеся описания французского языкового узуса (например, в Алжире и Беарне), критики сосюррианской традиции и американского структурализма, фонетики и фонологии, полилингвизма, языковой политики и идеологии, лингвистического образования и пр. Особенное место занимает в творчестве Бурдьё тема «язык и культура», которой он посвятил ряд своих работ в 1960 гг. [21, с. 18].

Как правило, говоря о лингвистических взглядах Бурдьё, исследователи цитируют его работу «Язык и символическая власть» (англ. перев. – 1991), а также отдельные размышления в публикациях о роли и сущности медиа. Гренфелл приводит список из 11 трудов, которые совокупно представляют видение Бурдьё языка и лингвистики, лингвистического габитуса и иных существенных компонентов его теории, в том числе: «Интервенции» (1961–2001). «Порождение доминирующей идеологии» (1976), «Мужское господство» (1998), «Ответный огонь. За

европейское социальное движение» (2001), «Бал холостяков» (2002), «Образы Алжира» (2003), «Объективация участия» (2003), «Наука о науке и рефлексивность» (2004), «Наброски к самоанализу» (2004), «Формы капитала» (2006). Некоторые из этих трудов были позднее переработаны, переведены на другие языки или изданы в сборниках статей с соавторами.

В данной статье нас интересует экстраполяция размышлений Бурдьё о «научном поле», сформулированных, в первую очередь, относительно ситуации в современных ему социологии и политологии, в сферу профессиональной деятельности лингвиста, в которой формируется особенная картина мира данной профессиональной группы [16].

Эта картина мира порождает, на первый взгляд, специфические – и всё же в известном смысле эврихорные – дискурсивные практики. Мы будем отталкиваться от принципиального понимания языка как особой области человеческого духа, пересекающейся с многими другими, но обладающей на их фоне своей ценностью (которая подкрепляется использованием собственной знаковой системы, многообразием реальных звуковых реализаций одних и тех же графем и их комбинаций, а также существенным влиянием структур речи на вербальные мыслительные процессы) [15]. Нас будет увлекать идея языкового рынка как системы властных отношений, которые определяют стоимость лингвистического продукта и тем самым помогают «фасонировать» лингвистическое производство. Мы принимаем позицию, согласно которой каждая языковая интеракция является возможным источником «прибыли» в конкретной коммуникативной области и в конкретном «лингвистическом климате», при этом базовая стоимость равна норме – принятым в данной сфере коммуникации рамках приемлемости, которые могут быть и девиантными, с точки зрения общего коммуникативного стандарта. Здесь принципиальное значение приобретает дихотомия «знание (connaissance)» легитимных норм/ «признание (re-connaissance)» этих норм, в которой оба элемента «весьма

изменчивы, причем особые паттерны устанавливаются как внутри индивидов, так и между ними» [21, с. 91]. В этой связи мы также не отвергаем субъективности «языкового габитуса» и рассмотрения языковой компетентности как лингвистического капитала.

Тезис о коллективном веровании

Этот тезис Бурдьё формулирует весьма категорично: «Наука не имеет иного основания, кроме коллективного верования в её основы, которое производит и предполагает само функционирование научного поля» [Бурдьё 1976: 12]. Применительно к лингвистике это означает, что, будучи порождением конкретной образовательной системы и принятых в ней норм оценки тех или иных отечественных и зарубежных концепций, а также признавая авторитет научных наставников и его непререкаемость для собственных исследований, молодые лингвисты воспроизводят специфический вид верования (belief), который призван одновременно укрепить их научный конформизм. В своей совершенной форме эта ситуация завершается формированием научной школы, образцовыми примерами которой можно считать группу учеников Ф. Боппа (а к ним относят А. Шлейхера, Ф. Дица, Ф. Миклошича, М. Бреалья и многих других) и научную школу самого А. Шлейхера (в которую входили И. Шмидт, Г. Курциус, А. Лескин, Г. Шухардт и др.), – первое и второе поколения компаративистов, или сторонников Н.Я. Марра в советском языкознании 1920-1940-х гг. (в числе которых - И. А. Джавахишвили, И. А. Орбели, А. А. Калантар, А. Г. Шанидзе, И.И. Мещанинов, О.М. Фрейденберг, М.М. Гухман, Ф.П. Филин и др.).

Подобные ситуации в истории языкознания складывались, к примеру, на первых этапах его формирования в XIX в.¹, а также в условиях

¹ Правда, в Германии научные школы не были даже тогда репрессивными структурами, не

тоталитарных государств прошлого столетия (см. подробнее [9]).

В то же время, принятое в германских вузах правило не допускать к занятию профессорских должностей лиц, защитивших докторские диссертации (хабилитированных) в том же вузе, можно рассматривать как попытку противодействовать формированию научных школ как сплоченных центров усиленной поддержки конкретной научной концепции, хотя эта практика приводила и к концептуальной дисперсии – ученики конкретного авторитетного ученого получали таким образом возможность не только распространять, но и насаждать любимое учение в новом университете.

В этом отношении нельзя не согласиться с объяснением последствий, связанных с восприятием коллективного верования, которое предлагает Будье: «Объективное согласование практических схем, внушенных и усвоенных в процессе образования, составляет основание практического консенсуса в отношении целей, предлагаемых полем, т. е. в отношении проблем, методов и решений, немедленно распознаваемых как научные, находит свое собственное обоснование в совокупности институциональных механизмов, которые обеспечивают социальную и школьную селекцию ученых (в зависимости, например, от установившейся иерархии дисциплин), подготовку отобранных агентов, контроль над доступом к исследовательскому и издательскому инструментарию и т.д.» [5, с. 12]. Тем самым коллективное верование превращается в жёсткий институциональный дискурс, научная школа – в своего рода боевую ячейку, научный руководитель – в идола, вдохновителя, покровителя и гонителя непосвящённых.

допускавшими отклонений от догмы, что доказывает история эволюции И. Шмидта от верного последователя Шлейхера до создателя «волновой теории», которую он, впрочем, обнаружил через четыре года после кончины своего учителя.

Тезис о борьбе на пространстве доксы

Формирующиеся в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и научной, профессиональные и бытийные пространства-поля «всегда в движении, постоянно трансформируясь в ходе социальной эволюции. Изменение полям сущностно необходимо, поэтому его часто можно идентифицировать по внутренней динамике, которая противопоставляет нынешние (и ортодоксальные) способы работы новым (неортодоксальным). Бурдьё определяет их как *doxa* и *heterodoxa*. Поля формируются, общаются, награждают и наказывают тех, кто проходит через них – в соответствии с логикой и практикой конкретного поля - и предлагают социальные условия бытия для своих «членов» [21, с. 31]. Лингвисты как участники научного поля связаны, как и прочие ученые, «молчаливым контрактом» с доксой, определяющим подчинение существующему порядку; пытаясь искать новые пути, они совершают акты «когнитивной подрывной деятельности» (*cognitive subversion*) в своём стремлении изменить картину мира [20, с. 127-128].

Собственно, доксу Бурдьё определяет как «совокупность допущений, которые антагонисты воспринимают как само собой разумеющиеся, не зависящие от какой-либо дискуссии, поскольку они составляют скрытое условие дискуссии» [5, с. 12]. Это вполне сопоставимо с определением *догмы* как «доктрины или совокупности доктрин, касающихся веры или морали, официально изложенных и авторитетно провозглашенных церковью»². Бурдьё, со всей очевидностью, проводит параллели между наукой и религией, поскольку он выдвигает на первый план понятие «верования», говоря именно о науке. В этом смысле докса в лингвистическом поле и есть привычная догма, выйти за рамки которой возможно лишь потеряв все преимущества академического конформизма.

² <https://www.merriam-webster.com/dictionary/dogma>

То, что подобный выход за пределы доксы проходит далеко не всегда безболезненно, демонстрируют судьбы советских лингвистов в 1930-х гг. [1].

Главным орудием доксы выступает научная цензура, которая «скрывает более радикальную, а также более невидимую цензуру, поскольку она является составной частью самого функционирования поля и распространяется на совокупность того, что становится допустимым благодаря самому факту принадлежности к полю, что выводится за пределы дискуссии благодаря тому, что принимаются цели дискуссии, т.е. согласие в отношении предметов несогласия, общие интересы, которые лежат в основании конфликта интересов, все необсуждаемое и немислимое, по умолчанию удерживаемое за границами борьбы» [5, с. 12]. Правда, и здесь возможны более «мягкие» формы цензуры, к примеру, взаимное цитирование только участников одного и того же научного сообщества, игнорирование или неприятие идей и публикаций научных «инакомыслящих», закулисное регулирование процесса «слепого» рецензирования с целью недопущения выхода в свет нежелательных статей, не говоря уже о торпедировании чуждых научных проектов экспертами исследовательских фондов, руки которых формально не связаны конфликтом интересов.

Крайней формой можно считать переход научных разногласий в личностную сферу, попытки оказывать давление на учеников оппонентов и пр. Научные разногласия, дебаты и дискуссии важны для развития науки, поскольку они могут способствовать выработке лучших идей и подходов. Однако, когда споры принимают форму личных нападок, давления и даже манипуляций с целью подавления точек зрения оппонентов, это может негативно сказываться на научном сообществе в целом. Здесь возникает вопрос, который Бурдьё поднимает в другом контексте: что считать доксой, как параметрировать «хорошую» и «плохую» науку, как вести себя учёному

в многообразном мире (лингвистики), полном противоречивых самооценок учёных и мнений о том, что есть научная классика, а что – апокриф.

Тезис о мнимой независимости науки

Пожалуй, наименее спорным можно считать приложение к лингвистике тезиса о том, что независимость науки - лишь видимость, сознательно создаваемый мираж для вуалирования того факта, что наука всегда состоит на службе определённого заказчика, будь то государство в целом, конкретный университет или научный фонд. Бурдьё противопоставляет здесь поля, «способные производить и удовлетворять чисто научный интерес и таким образом поддерживать непрерывный диалектический процесс», и поля, в которых «коллективная работа имеет единственной целью и функцией сохранение поля идентичного ему самому, производя как вовне, так и внутри, верование в независимую ценность задач и объектов, которые оно производит» [5, с. 12].

Полагая, что второй тип полей можно смело отнести к типичным представителям доксы, он указывает на некоторые столь же типичные практики адептов доксы, в частности, «отлучение, которое они осуществляют путем произвольного формирования эзотерического знания, недоступного профанам, и полномочия, которых они требуют, монополизируя некоторые практики или рассуждения по их поводу, лишь путем навязывания верования в то, что их ложная наука совершенно независима от социальных заказов, которые они так хорошо выполняют только потому, что во всеуслышание заявляют о своем отказе их обслуживать» [5, с. 12-13].

Это, конечно же, в большей степени касается научных областей, имеющих отношение к экономике или политике, однако оно вполне

приложимо и к ситуациям, в которых лингвисты принимали участие в сомнительных проектах, претендуя одновременно на автономию научного поиска и независимость, а иногда и бравируя своим политическим оппортунизмом (как в случае с Н. Хомским, известным пацифистом и одновременно поставщиком идей для Пентагона [25]).

Тезис о стратегии ложного разрыва

С вышеупомянутым «отлучением» связано, по мысли Бурдьё, и существование особого профессионального жаргона, который он противопоставляет языку науки. Использование этого жаргона лингвистами способно привести непосвящённых в состояние изумления, непонимания и даже восхищения сложностью данной сферы. Однако «ученый жаргон (в противоположность научному языку) определяется одной и той же стратегией ложного разрыва. Если научный язык ставит кавычки для обозначения того [...], что слова обыденного языка или прежнего научного языка, который он сохраняет, полностью переопределяются и приобретают свой смысл только в новой теоретической системе, ученый язык употребляет кавычки или неологизмы лишь для того, чтобы символически продемонстрировать фиктивную дистанцию и разрыв относительно общепринятого смысла: на самом деле, не обладая никакой реальной автономией, он может выполнять свою идеологическую задачу только лишь в том случае, если будет оставаться достаточно прозрачным для того, чтобы продолжать ссылаться на опыт и обыденное выражение, которое он отрицает. Стратегии ложного разрыва выражают объективную истину полей, обладающих лишь ложной автономией» [5, с. 13].

Отцом стратегии ложного разрыва в лингвистике можно по праву считать Л. Ельмслева, превратившего свои «Пролегомены» в заповедник

экзотической терминологии, прелесть которой могут оценить лишь пламенные сторонники математизации лингвистического описания. Предложенные им термины (за редким исключением) вполне уместно рассматривать как жаргон конкретной доксы, оперирующий дублетами этаблированных терминологических единиц семиотики и философии языка. То, что разрыв оказался ложным, наглядно демонстрирует словарь в финале «Пролегоменов», предлагающий «перевод» глоссематического жаргона на профессиональный язык структурализма [24, с. 131-138]. В таком понимании любая попытка ввести в лингвистический обиход точные копии терминов с заменой означаемого и есть создание лингвистического жаргона, не имеющего ничего общего с профессиональным языком лингвиста.

Тезис о ложной пользе соревновательности в науке

Порицая увлечение идеей конкуренции как источника научной плодovitости и гаранта более высокого качества научного труда, Бурдьё указывает на её источник – «функционалистской теорию соревновательности, являющейся социологическим вариантом верования в достоинства «свободного рынка»» [5, с. 14]. Он совершенно справедливо упоминает экономические и научные препятствия, которыми изобилует академическая сфера и которые игнорируются при переносе рыночной соревновательности в эту сферу, поскольку в результате конкуренция между университетами становится экзистенциальным условием для учёных, стремящихся реализовать себя в современной университетской среде [Там же]. Эта соревновательность разворачивается лишь в рамках признанных научных теорий и практик, она превращается в «соревновательность в рамках социального приличия» и препятствует выходу из доксы. Именно поэтому лишь на первый взгляд покажется

противоречием то, что «увлечение единодушием «парадигмы» может совпадать с увлечением соревновательностью» [Там же].

Кроме того, проводники научной конкуренции в лингвистике находятся в постоянном творческом поиске способов объективно оценить персоналии нашей науки, сравнить их достижения, печатные труды, успехи на научных форумах, редакторскую работу, вклад в формирование молодого поколения лингвистов и пр. Эти же критерии призваны подстегнуть исследовательскую активность учёных, побудить их к публикационным порывам, однако принуждение к гениальности – сложная задача, и внедрение разнообразных индексов её оценки не гарантирует преумножения качественных, ярких, прорывных проектов и публикаций (см. [24]), не говоря уже о том, что этот административный инструмент не относится к самым популярным в лингвистической среде.

Тезис о двойственности феномена научной парадигмы

Нельзя не разделить скептицизм Бурдьё относительно концепции парадигмы Т. Куна, который он поясняет весьма просто: «Действительно, эта книга, в отношении которой так и остается неясным, описывает или предписывает она логику научного изменения (пример такого скрытого предписания: существование парадигмы является признаком научной зрелости), приглашала своих читателей искать в ней ответы на вопрос о хорошей или плохой науке» [5, с. 14].

Амбивалентность определения научной концепции как «хорошей науки» проявлялась, в частности, в том, что и сторонники научных революций, и конформисты могли отнести это определение к себе. Как представляется, Бурдьё выдвигает на первый план социальные условия, «благодаря которым революция против установленного научного порядка является также научной революцией, а не простой ересью, имеющей целью

изменение установившегося соотношения сил в поле, не затрагивая оснований, на которых зиждется его функционирование» [5, с. 16]. Тем самым он изобличает ложные революции, не приводящие в итоге к изменениям в доксе.

Примером шаткости конструкции Куна можно вполне считать отсутствие единодушия среди лингвистов относительно того, в какой именно научной парадигме мы сейчас живем и работаем. Попытки внедрить представление об «антропоцентрической», «когнитивной», «когнитивно-дискурсивной», «коммуникативно-прагматической», «номинативно-прагматической» и даже «междисциплинарной» парадигмах неизменно наталкиваются на категорическое неприятие исследователей, не причисляющих себя к какой-либо из них.

Изучая историю лингвистики, нетрудно заметить, что никаких революций в её развитии не происходило. Так, переход от сравнительно-исторической к структурной «парадигме» занял довольно продолжительный временной период от выхода в свет «Курса» от имени Ф. де Соссюра (1916 г.) до формирования структуральных школ. При этом лишь в двух случаях можно говорить о дате формального основания: 1926 г. – ПЛК, 1928 г. – Копенгагенская школа; в то же время формирование французской и Женевской школ проходило без подобных актов, не говоря уже о неогумбольдтианстве, которое, правда, ошибочно не считают школой структурализма в собственном смысле. Яркие представители структурализма продолжали параллельно свои этюды в духе младограмматизма, например, А. Мейе и Э. Бенвенист. ПЛК, в отличие от Копенгагенского кружка, не была основана на строгой иерархии, а Женевскую школу вообще трудно назвать таковой, поскольку она включала самостоятельных исследователей с собственной научной программой, значение которых для развития науки о языке существенно недооценено (к примеру, А. Сеше – см. [27]). Наконец, жизнедеятельность

«структурной парадигмы» в европейской лингвистике завершилась спустя всего лишь примерно тридцать лет, в то время как индоевропейская охватывала целое столетие.

Представляется более предпочтительным обратиться к феномену «лингвистической моды», который более адекватно объясняет всплеск интереса к одной тематике и угасание к другой.

Феномен «лингвистической моды» отражает изменения в языке, которые происходят под воздействием социокультурных факторов. Этот термин может использоваться для описания того, как определенные слова, фразы или темы становятся популярными и широко используются в обществе на определенный период времени, а затем могут постепенно утрачивать свою актуальность.

В контексте интернета и социальных медиа, где происходит быстрое распространение информации, лингвистическая мода может возникнуть и распространиться в течение короткого времени. Это может быть связано с появлением новых терминов или образов общения, которые становятся популярными среди определенной группы людей.

Однако важно учитывать, что интерес к различным темам также может зависеть от множества других факторов, включая события в мире, изменения в социокультурной среде, модные тенденции и так далее. Лингвистическая мода может быть лишь одним из аспектов более обширного явления изменения интересов и предпочтений общества.

В целом, анализ «лингвистической моды» может предоставить интересную перспективу на тенденции в языке и коммуникации, но важно также учитывать другие социокультурные и общественные аспекты для полного понимания динамики изменений в интересах и предпочтениях.

Тезис о символическом капитале ученого звания

Рассматривая научное поле по сути как игровую площадку с собственными правилами, Бурдьё определяет и его атрибуты, в частности, «профессиональное или учёное звание». Поскольку учёные степени и почётные звания — это «определенного рода юридическое правило социальной перцепции, воспринимаемое бытие, гарантированное как право», Бурдьё наделяет их «институционализированным и законным (а не просто легитимным) символическим капиталом, все более и более неотделимым от ученого звания, поскольку система образования стремится всё более и более представить дальнейшие и верные гарантии для всех профессиональных званий» [6, с. 75].

Однако по сути речь идёт о символическом титуле, особом ониме, который, в отличие от дворянского титула в современной жизни, не всегда гарантирующего его держателю некую финансовую основу, наделён символическим капиталом и гарантирует символическую прибыль («блага, которые не продаются за деньги» [Там же]), которая, к примеру, в российской академической ситуации всё же реализуется в виде вполне осязаемой финансовой прибыли (поскольку речь идёт о гарантированном занятии должности не ниже учёного звания, жаловании и академической нагрузке, соответствующих данному титулу).

При этом можно согласиться с Бурдьё, справедливо критикующим ситуацию, в которой «вознаграждение за звание имеет тенденцию автономизироваться по отношению к вознаграждению за труд». Однако он сам отмечает, что учёное звание «само по себе (как и язык) – *институция* более прочная, чем внутренние характеристики труда. Вознаграждение за звание может охраняться, несмотря на изменения в труде и его относительной ценности: не относительная ценность труда определяет ценность имени, но институционализированная ценность звания служит

инструментом, позволяющим защитить и сохранить ценность труда» [6, с. 76].

Тезис о воспроизводстве универсума верования

Итак, научные поля и их компоненты (научные школы, кафедры, институты) превращаются в условиях доксы в «легитимационные сообщества», воспроизводящие определённый «универсум верования», и поэтому не удивляет аналогия, которую Бурдьё проводит между научными школами и религиозными объединениями, литературными направлениями или центрами моды. Для научных легитимационных кружков характерно применение особых стратегий самосохранения, в числе которых «круговая циркуляция объектов, идей, методов и особенно знаков признания внутри сообщества (следовало бы сказать клуба, открытого лишь членам местного сообщества или импортируемым из лиги Плюща)», «ссылки на Канонические источники, чаще всего сводимые, как говорится, «к их самому простому изложению»», «ссылки на по возможности самые свежие статьи на одну и ту же тему», «стратегии закрытия, которые должны установить границу между научной проблематикой и профанными и салонными дебатами» [5, с. 15]. Подобная циркуляция связана с «риторикой научности», которая позволяет членам доминирующей научной школы утверждать «верование в научную ценность своих продуктов и в научный авторитет своих членов» [Там же].

Превосходным примером положительного влияния столь критикуемой Бурдьё «стратегии закрытия» на состояние научного знания может считаться в этой связи вызывающая полную поддержку научного сообщества борьба с псевдонаучными теориями о языке – криптолингвистикой [2] и любительской лингвистикой [8].

Тезис о научном габитусе и инклюзии

Попробуем исходить из общего определения научного габитуса как набора неких диспозиций, которые побуждают учёного действовать и реагировать определенным образом. Подобные диспозиции, диктуемые доксой, порождают дискурсивные практики, которые считаются "регулярными", не будучи сознательно скоординированными или регулируемы какими-либо "правилами" (см. сходное определение, например, в [Simeoni 1998]).

Лингвистический габитус ничем не отличается по своему характеру от социологического или медицинского, он предполагает специальную подготовку и накопление научного опыта в ходе обучения в аспирантуре и докторантуре, руководства научными проектами и работами студентов и соискателей научных степеней и, конечно же, в первую очередь в процессе общения с научным руководителем и членами его научной школы. Бурдьё так описывает процесс формирования научного габитуса: «Прежде всего это, конечно, все необходимое обучение для получения целого блока специфических знаний (теорий, проблематики, понятий, исторических традиций, [...] данных и т. д.), созданных и накопленных в ходе [...] работы профессионалов настоящего и прошлого, а также более общие способности, такие как владение определенным языком и определенной [...] риторикой, риторикой *трибуна*, необходимой в отношениях с непосвященными, или риторикой *debatet*, необходимой в отношениях с профессионалами» [6, с. 188].

Кажется поначалу несколько анекдотичной попытка Бурдьё приравнивать научные школы к тайным обществам, однако в целом нельзя не признать правоту его рассуждений, когда, к примеру, он объясняет процесс вхождения в доксу: «Но это также и прежде всего своего рода *инициация* с ее испытаниями и обрядами посвящения, которые стремятся

привить *практическое владение* логикой, имманентной [...] полю, и внушить действительное *подчинение* ценностям, иерархиям и цензурам, свойственным данному полю, и специфической форме, в которую его давление и контроль облакаются [...]. Это значит, что для того, чтобы полностью понять [...] выступления, которые предлагаются на рынке в данный момент и совокупность которых определяет универсум того, что может мыслиться или выражаться [...] в противоположность тому, что отбрасывается как *немыслимое* или *невыразимое*, следовало бы проанализировать весь процесс производства профессионалов [...], начиная с маркировки, производимой в зависимости от зачастую имплицитного определения желательной компетентности, которая предназначает их для этих функций, а также общего и специального образования, которое готовит профессионалов к их исполнению, и кончая непрерывным *нормирующим воздействием*» [6, с. 188-189].

В своих рассуждениях о позиции Бурдьё Гренфелл упоминает и такой важный термин, как *инклюзия (Inclusion)*: «Инклюзия, то есть то, как правительственные стратегии определяют политику и практику, и то, как это пересекается с индивидуальными склонностями... В видении Бурдьё, инклюзия приобретает другое качество: воссоединение с вопросами социальной мобильности; вопросы социального характера (*габитус*); влияние местных сообществ; язык (*лингвистический капитал*) посвящённых и непосвящённых; институциональные версии инклюзии и *докса*, присущая им; *нераспознаваемые* формы эксклюзии; *интересы* сторонников инклюзии; структурные отношения (*поля*) между государственными агентами инклюзии и диспозициями вовлечённых в ситуацию, основанными на *габитусе*; *культурный капитал* инклюзии; и результаты такой политики для «субъектов инклюзии» [21, с. 223]. Добавим к инициации и инклюзии такие важные параметры доксы, как *научный ритуал, неписанные правила, негласные запреты, табу и*

эвфемизмы, принятые в конкретной научной школе (упоминание имён конкурентов, их работ, идей, терминов в устном и письменном научном дискурсе).

Заключение

Критическая направленность концепции П. Бурдьё приобретает и применительно к лингвистике ярко выраженный негативный налёт, оставляя достаточно гнетущее впечатление от той картины профессиональной жизни, которая разворачивается в итоге этого «пиршества когнитивного пессимизма». Ситуации, способные омрачить яркую профессиональную жизнь лингвиста, на самом деле реальны и способны окрасить его картину мира в «печальные серые цвета», однако им вполне успешно противостоят концептуальное богатство, оценочный релятивизм и принципиальная свобода научного полёта в современной науке о языке, во всяком случае, российской. Концепция Бурдьё включает в себя идеи о социокультурных факторах, влияющих на языковую практику и структуру общества. Его понятие «лингвистической моды» может подчеркивать, как социокультурные неравенства и структуры влияют на языковое поведение. Пугающие картины, которые рисует Бурдьё, – это прошлые и возможные миры, былые и мыслимые «жупелы» лингвистики, знание о которых не преумножает печаль, но оберегает от увлечения догмами, каким выгодным бы оно ни показалось. Ибо: «Человек ученый знает много, и многоопытный выскажет знание» [Сир.34:9].

Литература

1. *Алпатов В.М.* История одного мифа. Марр и марризм. – М.: Наука, 1991. – 240 с.
2. *Базылев В.Н.* Криптолингвистика. М.: Изд-во СГУ, – 2010. – 277 с

3. Белов С.А., Кропачев Н.М. Понятие государственного языка // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература, 2020. – № 17(1). – С. 4-21.
4. Богатов М.А. Бытие произведения искусства: феноменологический анализ. Диссертация ... доктора философских наук, 09.00.01, 2018. – 322 с.
5. Бурдье П. Поле науки. Перевод с французского: Е. Д. Вознесенская. Альманах Российско-Французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. — СПб., 2002. // Электронная публикация: Центр гуманитарных технологий. – 28.03.2007.
6. Бурдье П. Социология политики: Пер. с фр./сост., общ. ред. и предисл. Н.А. Шматко. – М.: Socio-Logos, 1993. – 336 с.
7. Девятко И.Ф. Философия языка и язык социальной науки // Журнал социологии и социальной антропологии, 2004. – Т. 7. – № 5. – С. 50-58.
8. Зализняк А.А. Из заметок о любительской лингвистике. 2-е изд., испр. и доп. М.: Альпина нон-фикшн, 2023. – 208 с.
9. Костева В.М. Лингвистика тоталитаризма в лингвофилософской парадигме XX века: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.19. ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», 2019. – 398 с.
10. Лассан Э.Ф. Лингвистика как ангажированное знание // Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика. Екатеринбург, 2006. – С. 199-213.
11. Лонев А.Л. Компаративистский анализ теоретических положений П.Бурдье о социальной структуре. Диссертация... кандидата социологических, 22.00.01. Санкт-Петербург, 2006. – 210 с.

12. *Масловская Е.В.* Становление современных концепций западной социологии права: теоретико-методологические аспекты. Диссертация ... доктора социологических наук, 22.00.01, М., 2009. – 290 с.

13. *Михеева А.Р.* Векторы современных трансформаций российской семьи: анализ в дискурсе структурно-генетической теории П. Бурдьё. Диссертация... доктора социологических наук, 22.00.03. Новосибирск, 2015. – 295 с.

14. *Могилевич Б.Р.* Полилингвизм как лингвистический капитал информационного общества // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2020. – № 26(1). – С. 188-208.

15. *Мыскин С.В.* К постановке проблемы «патологии языковой личности» / С. В. Мыскин // Организационная психолингвистика. – 2023. – №3(23). – С. 10-24. – EDN TZGUEG

16. *Мыскин С.В., Тарасов Е.Ф.* (ред.) Профессиональная картина мира. Методология. Варианты. Практика. Коллективная монография. – М., Издательство Института языкознания РАН, 2020. – 312 с.

17. *Тихонова А.В.* Трансформация культурного производства и новые культурные посредники в современном российском обществе: социологические теории и региональные практики. Диссертация ... кандидата социологических наук, 22.00.04, Казань, 2007. – 201 с.

18. *Ушкарёв А.А.* Аудитория искусства: культурный феномен в социальных измерениях. Диссертация... доктора культурологии, 24.00.01, М., 2019. – 487 с.

19. *Юдин Г.Б.* Феноменологическая редукция в эпистемологии социальной науки. Диссертация... кандидата философских наук, 09.00.01, М., 2012. – 237 с.

20. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Edited and Introduced by John B. Thompson. Polity Press, 1991. – 291 p.

21. Grenfell M. Bourdieu, Language and Linguistics. Continuum International Publ., 2011. – 259 p.

22. Grenfell M. Bourdieu's Metanoia: Seeing the Social World Anew. Routledge, 2022. – 240 p.

23. Grenfell M. Pierre Bourdieu: Education and Training. Bloomsbury Academic, 2007. – 286 p.

24. Hjelmslev L. Prolegomena to a Theory of Language. Madison, Milwaukee, London, The University of Wisconsin Press, 1969. – 144 p.

25. Knight Chr. The Unknown Chomsky: When the Pentagon Used Chomsky's Linguistics for Weapons Research // Critique 48, Issue 4, 2020. – P. 661-676.

26. Koltun V., Hafner D. The h-index is no longer an effective correlate of scientific reputation // PLoS ONE 16(6): e0253397, June 2021. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253397>

27. Seuren P. A.M. Saussure and Sechehaye: Myth and Genius. A Study in the History of Linguistics and the Foundations of Language. Brill, 2018. – 268 p.
Simeoni D. The Pivotal Status of the Translator's Habitus // Target 10:1 (1998), – P. 1-39.

References

1. Alpatov V.M. Istorija odnogo mifa. Marr i marrizm. M.: Nauka, 1991. – 240 s.

2. Bazylev V.N. Kriptolingvistika. M.: Izd-vo SGU, 2010. – 277 s

3. Belov S.A., Kropachev N.M. Ponjatie gosudarstvennogo jazyka // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Jazyk i literatura, 2020. № 17(1). – S. 4-21.

4. Bogatov M.A. Bytie proizvedenija iskusstva: fenomenologicheskij analiz. Dissertacija ... doktora filosofskih nauk, 09.00.01, 2018. – 322 s.

5. *Burd'jo P.* Pole nauki. – Perevod s francuzskogo: E. D. Voznesenskaja. Al'manah Rossijsko-Francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii Rossijskoj Akademii nauk. – SPb., 2002. // Jelektron'naja publika-cija: Centr guma-nitar-nyh tehnologij. – 28.03.2007.
6. *Burd'e P.* Sociologija politiki: Per. s oρρ./Sost., obshh. red. i predisl. N.A.Shmatko. – M.: Socio-Logos, 1993. – 336 s.
7. *Devjatko I.F.* Filosofija jazyka i jazyk social'noj nauki // Zhurnal sociologii i social'noj antropologii, 2004. – T. 7. – № 5. – S. 50-58.
8. *Zaliznjak A.A.* Iz zametok o ljubitel'skoj lingvistike. 2-e izd., ispr. i dop. M.: Al'pina non-fikshn, – 2023. – 208 s.
9. *Kosteva V.M.* Lingvistika totalitarizma v lingvofilosofskoj paradigme HH veka: dissertacija ... doktora filologicheskikh nauk: 10.02.19. FGBOU VO «Permskij gosudarstvennyj nacional'nyj issledovatel'skij universitet», 2019. – 398 s.
10. *Lassan Je. F.* Lingvistika kak angazhirovannoe znanie // Budaev Je. V., Chudinov A. P. Sovremennaja politicheskaja lingvistika. Ekaterinburg, 2006. – S. 199-213.
11. *Lonev A.L.* Komparativistskij analiz teoreticheskikh polozhenij P. Burd'e o social'noj strukture. Dissertacija... kandidata sociologicheskikh, 22.00.01. Sankt-Peterburg, 2006. – 210 s.
12. *Maslovskaja E.V.* Stanovlenie sovremennyh koncepcij zapadnoj sociologii prava: teoretiko-metodologicheskie aspekty. Dissertacija ... doktora sociologicheskikh nauk, 22.00.01, M., 2009. – 290 s.
13. *Miheeva A.R.* Vektory sovremennyh transformacij rossijskoj sem'i: analiz v diskurse strukturno-geneticheskoi teorii P. Burd'jo. Dissertacija... doktora sociologicheskikh nauk, 22.00.03. Novosibirsk, 2015. – 295 s.
14. *Mogilevich B.R.* Polilingvizm kak lingvisticheskij kapital informacionnogo obshhestva // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 18. Sociologija i politologija. – 2020. – № 26(1). – S. 188-208.

15. *Myskin S.V.* K postanovke problemy «patologii jazykovoj lichnosti» / S. V. Myskin // Organizacionnaja psiholingvistika. – 2023. – №3(23). – S. 10-24. – EDN TZGUEG
16. *Myskin S.V., Tarasov E.F.* (red.) Professional'naja kartina mira. Metodologija. Varianty. Praktika. Kollektivnaja monografija. M., Izdatel'stvo Instituta jazykoznanija RAN, 2020. – 312 s.
17. *Tihonova A.V.* Transformacija kul'turnogo proizvodstva i novye kul'turnye posredniki v sovremennom rossijskom obshhestve: sociologicheskie teorii i regional'nye praktiki. Dissertacija ... kandidata sociologičeskikh nauk, 22.00.04, Kazan', 2007. – 201 s.
18. *Ushkarjov A.A.* Auditorija iskusstva: kul'turnyj fenomen v social'nyh izmerenijah. Dissertacija... doktora kul'turologii, 24.00.01, M., 2019. – 487 s.
19. *Judin G.B.* Fenomenologičeskaja redukcija v jepistemologii social'noj nauki. Dissertacija...kandidata filosofskih nauk, 09.00.01, M., 2012. – 237 s.
20. *Bourdieu P.* Language and Symbolic Power. Edited and Introduced by John B. Thompson. Polity Press, 1991. – 291 p.
21. *Grenfell M.* Bourdieu, Language and Linguistics. Continuum International Publ., 2011. – 259 p.
22. *Grenfell M.* Bourdieu's Metanoia: Seeing the Social World Anew. Routledge, 2022. – 240 p.
23. *Grenfell M.* Pierre Bourdieu: Education and Training. Bloomsbury Academic, 2007. – 286 p.
24. *Hjelmslev L.* Prolegomena to a Theory of Language. Madison, Milwaukee, London, The University of Wisconsin Press, 1969. – 144 p.
25. Knight Chr. The Unknown Chomsky: When the Pentagon Used Chomsky's Linguistics for Weapons Research // Critique 48, Issue 4, 2020. – P. 661-676.

26. Koltun V.; Hafner D. The h-index is no longer an effective correlate of scientific reputation // PLoS ONE 16(6): e0253397, June 2021. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0253397>

27. Seuren P. A.M. Saussure and Sechehaye: Myth and Genius. A Study in the History of Linguistics and the Foundations of Language. Brill, 2018. 268 p.
Simeoni D. The Pivotal Status of the Translator's Habitus // Target [10:1](#) (1998), Pp. 1-39

УДК 81'23

Е.Ф. Тарасов

Московский городской педагогический университет
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
eft35@mail.ru

ТЕОРИЯ РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Статья посвящена анализу объектной и предметной областям теории речевой деятельности (ТРД) как теории отечественной психолингвистики. Целью статьи является вскрытие внутренних потенций ТРД для ее дальнейшего развития. Такие возможности усматриваются при анализе ее объектов, инструментов и подходов в ТРД. Собственно анализу предшествует краткое изложение методологии отечественной психолингвистики, своеобразие которой определяется тем, что в ней в качестве психологической теории фигурирует общепсихологическая теория деятельности А.Н. Леонтьева. Анализ показал, что точки роста находятся в области следующих проблем ТРД. Возможности для развития обнаруживаются прежде всего в распространении исследований онтогенеза языка за пределы раннего возраста на среднее детство. Целесообразно расширить исследования формирования присвоения новых фрагментов значения слов на всю человеческую жизнь, особенно, на периоды профессионального обучения. Значительной привлекательностью обладает введение в объектную область психолингвистики множественного продуцента и реципиента тем более, что психологическое обоснование для этого уже давно создается. Также многообещающе может трактоваться попытка введения в объектную область ТРД анализа роли языка в процессе формирования личности человека. Психолингвистический анализ предметных значений слов, усваиваемых при обучении вторичным языкам, ожидает своих исследователей. Новой задачей для отечественной психолингвистики является рецепция теории культурной обусловленности субъективного опыта, развиваемой В.И. Александровым. Общий вывод сводится к мысли, что отечественная психолингвистика в форме ТРД обладает пока нереализованными потенциями для своего развития.

Ключевые слова: теория речевой деятельности, онтогенез языка, этническая культура, образ мира, языковое и предметное значение, тело знака.

E. Tarasov

THEORY OF SPEECH ACTIVITY: DEVELOPMENT PROSPECTS

Abstract. The article is devoted to the analysis of the object and subject areas of the theory of speech activity (SAT) as a theory of domestic psycholinguistics. The purpose of the article is to reveal the internal potential of the SAT for its further development. Such opportunities are seen in the analysis of its objects, tools and approaches in the SAT. The

analysis itself is preceded by a brief presentation of the methodology of domestic psycholinguistics, the originality of which is determined by the fact that it includes the general psychological theory of activity of A.N. Leontyev as a psychological theory. The analysis showed that growth points are in the area of the following problems of SAT. Opportunities for development are found primarily in the extension of research into the ontogeny of language beyond early childhood into middle childhood. It is advisable to expand research into the formation of the assignment of new fragments of the meaning of words throughout human life, especially during periods of professional training. The introduction of a multiple producer and recipient into the object area of psycholinguistics is of significant attractiveness. An attempt to introduce an analysis of the role of language in the process of human personality formation into the object domain of SAT can also be interpreted as promising. Psycholinguistic analysis of the subject meanings of words acquired during the teaching of secondary languages awaits its researchers. A new task for SAT is the reception of the theory of cultural conditioning of subjective experience, developed by V.I. Alexandrov. The general conclusion is that domestic psycholinguistics in the form of SAT has unrealized potential for its development.

Keywords: theory of speech activity, ontogeny of language, ethnic culture, image of the world, linguistic and subject meaning, body of the sign.

Методологическое введение

Теория речевой деятельности – это, как известно, российская психолингвистическая школа, основанная А.А. Леонтьевым и развитая многочисленными последователями и сторонниками. В настоящее время – это единственное психолингвистическое направление, имеющее собственную теорию и достаточно обоснованные решения так называемых стандартных проблем: производство речи, смысловое восприятие речи, онтогенез языка и речевое общение [4, с. 402; 6; 9; 18; 22].

Сейчас, как, впрочем, и всегда, стоит проблема развития понятийного аппарата, собственно, ТРД, а также проблема расширения ее объектной и предметной областей.

Наша статья ориентирована на анализ объектной и предметной областей ТРД с целью изыскать ресурсы для дальнейшего развития этой теории. Целесообразно исходить из мысли, что уточнение и развитие понятийного аппарата любой теории происходит в процессе объяснения и предсказания феноменов, вводимых в объектную область этой теории.

Как известно, объектная область ТРД как психолингвистической

дисциплины состоит из психологической и лингвистической частей. Лингвистическая часть объектной области ТРД – это речевые сообщения, которые продуцируются говорящими и воспринимаются реципиентами, т.е. это то, что наблюдают и описывают лингвисты. Психологическая часть – это образы сознания коммуникантов, формируемые при восприятии объектов, которые детерминируют речевые процессы: это коммуниканты с различными познавательными возможностями и потребностно-мотивационными областями, это структура речевого общения (РО), существующая в виде социального взаимодействия общающихся, это совместная деятельность (СД) коммуникантов, которые являются, кроме того, сотрудниками в СД, ради организации которой члены социума общаются при помощи языковых и неязыковых знаков.

Психолингвистика как стыковая дисциплина и была создана для того, чтобы заменить редуccionистскую объектную область лингвистики на более адекватную объектную область психолингвистики, которая позволяет не только описывать речевые сообщения людей, но и объяснять функционирование языка в речевых действиях коммуникантов.

Объектная область современной лингвистики, включающей в себя только речь, изолированную, как правило, от её продуцентов и реципиентов – это речевые произведения членов общества XXI века, изучаемые по нормативам лингвистики XIX века. Очевидно, что объектная область психолингвистики – это форма существования объектной области лингвистики XXI века. Это мысль не новая – её часто высказывал бывший директор Института языкознания Российской Академии Наук замечательный учёный Виктор Алексеевич Виноградов.

Наибольшим ресурсом развития ТРД обладает СД вместе с включенным в её структуру РО и речевыми действиями коммуникантов-сотрудников. При этом следует учитывать, что сознание исследователя включает в себя как образ. Сознания. «предметная СД» (коммуниканты-

сотрудники, общая цель, орудие, предметные и речевые действия, мотивы), так и инструмент анализа этой деятельности.

Множественный коммуникант как инструмент научного анализа уже давно присутствует в ТРД в виде ассоциативных полей, формируемых в массовых экспериментах и представляющих собой конструкт, отображающий вербальное сознание множественного носителя конкретного этнического языка.

Возможность и необходимость различать деятельность как феномен в объектной области психолингвистики и деятельность (схему деятельности) как инструмент анализа активности человека, направленные на её преобразование, подсказывает путь поиска для развития ТРД – это, как уже упоминалось, расширение и уточнение объектной области психолингвистики и естественная модификация понятийного инструментария с целью увеличения его объяснительных возможностей не только уточнённой объектной области, но и онтологической картины реального функционирования языка в социуме.

Исследование

Первая часть объектной области ТРД, с которой целесообразно начать наш анализ – это онтогенез языка, который пока в основном ограничивается ранним онтогенезом. Работы В.Е. Гольдина, А.П. Сдобновой, Л.О. Бутаковой, Е.Н. Гутц и др. авторов, отреферированные в коллективной монографии «Российская психолингвистика: итоги и перспективы (1966–2021)» [14], демонстрируют возможности анализа процесса овладения языком маленьким ребенком и за пределами раннего онтогенеза в среднем детстве, тем более что психологическое обоснование для осуществления собственно психолингвистических исследований создано Б.Д. Элькониным в его «Психологии развития» [21].

Не получила пока достаточного внимания идея Л.С. Выготского о развитии значения слова у человека, сформулированная им на материале детской речи, хотя эта идея легко экстраполируется на всю человеческую жизнь, т.к. хорошо описывает развитие значения слов у человека, особенно интенсивное в периоды овладения новыми деятельностями, например, при профессиональном обучении.

Объектная область раннего онтогенеза языка состоит из взаимодействующих взрослого и ребёнка, и это взаимодействие есть активность прежде всего взрослого по уходу за ребенком при помощи культурных предметов, функциональное значение которых открывается ребёнку в этом процессе. Кроме взрослого и ребёнка в эту объектную область входит культурный предмет, опосредующий их взаимодействие, а позднее с появлением речи добавляется знаковое опосредование в виде языкового знака.

Это взаимодействие взрослого и ребенка Л.С. Выготский рассматривал как процесс приобщения ребенка к культуре взрослых, в ходе которого формируется психика ребенка: социальные отношения взрослого и ребенка через этап интериоризации становятся психическими функциями последнего. Этому положению Л.С. Выготского в ТРД приписывают статус онтологической предпосылки, т.е. методологического положения, принимаемого без доказательств, т.к. оно верифицировано за пределами ТРД.

Однако главная идея Л.С. Выготского, которая освоена в психологии (работы Б.Д. Эльконина), но пока не утилизирована полностью психолингвистами – это идея знака, т.е. знакового опосредования взаимодействия коммуникантов. Естественно, идея знака как средства общения не является новой ни для лингвистов, ни для психолингвистов. Новое в знаке, на что указывал Л.С. Выготский – это способность обобщать, знак в противоположность орудию направлен на изменение поведения

другого человека и самого говорящего, и, следовательно, знак есть внешнее средство воздействия на внутренний мир человека.

Воздействие, по Л.С. Выготскому, состоит в том, что содержание значения знака, предъявляемого реципиенту, вынуждает его видеть мир определенным образом. Другими словами, значение знака, обозначающего конкретный предмет, позволяет осмысливать этот предмет иначе, вопреки внешним наблюдаемым свойствам [5, с. 264-265].

Вскрытие своеобразия содержания (структуры) знака конкретного этнического языка – это пока также не освоенный психолингвистами путь анализа этнокультурной специфики языкового сознания носителей разных этнических языков. Хотя уже начинают появляться двуязычные словари ассоциативных норм, которые содержат материал для анализа специфики языкового сознания носителей разных этнических языков (см., например, [19]).

Таким образом, ресурс для развития ТРД состоит в утилизации идеи о знаковом опосредовании взаимодействия коммуникантов, которое есть воздействие на внутренний мир реципиента, не путём передачи информации, т.к. при знаковом опосредовании информация не передаётся, а осуществляется путём трансляции тел языковых и неязыковых знаков в качестве программы конструирования реципиентом содержания, отображающего мысли продуцента речи, смоделированные его речевым сообщением.

Вторая объектная область ТРД, которая может рассматриваться как ресурс для дальнейшего развития ТРД – это область присвоения этнической культуры членами этноса, которое осуществляется в процессе производства или потребления культурных предметов по правилам этноса. Процесс производства и потребления культурных предметов осмысливается обычно как трансляция родовых качеств человека конкретного этноса в пространстве и времени, в философии описывается

понятиями опредмечивания человеческих действий в форме изготовления предмета и распредмечивания качеств предмета в действиях по изготовлению другого предмета по образцу первого.

Хотя присвоение культуры этноса осуществляется в процессе предметной деятельности, для сознания конкретного члена этноса оно результируется в виде этнического образа мира, содержание которого образует, по А.Н. Леонтьеву, пятое квазиизмерение реальной действительности, которое объясняет этнокультурную специфику сознания носителей конкретной этнической культуры [10].

Усвоенный человеком образ мира представляет собой ориентировочную основу его предметной деятельности как для конкретного человека, так и для всего общества. А.Н. Леонтьев называл этот феномен двойной жизнью значения [12, с. 109]. Наибольший интерес для наших целей развития ТРД имеет идея А.Н. Леонтьева о соотношении сознания и языка в обществе: «то, в чем и при помощи чего, существует сознание общества, есть язык» [11, с. 8].

Это свойство языка описывать образы сознания при помощи вербальных текстов широко используется при преподавании вторичных языков, где этнический образ мира носителей изучаемого языка формируется не при помощи присвоения культурных предметов из культуры носителей изучаемого языка, а при помощи вербальных описаний этих образов что, естественно, является паллиативом. Если речь идёт о том, чтобы создавать при преподавании вторичного языка образ этнического мира носителей этого языка, то целесообразно разработать систему дополнительных учебных действий, компенсирующих недостаток активности обучаемых, по овладению вторичной предметной культурой, т.к. без вторичного образа мира взаимопонимание общающихся на вторичном языке будет затруднено.

Достаточно мощный ресурс для развития ТРД возникает при

утилизации идей теории культурной обусловленности субъективного опыта, в отечественной психологии развиваемой В.И. Александровым [1]. Принцип культурной обусловленности перцептивной активности и мышления приобретает особое значение при межкультурном анализе познавательной деятельности носителей конкретной этнической культуры, которая восходит не только к предметным действиям и, следовательно, будучи культурно детерминированными, являются «одновременно генетически детерминированными (через индивидуальные характеристики специализирующихся в процессе системогенеза нейронов)» [2, с. 188].

Непредсказуемые возможности для расширения эмпирической базы ТРД обещает психолингвистическое исследование профессиональной деятельности в связи с анализом проблемы профессионального образа мира и профессионального языка. Привлекательность этой проблематики обусловлена несколькими причинами. Во-первых, социальная ценность проблемы общественно необходимой профессиональной деятельности членов общества. Во-вторых, наличие традиционного интереса психологов, ведущих исследования влияния профессиональной деятельности на формирование личности [3; 7; 8; 13; 15; 16; 17]. В-третьих, и это самое существенное, наличие психологических теорий: теория образа мира А.Н. Леонтьева, трёхслойная модель образа мира Е.Ю. Артемьевой, Ю.Н. Стрелкова, В.П. Серкина и организационного ресурса в виде «Организационной психологии» (Магадан) и «Организационной психолингвистики» (Москва).

Трёхслойная модель образа мира Е.И. Артемьевой с соавторами – это модель функционирующего сознания человека, где комплекс амодальных образов сознания отображает предметную культуру и аксиологический каркас этноса, т.е. то, что называется собственно сознанием, семантический слой содержит языковые знания, иначе говоря, то, «чем и при помощи чего

существует сознание общества» [11, с. 38]. Перцептивный мир – это мир предметов реальной действительности, воспринимаемых при помощи образов сознания, служащих перцептивными эталонами. По мнению авторов модели, все три слоя взаимодействуют друг с другом: ядерный слой (системы амодальных образов) обуславливает предметные значения воспринимаемых объектов, предметные значения интерпретируются при помощи обобщающих знаний, ассоциированных с телами языковых знаков, новые для перцептивного мира знания могут закрепляться в ядерном слое, развивая сознание всего этноса. Даже беглый анализ трехслойной модели образа мира показывает, что модель обладает значительными эвристическими возможностями, которые очевидны, например, при интерпретации ассоциативных полей как инструмента анализа сознания.

Четвёртую объектную область ТРД образуют социальные отношения с другими членами общества, с которыми индивид сотрудничает и, следовательно, общается в рамках социальных отношений и превращается в личность, становясь субъектом этих социальных отношений. А.Н. Леонтьев в своей теории личности пишет по этому поводу: «Исследование процесса порождения и трансформаций личности человека в его деятельности, протекающей в конкретных социальных условиях, и является ключом к её подлинно научному психологическому пониманию» [12, с. 129].

Осуществление деятельностей в структуре социальных отношений конкретного общества в определённое историческое время связано с усвоением системы норм, регулятивов, установок и ценностей, обеспечивающих «поддержание определённого уровня социальной консолидированности сообщества» [20, с. 370].

Существование социокультурного регулирования любой индивидуальной и групповой деятельности в социуме находит своё выражение не только в технологиях построения вербальных текстов, но и

в технологиях изготовления культурных предметов, и в самих этих культурных предметах [20, с. 370].

В психолингвистических работах традиционно учитываются преимущественно языковые правила производства речи, хотя речевая активность регулируется не только лингвистической технологией, но и этическими и эстетическими ограничениями. Отказ от анализа в психолингвистике зависимости процессов производства и восприятия речи от общественных правил неречевого взаимодействия коммуникантов можно полагать неоправданной и вредной редукцией объекта исследования.

Пятая объектная область ТРД – построение вторичной личности при овладении вторичным (чужим) языком. Овладение иностранным языком – это объектная область не только психолингвистики, но и лингвистики в целом вместе с её отдельными областями вроде переводоведения, сравнительного языкознания, контрастивной лингвистики и т.п.

Лингвистическая проблематика в области иностранных языков обычно рассматривается в связи с заимствованиями из других языков, которые квалифицируются как прямые или косвенные через язык-посредник как калькирование, перевод, транслитерация. Функционирование заимствованных слов вызывает к жизни проблемы образования пиджинов, фонда интернациональных слов, международных языков и т.п.

Психолингвистическая проблематика обычно появляется при обсуждении методики преподавания иностранных языков (виды речевой деятельности, по Л.В. Щербе: говорение, аудирование, чтение и письмо) или при описании заимствований слова одновременно с предметом или с понятием, когда новое слово употребляется как обычное слово языка-реципиента. Если заимствуется слово в качестве синонима к уже имеющемуся слову, то оно как новое слово-синоним запускает процесс

перераспределения знаний между двумя синонимами.

Ситуация в преподавании иностранных языков как вторичных языков разрешается по принципу заимствования синонима к уже существующим словам в родном языке, т.е. без раскрытия предметного значения заимствованного слова в изучаемом иностранном языке. Это свидетельствует только об одном: изучающий иностранный язык без присвоения этнической культуры носителей изучаемого языка формирует не полноценный язык, значениями слов которого являются предметные и языковые знания из образа мира носителей изучаемого языка, а вторичный квазиязык, с телами языковых знаков которого ассоциированы предметные и языковые значения слов-эквивалентов родного языка.

Альтернативой этому квазиязыку может быть только вторичный язык, в котором предметные и языковые значения сформированы в ходе присвоения культуры носителей изучаемого иностранного языка. Подобным образом и изучают, например, русский язык как язык определённой профессии. Студенты-медики, обучающиеся в РУДН, кроме учебной аудитории изучают русский язык в медицинских учреждениях, где они проходят медицинскую практику. Военные переводчики кроме собственно вторичного языка и формирования навыков перевода овладевают структурой вооружённых сил страны изучаемого языка, знакомятся с высшими органами управления, их предназначением и задачами, организационно-штатной структурой, воинскими званиями, знаками отличия и т.п. За пределами преподавания вторичного языка не для профессиональных целей отсутствуют разработанные критерии отбора знаний о культуре носителей изучаемого языка.

Выводы

Краткий анализ перспектив развития ТРД позволяет сделать

следующие достаточно осторожные выводы.

Существует обширный ресурс для развития ТРД, который можно усмотреть в следующих областях: распространение анализа онтогенеза языка, по крайней мере, на среднее детство; возможность сделать анализ закономерностей формирования значения слова на всех этапах жизни человека, привязав этот анализ к областям формирования и присвоения социально значимых новых знаний; расширение практики составления двуязычных ассоциативных словарей как инструмента анализа чужой этнической культуры, чужого образа мира; использование возможностей теории культурной обусловленности субъективного опыта развиваемой В.И. Александровым.

Литература

1. *Александров Ю.И.* Психофизиологическое значение активности центральных и периферических нейронов в поведении. – М., 1989. – 206 с.
2. *Александров Ю.И.* Эмоция и мораль // *Методология и история психологии.* – 2008. – Т.3. Вып. 3. – С. 186-208.
3. *Артемьева Е.Ю., Стрелков Ю.К., Серкин В.П.* Описание структур субъективного опыта: Контекст и задачи // *Мышление. Общение. Опыт.* Ярославль: ЯрГУ, 1988. – С. 99-108.
4. *Ахутина Т.В.* Нейролингвистический анализ лексики, семантики и прагматики. М.: Языки славянской культуры, 2014. – 424 с.
5. *Выготский Л.С.* *Собрание сочинений:* В 6 т. М., 1982–1984.
6. *Зимняя И.Я.* Функциональная психологическая схема формирования и формулирования мысли посредством языка // *Исследование речевого мышления в психолингвистике.* – М.: Наука, 1985. – С. 85–99.
7. *Климов Е.А.* Психология профессионала. М. Изд-во «Институт практической психологии», Воронеж: НПО «МОДЭК», 1996. – 400 с.

8. Колмогорцева Н.Н. Влияние профессиональной составляющей образа мира на формирование образа «Я»: Дисс...канд. психол наук. Екатеринбург, 2003. – 205 с.
9. Леонтьев А.А. Психология общения. – М.: Смысл, 1997. – 365 с.
10. Леонтьев А.Н. Образ мира // Избр. психолог. произведения. М.: Педагогика, 1983.
11. Леонтьев А.Н. Материалы о сознании // Вестник Московского университета, Сер. Психология. – 1988. – № 3. – С. 6-25.
12. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. – М.: Книга, 2012. – 176 с.
13. Поварёнков Ю.П. Профессиональное становление личности: Дисс...докт. психол. наук. Ярославль, 1999. – 360 с.
14. Российская психолингвистика: Итоги и перспективы (1966–2021). Коллективная монография. М.: Институт языкознания РАН – ММА, 2021. – 626 с.
15. Серкин В.П. Функциональный генез значения в практической деятельности: Дисс...канд. психол. наук. – М., 1988. – 141 с.
16. Серкин В.П. Образ мира и образ жизни. Магадан: Изд-во Сев. междунар. ун-та, 2005. – 331 с.
17. Склейнис В.А. Специфика развития образа мира в разнотипных профессиях. // Организационная психология. – 2015. – Т.5. – № 1. – С.34-58.
18. Тарасов Е.Ф. Тенденции развития психолингвистики. – М.: Наука, 1987. – 168 с.
19. Уфимцева Н.В., Стернин И.А., Эккерт Х., Милехина В.И., Топорова В.М. Ассоциативные нормы русского и немецкого языков. М. – Воронеж: «Истоки», 2004. – 130 с.
20. Флиер А.Я. Регуляция социокультурная // Культурология. XX век. Словарь. – СПб.: Университетская книга, 1997. – 640 с.

21. Эльконин Б.Д. Психология развития: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений /Б.Д. Эльконин. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия», 2007. – 144 с.

22. Юрьева Н.М. Устное повествование в онтогенезе речи. Экспериментальное исследование. – М. – Ярославль: Изд-во «Канцлер», 2020. – 192 с.

References

1. Aleksandrov Yu.I. Psihofiziologicheskoe znachenie aktivnosti central'nyh i perifericheskikh nejronov v povedenii [Psychophysiological significance of the activity of central and peripheral neurons in behavior]. – М., 206 p.

2. Aleksandrov Yu.I. Emociya i moral' [Emotion and morality]. Metodologiya i istoriya psihologii. [Methodology and history of psychology], vol. 3, 3. – Pp. 186-208.

3. Artemyeva E.Yu., Strelkov Yu.K., Serkin V.P. Opisanie struktur sub"ektivnogo opyta: Kontekst i zadachi [Description of the structures of subjective experience: Context and tasks]. Myshlenie. Obshchenie. Opyt [Thought. Communication. Experience]. – Yaroslavl: YarSU, – Pp. 99-108.

4. Akhutina T.V. Nejrolingvisticheskij analiz leksiki, semantiki i pragmatiki [Neurolinguistic analysis of vocabulary, semantics and pragmatics]. – М.: Yazyki slavyanskoj kul'tury, – 424 p.

5. Vygotsky L.S. Sobraenie sochinenij: v 6 t. [Collected works: In 6 vols]. –М.

6. Zimnyaya I.Ya. Funkcional'naya psihologicheskaya skhema formirovaniya i formulirovaniya mysli posredstvom yazyka [Functional psychological scheme for the formation and formulation of thoughts through language]. Issledovanie rechevogo myshleniya v psiholingvistike [Study of speech thinking in psycholinguistics]. – М.: Nauka. – Pp.85-99.

7. Klimov E.A. Psihologiya professionala [Psychology of a professional]. – М.: Institut prakticheskoy psihologii, – Voronezh: NPO "MODEK". – 400 p.

8. *Kolmogortseva N.N.* Vliyanie professional'noj sostavlyayushchej obraza mira na formirovanie obraza «YA»: Diss... kand. psihol nauk [The influence of the professional component of the image of the world on the formation of the image of "I": Diss... cand. psychol sci.] – Ekaterinburg. – 205 p.

9. *Leontiev A.A.* Psihologiya obshcheniya [Psychology of communication]. M.: Smysl. – 365 p.

10. *Leontyev A.N.* Obraz mira [Image of the World]. Izbr. psiholog. proizvedeniya [Selected psychol. works]. – M.: Pedagogika. – 1983.

11. *Leontyev A.N.* Materialy o soznanii [Materials about consciousness]. Vestnik Moskovskogo universiteta, Ser. Psihologiya. [Bulletin of Moscow University, Psychology], 3. – Pp. 6-25.

12. *Leontyev A.N.* Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'. [Activity. Consciousness. Personality.]. – M.: Kniga. – 176 p.

13. *Povarenkov Yu.P.* Professional'noe stanovlenie lichnosti: Diss...dokt. psihol. nauk. [Professional development of personality: Diss... doct. psychol. sci.]. Yaroslavl. – 360 p.

14. Rossijskaya psiholingvistika: Itogi i perspektivy (1966–2021). Kollektivnaya monografiya. (2021) [Russian psycholinguistics: Results and prospects (1966–2021). Collective monograph]. M.: Institut yazykoznaniya RAN – MMA. – 626 p.

15. *Serkin V.P.* Funkcional'nyj genez znacheniya v prakticheskoy deyatel'nosti: Diss...kand. psihol. nauk. [Functional genesis of meaning in practical activity: Diss... cand. psychol. sci.]. – M., 141 p.

16. *Serkin V.P.* Obraz mira i obraz zhizni [The image of the world and the way of life]. Magadan: Izd-vo Sev. mezhdunar. un-ta. – 331 p.

17. *Skleinis V.A.* Specifika razvitiya obraza mira v raznotipnyh professiyah [Specifics of the development of the image of the world in different types of professions]. Organizacionnaya psihologiya [Organizational psychology], vol 5, 1. Pp. 34-58.

18. *Tarasov E.F.* Tendencii razvitiya psiholingvistiki [Trends in the development of psycholinguistics]. – M.: Nauka. – 168 p.

19. *Ufimtseva N.V., Sternin I.A., Eckert H., Milekhina V.I., Toporova V.M.* (2004) Associativnye normy russkogo i nemeckogo yazykov [Associative norms of Russian and German languages]. – M. – Voronezh: "Istoki". – 130 p.

20. *Flier A.Ya.* Regulyaciya sociokul'turnaya [Sociocultural regulation]. Kul'turologiya. XX vek. Slovar'. – St. Petersburg: Universitetskaya kniga. – 640 p.

21. *Elkonin B.D.* Psihologiya razvitiya: Ucheb. posobie dlya stud. vyssh. ucheb. zavedenij [Developmental psychology: Textbook for students of higher edu.]. – M.: Izdatel'skij centr «Akademiya». – 144 p.

22. *Yuryeva N.M.* Ustnoe povestvovanie v ontogeneze rechi. Eksperimental'noe issledovanie. [Oral narration in the ontogenesis of speech. Experimental study]. – M. – Yaroslavl: «Kancler». – 192 p.

**ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В МАЛЫХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУППАХ, ТРУДОВЫХ КОЛЛЕКТИВАХ,
ОРГАНИЗАЦИЯХ/ EXPERIMENTAL STUDIES IN SMALL PROFESSIONAL
GROUPS, LABOR COLLECTIVES, ORGANIZATIONS**

УДК 880.61

Н.А. Болзан

Белорусский Государственный Университет
220030, Бобруйская, 5а
Минск, Беларусь
Nika.bolzan@gmail.com

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ПРОБЛЕМА ДЛЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО
БЛАГОПОЛУЧИЯ МАТЕРИ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ**

Аннотация. В статье рассматриваются социальные сети с точки зрения их влияния на психологическое благополучие матерей в Республике Беларусь и других странах СНГ. Актуальность исследования связана со стремительным ростом аудитории социальных сетей, в том числе среди матерей. Рассматриваются различные научные позиции: одни исследователи отмечают позитивное значение социальных сетей для обогащения опыта и самосознания матери, другие - указывают на риски конструирования гиперболизированного образа "идеальной матери", не соответствующего реальности. Показано, что восприятие такого образа приводит к излишнему сравнению, чувству собственной несостоятельности и развитию симптомов депрессии и тревоги у матерей. В статье также проводится всесторонний анализ влияния социальных сетей на психологическое благополучие матерей с учетом социально-культурных различий в европейских странах, странах Запада, восточных странах и странах СНГ. Выявлено, что в европейских и западных странах преобладает образ матери, акцентированный на самореализации и равновесии между личной жизнью и воспитанием детей. В восточных странах, вроде Израиля, напротив, более актуален традиционный образ материнства, обусловленный патриархальной моделью общества. В странах СНГ наблюдается смешение этих тенденций, где идеалы материнства колеблются между традиционными и современными подходами. Исследование показывает, что социальные сети усиливают давление на матерей во всех рассмотренных регионах, пропагандируя недостижимые стандарты. Это приводит к увеличению случаев депрессии, тревожности и низкой самооценки среди матерей, особенно когда они сравнивают свои реальные жизненные ситуации с идеализированными образами в социальных сетях.

Ключевые слова: социальные сети, материнство, психологическое благополучие, идеальная мать, депрессия, тревожность, самосознание.

SOCIAL NETWORKS AS A PROBLEM FOR THE PSYCHOLOGICAL WELL-BEING OF THE MOTHER IN MODERN SOCIETY

Abstract. The article examines social networks in terms of their impact on the psychological well-being of mothers. The relevance of the study is related to the rapid growth of the audience of social networks, including among mothers. Various scientific positions are considered: some researchers note the positive importance of social networks for enriching the experience and self-awareness of the mother, others point to the risks of constructing an exaggerated image of the "ideal mother" that does not correspond to reality. It is shown that the perception of such an image leads to excessive comparison, a sense of self-failure and the development of symptoms of depression and anxiety in mothers. The article also provides a comprehensive analysis of the impact of social networks on the psychological well-being of mothers, taking into account socio-cultural differences in European countries, Western countries, Eastern countries and CIS countries. It was revealed that in European and Western countries, the image of a mother prevails, focused on self-realization and balance between personal life and parenting. In eastern countries, like Israel, on the contrary, the traditional image of motherhood is more relevant, due to the patriarchal model of society. In the CIS countries, there is a mixture of these trends, where the ideals of motherhood fluctuate between traditional and modern approaches. The study shows that social networks increase pressure on mothers in all the regions considered, promoting unattainable standards. This leads to an increase in cases of depression, anxiety and low self-esteem among mothers, especially when they compare their real life situations with idealized images on social media.

Keywords: social networks, mothers, psychological well-being, ideal mother, depression, anxiety, self-awareness.

В последние десятилетия наблюдается стремительный рост популярности социальных сетей. Согласно статистическим данным, в 2023 году аудитория социальных сетей в мире достигла 4,65 миллиарда пользователей, что составляет более 58% от общей численности планеты [15]. Как свидетельствуют другие отчеты, в странах СНГ аудитория социальных сетей наиболее большая: так, по данным международного ежегодного отчета «Цифровые технологии 2023» по состоянию на 2023 год в Беларуси социальными сетями пользуется более 56% граждан, в Казахстане – более 60%, в России – более 73% (см. рис. 1).

Рис. 1 Использование социальных сетей в странах СНГ за 2023 год

Хотя использование цифровых медиа-пространств несет определенные преимущества, такие как поддержание социальных связей и доступ к разнообразной информации, в научной литературе накапливается все больше свидетельств относительно их негативного влияния на психологическое благополучие пользователей [11; 26]. Особенно уязвимой категорией в данном контексте являются матери, в последние годы активно использующие социальные сети, чтобы получать советы по воспитанию детей и социальную поддержку. Вместе с тем в ряде исследований была продемонстрирована связь между использованием социальных сетей и симптомами депрессии, тревоги, низкой самооценкой у этой группы пользователей, что свидетельствует о влиянии социальных сетей на психологическое благополучие матери. Данная статья ставит целью проанализировать конкретные механизмы влияния социальных сетей на психологическое благополучие матерей.

Психологическое благополучие, как понятие в психологии, объединяет субъективное чувство счастья, удовлетворенность настоящим положением дел, оптимизм и, в целом, ощущение смысла собственного существования. Это понятие было введено и определено Н. Брэдбурном,

который также ассоциировал его с аристотелевской концепцией «эвдемонии» – ощущения личностью внутренней полноты, блаженства, счастья [6]. Согласно Э. Динеру, психологическое или субъективное благополучие соотносимо с тремя компонентами: удовлетворением (то есть чувством насыщения личностных потребностей), приятными и неприятными эмоциями [9].

В научной литературе существуют неоднозначные утверждения о влиянии как интернета в целом, так и социальных сетей в частности на психологическое благополучие матерей. Некоторые исследователи утверждают, что интернет-платформы позволяют женщине посредством участия в онлайн-сообществах не только делиться информацией, связанной с собственным опытом материнства, но и обогащать этот материнский опыт получением информации от других пользователей-матерей, что развивает адекватное материнское самосознание и, в целом, способствует росту личностного благополучия [17; 20].

Тем не менее, другие исследователи подчеркивают, что социальные сети транслируют идеализированный, то есть оторванный от действительности, образ женщины, восприятие которого матерью может привести к осознанию собственной неполноценности, а также развитию чувств родительского стресса, некомпетентности в семейных вопросах [21]. Это связано с тем, что социальные сети, по мнению ряда исследователей [1; 4; 8], в наибольшей степени воплощают в себе концепцию «симулякров», введенную Ж. Бодрийяром. Согласно данной теории, в современном постмодернистском обществе реальность подменяется «гиперреальностью» – миром симулякров-копий без оригинала, или искусственно сконструированных образов, лишенных своего референта в реальности, но осознаваемых людьми как подлинные объекты [2].

Одним из ярких примеров такого симулякра, конструируемого в пространстве социальных сетей, является и образ «идеальной матери»,

транслируемый в блогерской среде. Блогеры – это пользователи интернета, регулярно осуществляющие деятельность по размещению интерактивного и мультимедийного контента личного, развлекательного, образовательного или экспертного характера на онлайн-платформах с целью привлечения внимания интернет-пользователей. В отличие от традиционных СМИ, основным контентом блогов являются субъективные суждения и оценки самого блогера, касающиеся его личной повседневной жизни, области профессиональных знаний и навыков или других отдельных аспектов окружающей действительности, в случае материнских блогов такой действительностью выступает личная жизнь и транслируемая ею семейная среда. Стоит отметить, что «материнская» блогосфера в современном мире является одним из стремительно распространяющихся жанров коммуникации в социальных сетях и включает в себя блоги, связанные со здоровьем детей, психологическими отношениями матери с детьми, обучением и образованием детей и другое. По мнению Степанова В.Н., социальные сети стали средой формирования идентичности на всех уровнях [7].

Анализируя феномен материнских блогов в Instagram (*признана экстремистской организацией, запрещена в РФ*), О.Ю. Верпатова [4] выделяет основные элементы представляемого блогерами образа «идеальной матери»:

1. Демонстрация полноценной традиционной семьи с гармоничными взаимоотношениями между супругами.
2. Проявление исключительно позитивных эмоций во взаимодействии с детьми.
3. Подчеркивание успехов и достижений детей.
4. Демонстрация активного образа жизни и разнообразного досуга
5. Акцент на соответствии стандартам женской привлекательности.

Такой набор характеристик, по сути, воплощает архетип идеала материнства, сформировавшийся в культурной традиции. Но в изображении, транслируемом блогерами, данный образ приобретает гипертрофированные, нереалистичные черты. В некоторых случаях, согласно исследованию У.С. Борисовой и М.В. Саввинова, в социальных сетях демонстрируется образ «мам-бизнесменов» или «мам-супергероев», которые одинаково успешны не только в вопросе воспитания детей, но и в деле предпринимательства [3], что также не всегда соответствует действительности. По замечанию О.Ю. Верпатовой, матери-пользователи, просматривая подобный контент в социальных сетях, «потребляют симулякр успешного материнства, примеряя данную модель на себя» [4, с. 58].

Между тем, потребление подобного контента несет в себе вполне реальные риски для психологического здоровья женщин. Так, отмечается прямая связь между временем, проведенным матерями в социальных сетях, а также потребляемым ими контентом на данных интернет-платформах, и ростом уровня депрессии и тревожности [24]. Сравнительный анализ образа жизни блогеров вызывает нередко у матерей сомнения в своих возможностях и способностях, ощущение неполноценности, хронической усталости, чувство стресса, нередко сопровождаемое потерей связи с ребенком и превращением реального материнского опыта в его симуляцию в интернет-блогах, что не позволяет сформировать устойчивое психологическое благополучие матери [4].

Сходные результаты показало исследование С. Койна и коллег [13]. Используя методику семантического дифференциала, авторы выявили, что у пользователей Instagram (*признана экстремистской организацией, запрещена в РФ*), образ собственного материнства воспринимается более негативно после просмотра профилей популярных матерей-блогеров, что связано с высоким уровнем социального сравнения, и в некоторых случаях

приводит к развитию депрессии. При этом разрыв между «реальным» и «идеальным» образами усиливается с ростом времени, проведенного в социальной сети. А. Хендерсон и его коллеги также выявили наличие обратной зависимости между использованием социальных сетей и психологическим благополучием матери [18]. Матери, которые чувствовали со стороны блогеров давление быть «идеальными мамами», также испытывали чувство вины за то, что не соответствовали характеристикам этого идеала, и были в значительной степени подвержены стрессу. По замечанию М. Тейт, если материнское чувство вины постоянно, оно может привести к ложному осознанию собственной несостоятельности, что влияет не только на физическое, но и психологическое благополучие матери и ее способность быть продуктивным в воспитании детей [24].

Несмотря на явность проблемы влияния социальных сетей на психологическое благополучие матерей, стоит, однако, подчеркнуть, что глубина данного влияния разнится в зависимости от социально-культурных особенностей общества, в котором проживает мать. Прежде всего, это связано с тем, что материнская идентичность, по замечанию М. Ахарони, представляет собой культурный и социальный результат диктуемых личности норм материнства, принятых в обществе [19]. Социальные сети, являясь отражением общественных устоев, таким образом также оказывают вклад в формирование материнской идентичности.

Анализируя данные как качественных, так и количественных исследований: опросов, интервью, наблюдений, – можно утверждать, что влияние социальных сетей на женщин в западных странах (США, Канада), европейских странах (Великобритания, Ирландия, Франция, скандинавские страны), странах восточного мира (Израиль) и государствах СНГ (Россия, Беларусь, Украина) разнится.

Так, патриархальная модель общества и связанные с ней культурные нормы, в том числе исторически-религиозного характера, сохраняются в Израиле и других ближневосточных странах. Это накладывает определенное давление на матерей в плане соответствия образу «идеальной матери». Как показал анализ контента израильских социальных сетей, проведенный Б.Л. Валтчановым с соавторами [25], в виртуальном пространстве культивируется модель интенсивного материнства. Согласно данной модели, хорошая мать должна полностью посвятить себя детям и семье, быть физически и эмоционально полностью доступна ребенку, проявляя к нему неустанную заботу. Такие нереалистично завышенные ожидания порождают среди матерей чувство вины и неполноценности из-за невозможности им соответствовать, тем самым препятствуя формированию психологической устойчивости и самодостаточности. Более того, как показывают ряд израильских исследователей, в социальных сетях матери вовлечены в своего рода виртуальную конкуренцию за статус идеальной матери [19]. Те женщины в израильском обществе, чье материнство отклоняется от транслируемых в социальных сетях стандартов, сталкиваются с осуждением и критикой, что еще больше усугубляет их эмоциональный и психологический дискомфорт.

Однако даже в западных странах, где патриархальная модель не имеет такой общественной доминации, как в Восточной цивилизации, а женщины обладают большей возможностью свободно выбирать, иметь ли детей, в каком количестве и по какой модели их воспитывать, с ростом популярности платформ социальных сетей, пропагандирующих определенные образы материнства и выдвигающих на первый план образ матери, которая способна быть мультифункциональной и одинаково успешной во всем, матери также испытывают сильное психологическое давление. Так, развитое в Великобритании онлайн-кураторство материнства, как подчеркивают исследования, во многом способствует

формированию «культуры сравнения», которая ставит под угрозу самооценку и психическое здоровье участвующих в онлайн-курсах матерей [12].

Кроме того, согласно последним данным, матери в западных странах, в частности, в США, родившиеся в период с 1981 по 1996 год (так называемые «матери-миллениалы»), демонстрируют более активное использование социальных сетей по сравнению с матерями предыдущего поколения (см. рис. 2) [14; 23].

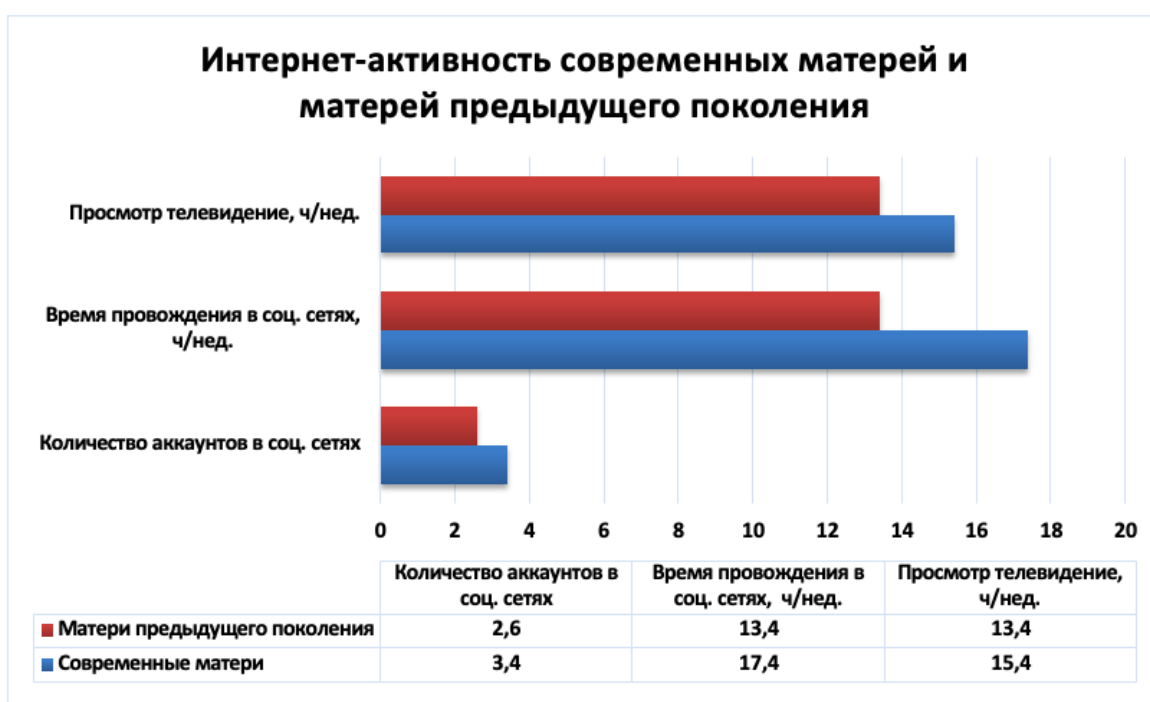

Рис. 2 Интернет-активность современных матерей и матерей предыдущего поколения

С одной стороны, такое активное использование социальных сетей имеет положительное влияние. К примеру, посредством использования социальных сетей и участия в блогах матери получают эмоциональную и информационную поддержку от других матерей, узнают советы по уходу за ребенком [20]. Однако чрезмерное увлечение социальными сетями несет в себе и серьезные риски, поскольку постоянное нахождение в интернет-среде отнимает значительное время и концентрацию, которые матери могли бы уделять непосредственно общению со своими детьми и их

воспитанию. Это также повышает риск развития интернет и игровой зависимости [16], поскольку, согласно индонезийским исследованиям, около 60% современных матерей, пользующихся социальными сетями, также играют и в онлайн-игры [22].

Использование социальных сетей становится все более популярным среди матерей и в странах СНГ. Анализируя материнскую практику, прежде всего в Беларуси, России, Украине можно утверждать, что в данных регионах, в отличие от западных и европейских стран, сохраняются и активно культивируются две противоположные тенденции в трансляции образов материнства онлайн - традиционная и современная мать. Эти идеализированные образы, доведенные до крайности, могут негативно влиять на психологическое благополучие реальных матерей, вызывая у них чувство собственной неполноценности и неудовлетворенности собственным опытом материнства.

Образ традиционной матери

В некоторых популярных российских и белорусских блогах и социальных сетях пропагандируется образ «идеальной» традиционной матери – заботливой и самоотверженной хранительницы домашнего очага.

Многие материнские сообщества в социальных сетях (www.baby.ru, www.materinstvo.ru, www.babyblog.ru и другие) лишь закрепляют традиционные гендерные роли и стереотипы, разделяя сферы деятельности мужчин и женщин. Они исключают отцов из процесса воспитания и ухода за детьми, формируя представление о том, что эти обязанности лежат исключительно на матери.

Такие сообщества, форумы и каналы, как правило, показывают многодетных матерей, целиком посвятивших себя воспитанию детей и уходу за мужем [5]. Выделим основные черты транслируемого в СНГ-

действительности образа традиционной матери:

- Полное посвящение себя семье и детям
- Многодетность (3 и более детей)
- Отказ от карьеры и личных амбиций
- Забота обо всех членах семьи
- «Домовитость» и рукоделие
- Терпеливость и всепрощение
- Жертвенность и самоотречение

Согласно модели традиционного материнства, которая транслируется в социальных сетях, мать должна быть, прежде всего, сосредоточена на воспитании ребенка и взаимодействии с мужем, профессиональной самореализации отводится третьестепенное значение [1] (см. рис. 3).

Рис. 3 Характеристика деятельность матери, согласно традиционной модели

Однако подобная гиперболизация жертвенности и отказа от личных

амбиций далеко не всегда соответствует реалиям и желаниям современных женщин, что порождает у них стресс, ощущение собственной несостоятельности, разочарованность в жизни, нередко – депрессию [1; 4; 5].

Образ современной матери

С другой стороны, в социальных сетях стран СНГ есть тенденция идеализировать образ успешной во всем супер-матери, одинаково преуспевающей и на работе, и дома. Блогеры и инфлюенсеры, в социальных сетях которых пропагандируется данный образ, показывают глянцевою картинку: карьера, хобби, тренировки, идеальные дети. Современная мать, таким образом, в интернет-среде стран СНГ представлена следующими характеристиками:

- Успешная карьера наравне с материнством
- Финансовая независимость и обеспеченность
- Активность и многогранность (хобби, спорт, саморазвитие)
- Образованность и эрудированность
- Модный стиль одежды
- Активное ведение социальных сетей
- Развитые и талантливые дети

Как правило, деятельность блогеров, демонстрирующих такой образ современной матери, в пределах социальных сетей также разнообразна – от непосредственно ведения блога до образовательных, творческих и других услуг (см. рис. 4) [3; 5; 8].

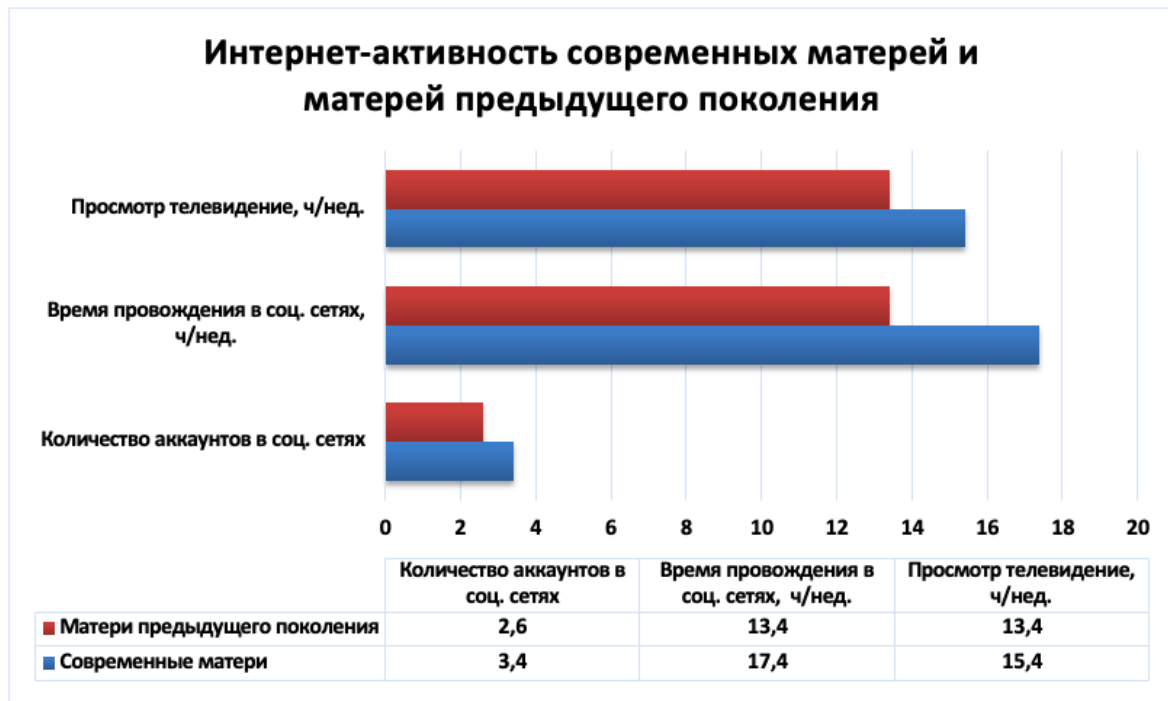

Рис. 4 Онлайн-деятельность матерей в социальных сетях

В некоторых случаях образ такой матери сочетается с экономическим и «имиджевым» превосходством в семье, важность отцовства в семье, таким образом, также отходит на второй план [10].

Однако на практике далеко не каждая мать обладает достаточными ресурсами, чтобы соответствовать таким завышенным стандартам, что чревато переживаниями собственной несостоятельности и чувством вины за невозможность «совмещать несовместимое» [4]. Кроме того, попытка достигнуть образа «идеальной» и многофункциональной матери в соответствии с критериями, транслируемыми и пропагандируемыми в социальных сетях, нередко приводит к утрате способности ведения личностного осознанного материнства [3]. Отсутствие удовлетворенности собственным материнским опытом, в свою очередь, не позволяет сформировать устойчивое психологическое благополучие.

Таким образом, гиперболизация как традиционного, так и современного образа матери в СНГ ведет к формированию нереалистичных стереотипов. Невозможность им соответствовать негативно отражается на

психологическом здоровье реальных матерей. Важно пропагандировать более реалистичные и инклюзивные образы с учетом потребностей и возможностей каждой конкретной женщины, чтобы она могла ощущать себя достаточно хорошей матерью вне зависимости от соответствия навязанным в социальных сетях эталонам.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что социальные сети оказывают многогранное и вполне реальное воздействие на психологическое благополучие современных матерей. С одной стороны, онлайн-платформы выполняют важную позитивную функцию, предоставляя матерям площадку для обмена опытом, получения экспертной информации, а также эмоциональной и информационной поддержки, в некоторых случаях даже обеспечивая возможность самореализации. Однако в то же время наблюдается тенденция к гиперболизации в социальных сетях определенных моделей материнства, которые приобретают форму недостижимых стандартов. Особенно ярко это проявляется в отношении образов «идеальной традиционной матери» и «идеальной современной матери». Оба эти образа в своей гиперболизированной форме не соответствуют реалиям подавляющего большинства женщин, что порождает у них чувство вины, неполноценности, стресса и разочарования. Это подтверждается наличием прямой зависимости между интенсивностью использования матерями социальных сетей и проявлением у них симптомов депрессии, тревожных расстройств, низкой самооценки.

Кроме того, влияние социальных сетей на психологическое благополучие матерей имеет определенную специфику в зависимости от социокультурного контекста. В традиционных обществах Востока

доминируют патриархальные взгляды на материнство как на полное посвящение своей личности семье и детям. Социальные сети еще больше усиливают это давление, пропагандируя модель «интенсивного материнства». Невозможность ей соответствовать порождает у матерей чувство вины и неполноценности. В европейских и западных странах (Великобритания, США, Канада) бóльшую популярность имеет образ матери, сочетающей родительство с самореализацией в карьере и личной жизни. Однако завышенные ожидания, транслируемые в социальных сетях, также негативно сказываются на самооценке матерей. Особенно остро этот вопрос стоит для поколения миллениалов. В странах СНГ (Беларусь, Россия, Украина) в социальных сетях уживаются две крайности – образ традиционной матери и современной «супермамы». Навязывание любой из этих моделей как универсального стандарта негативно сказывается на психологическом здоровье матерей.

Для решения данной проблемы необходим комплексный подход, включающий корректировку контентной политики социальных сетей, повышение медиаграмотности матерей, а также оказание им психологической поддержки и помощи в поиске баланса между стремлением к идеалу и собственными потребностями и возможностями. Только так можно минимизировать негативное влияние виртуальных стандартов материнства и способствовать подлинному, а не симулятивному психологическому благополучию современных матерей.

Литература

1. Болзан Н.А. Научные подходы к исследованию понятия “психологическое благополучие” / Н. А. Болзан // Живая психология. – 2023. – Т. 10. – № 4(44). – С. 31–38. DOI 10.58551/24136522. 2023.10.4.31

2. *Борисова У.С.* Молодые матери-якутянки в социальной сети Instagram / У. С. Борисова, М. В. Саввинова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. Серия: Экономика. Социология. Культурология. – 2019. – № 3(15). – С. 36-45. – DOI: 10.25587/SVFU.2020.15.53607.

3. *Верпатова О.Ю.* Идеализации ролевого поведения в пространстве социальных сетей (на примере анализа образа идеальной матери). Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки». – 2020. – № 4 (23). – С. 54-59.

4. *Микляева А.В., Румянцева П.В.* "#онажемать": имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. – 2018. – №1 (86). – С. 67-77.

5. *Новиков В.Г.* Гиперреальность, симулякры и симуляции в виртуальном пространстве как феномен "антисоциальной" теории Жана Бодрийера / В. Г. Новиков, С. В. Ковалева // Цифровая социология. – 2019. – Т. 2. – № 1. – С. 39-45. – DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45.

6. *Протасов С.Ю.* Фейк-ньюс и постправда в социальных сетях как неизбежное явление эпохи симулякров // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. – 2022. – №06. – С. 113-116. – DOI: 10.37882/2500-3682.2022.06.17

7. *Степанов В.Н.* Медиаэкология и её проблемное поле / В. Н. Степанов // Организационная психолингвистика. – 2021. – № 3(15). – С. 10-31

8. *Федотовских Д.Я.* Психологическое благополучие: проблемы и подходы к исследованию / Д. Я. Федотовских. Текст: непосредственный // Исследования молодых ученых: материалы XVI Междунар. науч. конф. (г. Казань, январь 2021 г.). – Казань: Молодой ученый, 2021. – С. 64-66.

9. Янак А.Л. Трансформация родительства и отцовства в обществе постмодерна / А. Л. Янак // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. – 2018. – № 1. – С. 118–126. – DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.11.

10. Appel H., Crusius J., Gerlach A.L. Social comparison, envy, and depression on Facebook: A study looking at the effects of high comparison standards on depressed individuals. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 34(4). – Epub: 2015. – Pp. 277-289.

11. Brian M. Motherhood in the Digital Age: Navigating Opportunities and Risks in a Hyper-connected World. *SSRN Electronic Journal*. – Epub: 2023. – Pp. 1-15. – DOI: 10.2139/ssrn.4555839.

12. Coyne S.M., MeDaniel B.T., Stockdale L.A. "Do you dare to compare?" Associations between maternal social comparisons on social networking sites and parenting, mental health, and romantic relationship outcomes, *Computers in Human Behavior*, 70. – Epub: 2017. – Pp. 335–340. – DOI: 10.1016/j.dhb.2016.12.081.

13. Dimock M. Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (дата обращения: 04.12.2023).

14. Digital 2022: Global overview report [Электронный ресурс]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (дата обращения: 26.11.2023).

15. Faelens L., Hoorelbeke K., Fried E., De Raedt R., Koster E.H. Negative influences of Facebook use through the lens of network analysis. *Computers in Human Behavior*, 96. – Epub: 2019. – Pp. 13-22.

16. *Hall W., Irvine V.* E-communication among mothers of infants and toddlers in a community-based cohort: A content analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 65. – Epub: 2009. – Pp. 175-183.

17. *Henderson A., Harmon S., Newman H.* The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74(11-12). – Epub: 2019. – P. 512-526. – DOI: 10.1007/s11199-015-0534-5.

18. *Inbal I., Aharoni M.* Beyond Intensive Motherhood: Performing Online Cross-Border Motherhood on Social Media. *Women s Studies International Forum*. Epub: 2023. – P.1–19. – DOI: 10.1016/j.wsif.2023.102820.

19. *McDaniel B., Coyne S., Holmes E.* New Mothers and Media Use: Associations Between Blogging, Social Networking, and Maternal Well-Being. *Maternal and child health journal*. 16. – Epub: 2011. – Pp. 15-17. – DOI: 10.1007/s10995-011-0918-2.

20. *Pitts V.* Illness and internet empowerment: Writing and reading breast cancer in cyberspace. *Health*, 8. – Epub: 2004. – Pp. 33-59.

21. *Puspita B., Edvra P.* The Use of YouTube and Apps by Digital Moms to Support Early Childhood Learning. *Athens Journal of Mass Media and Communications*, 8. – Epub: 2022. – Pp. 237–256. – DOI: 10.30958/ajmmc.8-4-2.

22. *Shandwick W.* Digital women influencers: Millennial Moms. KRC Research. Thundertech. Mother’s little helper for the digital age. *Mobile Report Series* 2013. – Epub: 2013. – Pp. 1-14.

23. *Tate M.* The Impact of Social Comparison via Social Media on Maternal Mental Health, within the Context of the Intensive Mothering Ideology: A Scoping Review of the Literature. *Issues in Mental Health Nursing*. 44. – Epub: 2023. – Pp. 1-17. – DOI: 10.1080/01612840.2023.2238813.

24. *Valtchanov B.L., Parry D.C., Glover T.D.* From “Fakebooking” and “Flaming” to a “Mom’s Support Network.” *Taking the Village Online: Mothers, Motherhood and social media*. Demeter Press. – Epub: 2016. – P. 1-9.

25. *Woods H.C., Scott H.* #Sleepyteens: Social media use in adolescence is associated with poor sleep quality, anxiety, depression and low self-esteem. *Journal of Adolescence*, 51. – Epub: 2016. – P. 41-49.

References

1. *Bolzan N.A.* Nauchnye podhody k issledovaniju ponjatija “psihologicheskoe blagopoluchie” / N. A. Bolzan // *Zhivaja psihologija*. – 2023. – Т. 10. – № 4(44). – S. 31–38. – DOI 10.58551/24136522.2023.10.4.31

2. *Borisova U.S.* Molodye materi-jakutjanki v social'noj seti Instagram / U. S. Borisova, M. V. Savvinova // *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova. Serija: Jekonomika. Sociologija. Kul'turologija*. – 2019. – № 3(15). – S. 36-45. – DOI: 10.25587/SVFU.2020.15.53607.

3. *Verpatova O.Ju.* Idealizacii rolevogo povedenija v prostranstve social'nyh setej (na primere analiza obraza ideal'noj materi). *Vestnik TvGTU. Serija «Nauki ob obshhestve i gumanitarnye nauki»*. – 2020. – № 4 (23). – S. 54-59.

4. *Mikljaeva A.V., Rumjanceva P.V.* "#onazhemat": implicitnye social'nye predstavlenija o materinstve v sovremennom rossijskom internet-diskurse // *Zhenshhina v rossijskom obshhestve*. – 2018. – №1 (86). – S. 67-77.

5. *Novikov V.G.* Giperreal'nost', simuljakry i simuljaccii v virtual'nom prostranstve kak fenomen "antisocial'noj" teorii Zhana Bodrijjara / V. G. Novikov, S. V. Kovaleva // *Cifrovaja sociologija*. 2019. – Т. 2, № 1. – S. 39-45. – DOI:10.26425/2658-347X-2019-1-39-45.

6. *Protasov S.Ju.* Fejk-n'jus i postpravda v social'nyh setjah kak neizbezhnoe javlenie jepohi simuljakrov // *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie*. – 2022. – №06. – S. 113-116. – DOI: 10.37882/2500-3682.2022.06.17

7. *Stepanov V.N.* Mediajelogija i ejo problemnoe pole / V. N. Stepanov // Organizacionnaja psiholingvistika. – 2021. – № 3(15). – S. 10-31.

8. *Fedotovskih D.Ja.* Psihologicheskoe blagopoluchie: problemy i podhody k issledovaniju / D. Ja. Fedotovskih. Tekst: neposredstvennyj // Issledovanija molodyh uchenyh: materialy XVI Mezhdunar. nauch. konf. (g. Kazan', janvar' 2021 g.). Kazan': Molodoy uchenyj, – 2021. – S. 64-66.

9. *Janak A.L.* Transformacija roditel'stva i otcovstva v obshhestve postmoderna / A. L. Janak // Vestnik Permskogo nacional'nogo issledovatel'skogo politehnicheskogo universiteta. Social'no-jekonomicheskie nauki. – 2018. – № 1. – S. 118–126. – DOI: 10.15593/2224-9354/2018.1.11.

10. *Appel H., Crusius, J., Gerlach A.L.* Social comparison, envy, and depression on Facebook: A study looking at the effects of high comparison standards on depressed individuals. *Journal of Social and Clinical Psychology*, 34(4). – Epub: 2015. – Pp. 277-289.

11. *Brian M.* Motherhood in the Digital Age: Navigating Opportunities and Risks in a Hyper-connected World. *SSRN Electronic Journal*. – Epub: 2023. – Pp. 1-15. – DOI: 10.2139/ssrn.4555839.

12. *Coyne S.M., MeDaniel B.T., Stockdale L.A.* "Do you dare to compare?" Associations between maternal social comparisons on social networking sites and parenting, mental health, and romantic relationship outcomes, *Computers in Human Behavior*, 70. – Epub: 2017. – Pp. 335–340. – DOI: 10.1016/j.dhb.2016.12.081.

13. *Dimock M.* Defining generations: Where Millennials end and Generation Z begins URL: <https://www.pewresearch.org/short-reads/2019/01/17/where-millennials-end-and-generation-z-begins/> (data obrashhenija: 04.12.2023).

14. Digital 2022: Global overview report [Elektronnyj resurs]. URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2022-global-overview-report> (data obrashhenija: 26.11.2023).

15. *Faelens L., Hoorelbeke K., Fried E., De Raedt R., Koster E.H.* Negative influences of Facebook use through the lens of network analysis. *Computers in Human Behavior*, 96. – Epub: 2019. – Pp. 13-22.
16. *Hall W., Irvine V.* E-communication among mothers of infants and toddlers in a community-based cohort: A content analysis. *Journal of Advanced Nursing*, 65. – Epub: 2009. – Pp. 175-183.
17. *Henderson A., Harmon S., Newman H.* The price mothers pay, even when they are not buying it: Mental health consequences of idealized motherhood. *Sex Roles*, 74(11-12). – Epub: 2019. – P. 512–526 . – DOI: 10.1007/s11199-015-0534-5.
18. *Inbal I., Aharoni M.* Beyond Intensive Motherhood: Performing Online Cross-Border Motherhood on Social Media. *Women s Studies International Forum*. – Epub: 2023. – P.1–19. – DOI: 100. 10.1016/j.wsif.2023.102820.
19. *McDaniel B., Coyne S., Holmes E.* New Mothers and Media Use: Associations Between Blogging, Social Networking, and Maternal Well-Being. *Maternal and child health journal*. 16. – Epub: 2011. – P. 15-17. DOI: 10.1007/s10995-011-0918-2.
20. *Pitts V.* Illness and internet empowerment: Writing and reading breast cancer in cyberspace. *Health*, 8. – Epub: 2004. – P. 33-59.
21. *Puspita B., Edvra P.* The Use of YouTube and Apps by Digital Moms to Support Early Childhood Learning. *Athens Journal of Mass Media and Communications*, 8. – Epub: 2022. – Pp. 237–256. – DOI: 10.30958/ajmmc.8-4-2.
22. *Shandwick W.* Digital women influencers: Millennial Moms. KRC Research. Thundertech. Mother’s little helper for the digital age. *Mobile Report Series 2013*. – Epub: 2013. – P. 1-14.
23. *Tate M.* The Impact of Social Comparison via Social Media on Maternal Mental Health, within the Context of the Intensive Mothering Ideology: A Scoping Review of the Literature. *Issues in Mental Health Nursing*. 44. – Epub: 2023. – P. 1-17. – DOI: 10.1080/01612840.2023.2238813.

24. *Valtchanov B.L., Parry D.C., Glover T.D.* From “Fakebooking” and “Flaming” to a “Mom’s Support Network.” Taking the Village Online: Mothers, Motherhood and social media. Demeter Press. – Epub: 2016. – P. 1-9.

25. *Woods H.C., Scott H.* #Sleepyteens: Social media use in adolescence is associated with poor sleep quality, anxiety, depression and low self-esteem. Journal of Adolescence, 51. – Epub: 2016. – P. 41-49.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ПРАКТИКА ОРГАНИЗАЦИОННОЙ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ/DOMESTIC AND FOREIGN PRACTICE OF ORGANIZATIONAL PSYCHOLINGUISTICS

УДК 81-119

Башкатова Наталья Валерьевна
Государственный университет просвещения
141014, Веры Волошиной, 24
Мытищи, Россия
natali.bash.nb@gmail.com

МИКРОТЕКСТЫ РАЗЛИЧНЫХ ДИСКУРСОВ

Аннотация. Различные виды дискурсов составляют масс-медийное пространство, например: художественный, официально-деловой, бытовой, научный, религиозный. В работе рассматриваются лимнологические аспекты микротекстов на примере религиозного дискурса, интеграция текстоидов в масс-медийное пространство.

Ключевые слова: текстоид, микротекст, дискурс, лимнология, дельфийские максимы, идиомы, контрактура.

N. Bashkatova

MICROTEXTS OF DIFFERENT DISCOURSES

Abstract. Various types of discourses make up the mass media space, for example: artistic, official business, everyday, scientific, religious. The paper examines the lymphological aspects of microtexts on the example of religious discourse, the integration of textoids into the mass media space.

Keywords: text, textoid, microtext, small format text, text message, discourse, text boundaries, limology, context, minimax principle, symbol, commandment, covenants, Delphic maxims, idioms, contracture.

До сих пор в теории языка нет канонических лингвистических терминов, определяющих такие предикаты, как: «дискурс», «текст».

«Текст как лингвистический феномен в высшей степени многопланов, и это обуславливает множественность его дефиниций [...] многие исследователи убедились, что понятие «предложения» сильно загружено, поэтому возникли новые направления исследований: сначала – текста, а

затем и дискурса» [16, с. 12-14].

«Текст является чрезвычайно сложным, многоуровневым, многомерным и в определенном смысле хаотическим объектом [...] теоретическое значение имеет только порождающая модель «смысл – текст»...» [7, с. 254].

Использование статистического подсчета для количественного исследования текста и его составных единиц является общенаучным приёмом наблюдения, анализа. Например, объем текста для публикации измеряется количеством символов с пробелами или без них. Текстовые редакторы автоматически рецензируют текст по таким параметрам, как: количество слов, знаков (с пробелами или без), абзацев. При уже широко используемом математическом подсчете единиц текста в прикладных областях тиражирования можно наблюдать отсутствие аналогичного общепринятого измерительного инструмента в теоретической лингвистике, текст чаще всего продолжают измерять словами и предложениями. Традиционно текст представляется сплетением предложений. В разных теоретических трудах «текстом» считается совокупность предложений, «текст» буквально означает «ткань, сплетение, соединение» (от лат. *textus* – ткань – соединение).

Сегодня наблюдается интеграция текста в мультимедийное пространство, где слова существуют вместе с аудио, видео и изображениями. Мультимедийность наделяет текстовое сообщение новым смысловым объемом, при этом количество слов для выражения мысли в этой интерактивности стремительно сокращается. Сегодня пользователь выбор делает в пользу микротекстов, часто ориентируется только на заголовки, которые становятся все ярче и ярче. В 2021 портал <https://buzzsumo.com> исследовал 100 миллионов статей, самыми популярными заголовками стали те, которые состоят из 11 слов и 65 символов. При сравнении данных с 2017 годом выяснилось, что за

несколько лет заголовки сократились на 4 слова, на 30 символов. Читателю требуется краткая информация, немедленно [24]. При этом следует отметить, что во все времена существовала необходимость излагать мысль кратко и емко, по принципу минимакса – минимум слов, максимум смысла.

Количественное исследование текста символами используется в статистике, при этом не определены четкие границы понятий «малого» или «большого» текста, его минимальные и максимальные размеры очень вариативны. Признанный советский лингвист И. Гальперин ключевым признаком текста называл его объем, полагая, что минимальный текст – это справка, телеграмма, краткое газетное сообщение, записка, письмо и т.п., а максимальный текст – это роман» [4]. Современный исследователь А.Ю. Корбут разделила тексты на «микротексты» (2-64 слова), «минитексты» (65-600 слов), «мидитексты» (600-3000 слов) и «макситексты» (от 3000 слов), комментируя, что: «Слово, как истинно составляющая текст единица, способно при определенных условиях быть текстом (вспомним понятие Ю.Д. Дешериева «Слово-предложение»)» [9]. О.И. Таюпова определяет объем сверхкороткого текстоида так, что он «может равняться и одному элементарному предложению, состоящему из одного слова» [15].

Современным исследованиям о размерах текста предшествовал вопрос М. Бахтина относительно границ высказывания на примере звука «А!», который в определенных случаях является репликой диалога, и который нельзя разделить на предложения, словосочетания, слоги [2, с. 159-206].

Отсутствие точных терминов, характеризующих микротексты, привело к появлению окказионализмов (т.е. индивидуально-авторских неологизмов), например, «диктемой» называется элементарная универсальная единица, «имеющая полевую структуру, ядром которой является информационный компонент (слово, словосочетание, краткая

фраза)» [21]. Тексты минимального объема называют: «коммуникат», «текстоид», «тексты-примитивы» [8], «сверхкраткие» тексты и «малоформатные тексты (МФТ)» [6], «микротексты» [5], «креолизованные тексты» [14].

Малоформатные тексты представляют собой весьма перспективный объект анализа, поскольку обозримы и наблюдаемы в самых мелких деталях [10]. Малоформатные тексты отличаются высокой информационной концентрацией [...] информационная компрессия – это один из способов повышения информативности речевых единиц, способствующих упрощению текста с последующим его сокращением [17].

Анализируя терминологическую вариативность в теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистике, встречаем повсеместно, что для анализа объема текста используются характеристики: «слово» и «предложение», но протяженность слова и предложения тоже бывает разной, следовательно и объем сверхкороткого текста будет различен. Объем малоформатного текста будет зависеть от минимального количества знаков, из которых состоит это слово, чем меньше знаков в слове – тем короче малоформатный текст.

Используя эвристические методы исследования текста, которые связаны со сбором и документацией фактов, рассмотрим малоформатные тексты повседневной реальности, ведь обменом краткими текстовыми сообщениями сегодня пронизана вся наша жизнь. Технические средства связи позволяют мгновенно обмениваться краткими информационными сообщениями, не взирая на расстояние и время.

Значение словосочетания «текстовое сообщение» в госстандарте «Связь федеральная» 53801-2010 раскрыто как: «короткое текстовое сообщение – сообщение, состоящее из букв или символов, набранных в определенной последовательности, предназначенное для передачи по сети подвижной связи».

Следует добавить, что короткое текстовое сообщение – это не что иное, как СМС или SMS (от англ. short message service «услуга коротких сообщений») является видом услуги у сотовых операторов связи.

Следует упомянуть, что связь текста с символом встречалась и ранее, до периода массового использования сотовой связи.

Советский и российский литературовед, культуролог и семиотик Ю.М. Лотман полагал, что: «Символ, представляя собой законченный текст [...] Память символа всегда древнее, чем память его несимволического текстового окружения» [11, с. 241].

Индуктивный метод сбора и документации фактов с последующим их обобщением и переходом от фактов, лежащих в их основе, к сущностям позволяет констатировать, что для понятий «символ» и «знак» (также как и для слов «текст» и «дискурс») нет устоявшихся трактовок. Как следствие – возникает необходимость найти универсальное определение для микротекстов.

Обращаясь к определению «коммуниката» как к «языковому высказыванию, то же, что и текст, дискурс», сверхкороткий «текст» сопоставим с «текстовым сообщением», а его границы не только с предложениями, словами, а со знаком или символом.

В антологии «Семиотики» встречаем, что «сообщение – наименьший элемент языка, имеющий идею или смысл, пригодный для общения. Обычно сообщение передаётся в виде предложения или условного знака. Сообщение также можно назвать формой предоставления информации, совокупностью знаков или первичных сигналов, содержащих информацию» [13].

Согласно ГОСТа текстовое сообщение – это передача слов и символов.

Гипотетически, сверхкороткий текст = текстоиду = текстовому сообщению = символу. Равен не звуку «А!», как у М. Бахтина, а всего лишь

одному символу. Подтверждение встречаем у классиков в бытовом дискурсе. Однажды Гюго в переписке с издателем отправил ему «вопросительный знак», а тот в ответ прислал один символ – «восклицательный знак». Общение состоялось, два человека друг друга поняли, роман В. Гюго «Отверженные» увидел свет. Смысловым символом в общении может быть и просто точка. Однако, существует вероятность «невозможности постичь его последний, главный, основополагающий смысл [...] символ обладает плюрисигнацией [18, с. 98-108]. В принципе, символом может быть все что угодно, как говорит С.С. Аверинцев, – «все на свете есть символ» [1].

В данной работе по исследованию микротекстов невозможно не выходить за границы теоретической, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, появляется необходимость обращать внимание на характеристики текста в смежных областях, например, в семиотике, информатике. Кроме того, лингвистическая лимитальность текста дополняется мультимедийными факторами: изображением, звуком, видео. Микротексты вписаны не только в контексты, они наделяются интерактивностью. Современные мультимедийные технологии преобразуют микротексты по своим правилам.

Таким образом, рассмотрим текстоиды во взаимодействии со смежными отраслями, используя общенаучные приемы – наблюдение, классификацию. Исследуем сверхкороткие тексты религиозного дискурса методом статистической обработки – рецензирование с помощью автоматического подсчета символов. Сравнительно-сопоставительным методом выявим взаимосвязь масс-медиа и микротекстов религиозного дискурса.

Религиозные тексты имеют сакральный смысл и знания. Тексты отличаются от других тем, что представляют собой собрание или обсуждение верований, мифов, правил или законов, морали, духовных

устремлений. К малоформатным текстам религиозного дискурса относятся, например: заповеди, обеты, максимы, писания, заветы, веды, предписания.

Сверхкороткие тексты религиозного содержания содержатся в разных верованиях. Рассмотрим религиозные текстоиды и найдем самые краткие из них, проанализируем их интеграцию в масс-медиаальный дискурс.

Дельфийские максимы. 147 афоризмов, начертанных на брусчатке в древнегреческом Храме Аполлона в Дельфах. Существует несколько версий происхождения максим, в том числе самой известной «Познай себя». Автор максим не известен, возможно, что это были популярные пословицы, также авторство приписывают семи мудрецам.

«Мудрость „семи мудрецов“ нельзя отнести ни к науке, ни к мифологии» [19]. Профессор М.И. Шахнович отмечает, что «истоки философии в Древней Греции восходят к народным изречениям», а «изречения, приписываемые семи древнегреческим мудрецам, восходят к фольклору» [20].

Анализируя дельфийские максимы на предмет краткости, было выявлено, что почти половина из них состоит всего из двух слов. Приведем несколько примеров сверхкоротких максим в Таблице 1.

Таблица 1

Сверхкороткие максимы

№	Оригинал	Английский вариант	Русский вариант
008.	Σαυτὸν ἴσθι	Be/Know yourself	Знай себя
020.	Φιλίαν ἀγάπα	Love friendship	Люби дружбу
024.	Καλὸν εὖ λέγε	Praise the good	Хвали хорошее
031.	Κακίας ἀπέχου	Shun evil 8	Избегай зла
045.	Ἐχὼν χαρίζου	Give what you have	Имея — дари

055.	Λαβὼν ἀπόδος	Give back what you have received	Получив — отдавай
065.	Ἀγαθοὺς τίμα	Honor good men	Чти добрых
098.	Ἀποκρίνου ἐν καιρῷ	Give a timely response	Отвечай вовремя
116.	Ἀπέχθειαν φεῦγε	Flee enmity	Избегай вражды
126.	Πρεσβύτερον αἰδοῦ	Respect the elder	Уважай старших
127.	Νεώτερον δίδασκε	Teach a youngster	Учи младших

Всего 8 символов потребовалось для написания сверхкоротких максим, статистические данные представлены в Таблице 2.

Таблица 2

Количество знаков

Язык	Изречение	Знаков без пробелов, шт
оригинал	Σαυτὸν ἴσθι	10
английский	Shun evil	8
русский	Знай себя	8

Таким образом, самое краткое выражение «Знай себя», оно же повсеместно известное как «Познай себя», состоит всего из 8 знаков русского алфавита и 2 слов. Является ли это изречение текстом? Если использовать предложенную модель анализа, что текст = текстовому сообщению, то это будет сверхкороткий тезис, который сегодня актуален и в масс-медиаальном пространстве. Выражение «Знай себя» послужит говорящим заголовком или подписью к изображению в современном информационном материале. Он краток, содержателен и кликабелен,

универсален для любого контекста. В этих изречениях максимум смысла и минимум слов. Этот античный принцип построения сверхкоротких текстов – квинтэссенция принципов современности. Сегодня успешное медийное сообщение должно соответствовать требованию минимакса: минимум слов – максимум информации. Кроме того, автор формулировки «минимакса» Бернадская Ю. выделяет несколько стилевых принципов, которым должен дополнительно соответствовать медийный текст: краткость, конкретность и точность, логичность, убедительность, простота и доходчивость, оригинальность, выразительность. Причем основную мысль лучше вынести в заголовок сообщения [3]. Анализируя заголовки масс-медиального дискурса за 2022 год на предмет использования дельфийский максим, встретились следующие реминисценции (т.е. отзвук, воспоминание) микротекста «Знай себя» для названий мероприятий и активностей [22]:

- Познай себя - познай мир
- Познай себя и свои возможности
- Познай себя - приобрети уверенность
- Познай себя, психология играючи
- Познай себя, поверь в себя
- Познай себя и помоги себе
- Познай себя и окружающих
- Познай себя и других
- Познай себя и открой новые умения в атмосфере настоящих гор
- Познай себя и будь успешен
- Познай себя на ГТО
- Познай себя – это просто
- Познай себя сам
- Познай себя - познаешь Бога

- Познай себя и выбери профессию
- Познаешь себя - познаешь другого
- Познай себя через искусство
- Познай себя и познай меру

Десять заповедей. Религиозно-нравственные предписания, то есть заповеди составляют основу многих религий, и представляют собой краткое назидание от лица Бога. Десять заповедей Закона Божьего были даны Моисею на горе Синай в присутствии сынов Израиля. Случай, когда Бог дал Моисею Десять заповедей описан в Библии. Перечень свода правил Десяти заповедей в еврейской и христианской традиций незначительно отличаются. При этом текст по Синоидальному переводу Библии и в «Кратком катехизисе» Мартина Лютера тоже схожи. Из одного слова с частицей состоят самые краткие изречения.

- Не кради
- Не убивай
- Не прелюбодействуй

Если измерять символами те изречения, которые написаны кириллицей, то самым кратким, состоящим из 7 знаков, является высказывание «не кради».

«Поистине, краток этот закон, однако эти заповеди много говорят любому, кто умеет думать, и кто ищет спасения души своей», - назидательная трактовка заповедей неизвестного автора, которая встретилась в открытых источниках информации.

При исследовании 613 заповедей, основных религиозных предписаний (мицва) в иудаизме, были выявлены самые краткие тезисы этого свода.

Предписывающие заповеди:

- 3 Любить Его (Дв. 6:5)
- 4 Бояться Его (Дв. 6:13)
- 5 Служить Ему (Исход 23:25, Дв. 11:13, 13:5)
- 21 Чтить Храм (Ваик. 19:30)
- 22 Охранять Храм (Бем. 18:2)
- 154 Отдыхать в шаббат (Шмот 23:12)
- 210 Шмот 20:12 Уважать родителей

Запрещающие заповеди:

- 5 Шмот 20:4 Не поклоняться идолам
- 27 Дв. 18:20 Не лжепророчествовать
- 31 Дв. 18:10 Не воровать
- 62 Шмот 20:6 Не клясться напрасно
- 245 Ваик. 19:13 Не грабить
- 285 Шмот 20:16; Дв. 5:17 Не лжесвидетельствовать

Сверхкоротким текстом на кириллице среди представленных образцов являются изречения из 1 слова (с частицей «не»). Запрещающая заповедь «не грабить» состоит из 9 символов и 1 слова.

Одно из самых кратких изречений «не укради» или «не грабить» является запрещающей установкой для праведника в разных религиях. Слово-глагол религиозного микротекста, состоящего из 7 символов, содержит максимум информации. Фрагментарно микротекст «не укради» как аллюзия библейской заповеди использовался в масс-медийных заголовках:

- Петербургской епархии напомнили про «Не укради» и присудили 100 тысяч. // 47 новостей, 01.09.2022
- Не укради! // Урюпинская правда, 30.08.2022
-

- Главное, сбежав из «Матрицы», не попасть в «новый дивный мир» Не убий. Не укради». // Московский Комсомолец Кавказ, 29.07.2022
- «Не укради». Борцы за авторское право подали в суд на создателя Barnaul22 // Толк. 10.06.2022
- Не укради: одну из главных заповедей ярославна нарушила прямо в церкви. // Московский Комсомолец Ярославль, 12.02.2022
- Не укради: в Ростовском районе девушка похитила смартфон прихожанки во время церковной службы// КП – Ярославль, 11.02.2022
- Не укради. Почему за кражу суд назначил лишение свободы. // Вечерний Магадан. 09.12.2021
- Не укради и не соблазни — новый этап в борьбе с коррупцией. // РИА Новости. 25.03.2021
- «Не продай, не укради и помоги человеку». // Столичное телевидение 01.03.2021

Контрактура. Следующим изучаемым сверхкоротким текстоидом религиозного дискурса является контрактура. Контрактура произошло от латинского *contractura*, что переводится как «стягивание» и обозначает «сокращенное написание слова». Первоначально данный прием использовался для сокращённого написания «Священных имён» в Древней Греции. Метод контрактура встречается в иконописи, где общеизвестные слова сокращаются. Сокращения или аббревиатуры применялись в скорописи, стенографии, например: «etc» (и остальное). Позже текстовые акронимы нашли широкое применение в юриспруденции, медицине. Сегодня метод контрактуры используется

Русской Православной Церковью в богослужебных текстах. Надписи могут быть выполнены как на церковнославянском языке, так и на греческом [12]. Проанализируем некоторые сверхкороткие контрактуры, см. Таблицу 3.

Таблица 3

Библейские аббревиатуры

Контрактура	Пояснение	Количество знаков в контрактуре, шт
Θεος	Бог (греч.)	4
Бгъ	Бог	3
Гдь	Господь	3
МН БЖН	Матерь Божья	5
Б. М.	Божья Матерь	2
Бца	Богородица	2
П. Б.	Пресвятая Богородица	2
ΙС ΧС или ΙΣ ΧΣ	сокращенное написание имени греч. Ιησους Χριστος	4
XB	Христос Воскресе	2

Аббревиатура «XB» является символом праздника Пасхи. Данный сверхкороткий текст, состоящий из двух символов, встречается в праздник Пасхи повсеместно, становится основным символом масс-медиального дискурса. Массово используется при нанесении на кулинарную продукцию, на упаковку, в рекламных и информационных сообщениях, в мультимедийной переписке между родными средствами обмена мгновенными сообщениями. Аббревиатура «XB» раскрывается в контекстном минидиалоге. Повсеместно звучат пасхальные приветствия:

– Христос воскрес!

– Воистину воскресе!

Сверхкороткий диалог завершается трехкратными символическими поцелуями. Около 70% россиян, согласно исследованию Института социологии РАН [23], относят себя к православным верующим, придерживаются установленных традиций и отмечают христианские праздники, а, следовательно, раз в год произносят сверхкороткий диалог во время Пасхи. Малоформатный текст из 2 символов религиозного дискурса популяризирован в масс-медиаальном пространстве.

Идиомы

Библейские фразы и выражения.

Идиомы библейского дискурса широко встречающиеся в современном мире. Устойчивые выражения, придя из священных текстов, растиражированы в литературном, разговорных и публицистических жанрах. Ознакомимся с некоторыми из них, представленными в Таблице 4.

Таблица 4

Идиомы

Идиома	Пояснение	Статистика, шт
Ложь во спасение	Ложь, оправданная благими целями	2 слова, 14 знаков
Грехи молодости	Ошибки, заблуждения юности. Возникло из Библии: «Грехов юности моей и преступлений не вспоминай... господи!» (Псал., 24, 7)	2 слова, 14 знаков
Адамово ребро	Женщина. Возникло из Библии:	2 слова, 12

	«Господь Бог на человека крепкий сон; и, когда он уснул, взял одно из ребр его, и закрыл то место плотию. И создал Господь Бог из ребра, взятого у человека, жену, и привел ее к человеку (.Быт. 2:21 Ст. 21-22 И навел)	знаков
Голубь мира	Символ всевышнего, примирения. После потопа Ной выпустил из ковчега голубя. «Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот, свежий масличный лист во рту у него, и Ной узнал, что вода сошла с земли» (Быт. 8:11). Это фактически означало прекращение божественной кары.	2 слова, 10 знаков
Суета сует	Означает мирские, ничтожные ценности, в отличие от истинных вечных стремлений В Библии: "Суета сует - все суета!" (Еккл. 1:2). Посадил себе виноградники, сделал себе водоемы, приобрел себе крупного и мелкого скота, собрал себе серебра и золота, завел у себя певцов и певиц, и вот, все - суета и томление духа (Еккл. 2:4-8, 11).	2 слова, 9 знаков

Голгофа	По Новому Завету на небольшой скале Голгофа был распят Иисус Христос. Место Голгофа - символ столкновения сил Добра и зла, света и тьмы, жизни и смерти. «Место, называемое Голгофа, что значит: лобное место» (Мт.27:33) «Неся крест Свой, Он вышел на место, называемое Лобное, по-еврейски Голгофа...» (Иоан.19:17)	1 слово, 7 знаков
---------	---	-------------------

Текстовый анализ масс-медиального дискурса при помощи интернет-ресурса <https://processing.ruscorpora.ru/> – национального корпуса русского языка продемонстрировал следующие результаты. Среди 2 660 026 документов и 765 546 444 слов идиома «ложь во спасение» встретилась в 47 документах, в 51 вхождениях. Самостоятельные заголовки со сверхкоротким текстом «Ложь во спасение» встретились в двух случаях:

- Британских школьников поощряют за мелкую ложь // Vesti.ru, 2012.11.26
- Ложь во спасение? // Аргументы и факты, 2000.03.20

Национальный корпус русского языка позволяет анализировать почти 4,5 миллиона русских текстов общей длиной более полутора миллиардов слов. Проза и поэзия, газеты и журналы, наука и техника, дневники и блоги. Точные цифры о русских словах: время их появления. Разнообразие вариантов русского языка: современный и устаревший, литературный и диалектный, письменный и устный.

При анализе сверхкороткой идиомы «Голгофа», состоящей всего из 7 символов, результаты поиска в газетном корпусе затронули объём в

размере 2 660 026 документов, 765 546 444 слов. Найдено: 122 документа, 140 вхождений. Сверхкраткое идиома-слово вошло в состав более распространенных самостоятельных предложений-заголовков, например:

- В Омске состоялась презентация пятитомного издания «Крестьянская Голгофа» // Vesti.ru, 2015.06.02
- «Русская Голгофа»: на Лемносе почтили память казаков императорской армии // Vesti.ru, 2010.07.22
- Гулрухсор Сафиева. Голгофа и алтарь // Литературная газета, 1997.09.10
- Искусство пошло по маршруту Вифлеем—Голгофа // Коммерсант, 2001.12.24

Выводы

Социальные изменения в современном обществе влекут изменения и в сфере анализа текста. Видоизменяются критерии анализа текста «краткого» и «объемного» в зависимости от принадлежности текста к категориям, стилям. В основу создания текстов заложен прежде всего принцип «цели и задачи» сообщения. Кому они адресованы и к чему должны побудить пользователя? Сверхкороткий текст в мультимедийном пространстве подразумевает не просто знакомство с информацией, но и предполагает реакцию читателя – «кликнуть». Столетний афоризм Чехова «краткость – сестра таланта» актуален как никогда, в век переизбытка информационного потока. Информативными малоформатными текстами сегодня выступают краткие заголовки и слоганы, состоящие из минимума слов, но содержащие максимум смысла. При этом сообщение аудитории может быть сформировано набором символов и знаков.

Это исследование – эксперимент поиска микротекстов религиозного дискурса и анализ их использования в массмедиа.

Определены подходы к процессу анализа текстов по критериям: количество слов, количество символов в сообщении.

Установлено, что процесс анализа текста ориентирован не только на существующие и известные критерии, но в значительной степени требуют разработки новых подходов систематизации.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в контекстуальном анализе микротекстов в других видах дискурса, дальнейшая систематизация данных.

Следует констатировать, что лингвистика в значительной мере трансформирована научно-техническим прогрессом. Объем текста измеряется автоматическими сервисами. Текст состоит из символов, букв, слов и предложений. При этом сообщение формируется не только буквами, но и цифрами, используются знаки препинания (точка, тире), спецсимволы и пробелы между знаками. Сверхкороткий текст может измеряться символами, и этим символом может быть обыкновенная точка. В этом символе скрыта бесконечная смысловая перспектива, множественность значений, важно - постичь его «последний, главный, основополагающий смысл».

Литература

1. *Аверинцев С.С.* Заметки к будущей классификации типов символов / С.С. Аверинцев; отв. ред. Г.В. Степанов // Проблемы изучения культурного наследия. – М.: Наука, 1985. – С.298.

2. *Бахтин М.М.* Проблема речевых жанров. Собр. соч. – М.: Русские словари, 1996. – Т.5: Работы 1940-1960 гг. – С.159-206. Комментарии - с. 535-555. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (дата обращения: 05.09.2022).

3. *Бернадская Ю.С.* Текст в рекламе / Учебное пособие для студентов вузов. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008

4. *Гальперин И.Р.* Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – М., 1981. – 137 с..
5. *Ильенко С.Г.* Текстовый аспект в изучении синтаксических единиц: Межвузовский сборник научных трудов. – Ленинград, 1990. – 489 с.
6. *Карпова Е.В.* Стратегии вежливости в современном английском языке: на материале малоформатных текстов: Дисс. ... канд. филол. наук. - СПб., 2002. – 325 с.
7. *Князева Е.Н., Курдюмов С.П.* Основания синергетики: синергетическое мировидение. – 2018. – С. 254.
8. *Коновалова Т.Р.* Нарушения механизма текстообразования // Вопросы стилистики: Межвузовский сборник научных трудов. – Вып. 24. – Саратов, 1992. – 356 с.
9. *Корбут А.Ю.* Текстосимметрия: Монография. – Иркутск: Изд-во Иркутского государственного педагогического университета, 2004. – С. 45, 47, 51-53.
10. *Кубрякова Е.С.* О тексте и критериях его определения / Е.С. Кубрякова // Текст: структура и семантика: док. VIII междунар. Конф., 3 - 5 апреля 2001г. / МЕОПУ им. М.А. Шолохова. - М.: «Спорт Академ Пресс», 2001. – С. 72-81
11. *Лотман Ю.М.* Семиосфера: Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи. Исследования. Заметки. – СПб. : Искусство-СПБ, 2004. – 703 с.
12. *Моисеева Т.В.* История Иконописи. Истоки. Традиции. Современность. М., «АРТ-БМБ», 2002.-290 с. ISBN 5-901721-12-8.
13. Семиотика: антология / сост. Ю. С. Степанов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Академический Проект ; Екатеринбург : Деловая книга, 2001. – 691 с.
14. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. – М., 1990. – С. 180-186.

15. *Таюпова О.И.* Коммуникативно-прагматическое варьирование в малоформатных прозаических текстах современного немецкого языка: Автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. – М., 2005. С. 17.

16. *Тибинько Н.Д.* Содержание и границы понятий «текст» и «дискурс» / Н. Д. Тибинько. — Текст : непосредственный // Филология и лингвистика. – 2015. – № 2 (2). – С. 12-14. – URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/17/435/> (дата обращения: 05.09.2022).

17. *Толстолицкая Е.В.* Структурно-прагматические характеристики текстов малого формата: на материале французской прессы: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.02.05 / Толстолицкая Евгения Владимировна; [Место защиты: Воронеж. гос. ун-т] – Белгород, 2013. – 210 с.: ил. РЕБ ОД, 61 13-10/423

18. *Уилрайт Ф.* Метафора и реальность / Ф. Уилрайт; сост. Н.Д. Арутюнова // Теория метафоры. – М.: Прогресс, 1990. – С.98-108.

19. *Чанышев А.Н.* Курс лекций по древней философии. Учебное пособие для студентов и аспирантов философских факультетов и отделений университетов. М.: Высшая школа, 1981. 712 с.

20. *Шахнович М.И.* Происхождение философии и атеизм. – Л.: Наука, 1973. 405 с.

21. *Шацкая М.Ф.* Диктема – единица текста или дискурса? – М. – 2012. – 180 с.

22. Яндекс.Новости: Главное URL: <https://yandex.ru/news/> (дата обращения: 05.09.2022).

23. "Индекс веры": сколько на самом деле в России православных // РИА НОВОСТИ URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (дата обращения: 05.09.2022).

24. BuzzSumo URL: <https://buzzsumo.com/blog/most-shared-headlines-study/> (дата обращения: 28.10.2023).

References

1. *Averincev S.S.* Zametki k budushhej klassifikacii tipov simvolov / S.S. Averincev; otv. red. G.V. Stepanov // Problemy izuchenija kul'turnogo nasledija. - M.: Nauka, 1985. - S.298.
2. *Bahtin M.M.* Problema rechevyh zhanrov. Sobr. soch. - M.: Russkie slovari, 1996. - T.5: Raboty 1940-1960 gg. - S.159-206. Kommentarii - s. 535-555. URL: http://philologos.narod.ru/bakhtin/bakh_genre.htm (data obrashhenija: 05.09.2022).
3. *Bernadskaja Ju.S.* Tekst v reklame / Uchebnoe posobie dlja studentov vuzov. — M.: JuNITI-DANA, 2008
4. *Gal'perin I.R.* Tekst kak ob#ekt lingvisticheskogo issledovanija / I.R. Gal'perin. - M., 1981. - 137 s..
5. *Il'enko S.G.* Tekstovyj aspekt v izuchenii sintaksicheskikh edinic: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. - Leningrad, 1990
6. *Karpova E.V.* Strategii vezhlivosti v sovremennom anglijskom jazyke: na materiale maloformatnyh tekstov: Diss. ... kand. filol. nauk. - SPb., 2002.
7. *Knjazeva E.N., Kurdjumov S.P.* Osnovaniya sinergetiki: sinergeticheskoe mirovidenie. — 2018. — S. 254.
8. *Konovalova T.R.* Narushenija mehanizma tekstoobrazovanija // Voprosy stilistiki: Mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov. - Vyp. 24. - Saratov, 1992.
9. *Korbut A.Ju.* Tekstosimmetrika: Monografija. - Irkutsk: Izd-vo Irkutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta, 2004. S. 45, 47, 51-53.
10. *Kubryakova E.S.* O tekste i kriterijah ego opredelenija / E.S. Kubryakova // Tekst: struktura i semantika: dok. VIII mezhdunar. Konf., 3 - 5 aprelja 2001g. / MEOPU im. M.A. Sholohova. - M.: «Sport Akadem Press», 2001. - S. 72-81
11. *Lotman Ju. M.* Semiosfera: Kul'tura i vzryv. Vnutri mysljashhijh mirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki. - SPb. : Iskusstvo-SPB, 2004. - 703 s.

12. *Moiseeva T.V.* Istorija Ikonopisi. Istoki. Tradicii. Sovremennost'. M., «ART-BMB», 2002.-290 s. ISBN 5-901721-12-8, s 40
13. Semiotika: antologija / sost. Ju. S. Stepanov. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – M. : Akademicheskij Proekt ; Ekaterinburg : Delovaja kniga, 2001. – 691 s.
14. *Sorokin Ju.A., Tarasov E.F.* Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funk-cija // Optimizacija rechevogo vozdejstvija. M., 1990. S. 180-186.
15. *Tajupova O.I.* Kommunikativno-pragmaticheskoe var'irovanie v maloformatnyh prozaicheskikh tekstah sovremennogo nemeckogo jazyka: Avtoref. diss. ... d-ra filol. nauk. – M., 2005. S. 7
16. *Tibin'ko N.D.* Soderzhanie i granicy ponjatij «tekst» i «diskurs» / N. D. Tibin'ko. — Tekst : neposredstvennyj // Filologija i lingvistika. – 2015. – № 2 (2). – S. 12-14. – URL: <https://moluch.ru/th/6/archive/17/435/> (data obrashhenija: 05.09.2022).
17. *Tolstoluckaja E.V.* Strukturno-pragmaticheskie karakteristiki tekstov malogo formata: na materiale francuzskoj pressy: dissertacija ... kandidata filologicheskikh nauk: 10.02.05 / Tolstoluckaja Evgenija Vladimirovna; [Mesto zashhity: Voronezh. gos. un-t] – Belgorod, 2013. – 210 s.: il. REB OD, 61 13-10/423
18. *Uilrajt F.* Metafora i real'nost' / F. Uilrajt; sost. N.D. Arutjunova // Teorija metafory. – M.: Progress, 1990. – S.98-108.
19. *Chanyshev A.N.* Kurs lekcij po drevnej filosofii. Uchebnoe posobie dlja studentov i aspirantov filosofskih fakul'tetov i otdelenij universitetov. M.: Vysshaja shkola, 1981.
20. *Shahnovich M.I.* Proishozhdenie filosofii i ateizm. – L.: Nauka, 1973. Gl. 3
21. *Shackaja M.F.* Diktema - edinica teksta ili diskursa? 2012. S. 180
22. Jandeks.Novosti: Glavnoe URL: <https://yandex.ru/news/> (data obrashhenija: 05.09.2022).
23. "Indeks very": skol'ko na samom dele v Rossii pravoslavnyh // RIA

NOVOSTI URL: <https://ria.ru/20170823/1500891796.html> (data obrashhenija: 05.09.2022).

24. BuzzSumo URL: <https://buzzsumo.com/blog/most-shared-headlines-study/> (data obrashhenija: 28.10.2023).

УДК 159.9

М.П. Китаева

Институт психологии творчества Павла Пискарёва
195267, Санкт-Петербург, Ушинского, 5
Санкт-Петербург, Россия
kimape@mail.ru

КОУЧИНГОВЫЙ ПОДХОД К ПРЕОДОЛЕНИЮ ЦИФРОВОГО ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА СВОБОДНОЙ ПРОФЕССИИ

Аннотация. Одна из ключевых проблем современного человека – это проблема цифрового отчуждения. Цифровое отчуждение возникает в индустриальном обществе, основной характеристикой которого является взаимозаменяемость его членов в цифровом, медийном обществе, в котором информационные технологии формируют новое ценностно-смысловое поле взаимодействий участников коммуникаций между собой. Цифровое общество формирует два новых класса в сфере труда, имеющие сходства и отличия: прекариат и фрилансеры. Прекариат, как правило, рассматривается как класс, проявляющий цифровое отчуждение, – отчужденный от себя, своих ценностей и потребностей, отчужденный от других людей, от общества в целом, являющийся субъектом затрудненного общения. Успешные фрилансеры рассматриваются как профессионалы высокого уровня, преодолевшие цифровое отчуждение, затрудненное общение, высоко лично и коммуникативно компетентные. Выдвигается предположение, что возможность преодоления цифрового отчуждения связана с появлением в современном обществе нового подхода к образованию и самообразованию – интегрального подхода. Интегральный подход реализуется как обучение и самообучение на протяжении всей жизни и проявляется в ряде аспектов: пространственном, коммуникативном, личностном, мировоззренческом, онтологическом. Интегральное самообразование реализуется через коучинг и самокоучинг. Рассматриваются формы коучинга и самокоучинга как способы внедрения подхода интегрального образования в сферу социального взаимодействия современного человека, а также возможности и особенности их применения для преодоления цифрового отчуждения.

Ключевые слова: цифровое отчуждение, интегральное образование, прекариат, фриланс, коучинг.

M. Kitaeva

DIGITAL ALIENATION OF PERSONALITY IN THE ERA OF INFORMATIZATION

Annotation. One of the key problems of modern man is the problem of digital alienation. Digital alienation arises in an industrial society, the main characteristic of which is the interchangeability of its members, in a digital, media society in which information technologies form a new value-semantic field of interactions of communication participants among themselves. The digital society forms two new classes in the field of work that have similarities

and differences: the precariat and freelancers. The precariat, as a rule, is regarded as a class that exhibits digital alienation – alienated from itself, its values and needs, alienated from other people, from society as a whole, being the subject of difficult communication. Successful freelancers are regarded as high-level professionals who have overcome digital alienation, difficult communication, highly personally and communicatively competent. It is suggested that the possibility of overcoming digital alienation is associated with the emergence in modern society of a new approach to education and self-education - an integral approach. The integral approach is implemented as learning and self-learning throughout life and manifests itself in a number of aspects: spatial, communicative, personal, ideological, ontological. Integral self-education is implemented through coaching and self-coaching training. The forms of coaching and self-coaching are considered as ways of introducing the approach of integral education into the sphere of social interaction of a modern person, as well as the possibilities and features of their application to overcome digital alienation.

Keywords: digital alienation, integral education, precariat, freelance, coaching.

Цифровая эпоха внесла новые особенности в жизнь современного человека. Сформировался новый способ бытия – сетевые взаимодействия, – который наполняет большую часть жизни человека нашей эпохи. Интернет-коммуникации заменяют непосредственное межличностное общение и создают новые варианты самореализации [11].

Современная эпоха связана с активным развитием информационных технологий, медиатехнологий, и проникновением их во все сферы жизни человека. Этот процесс распространения новых технологий Е.И. Кузнецова называет экспансией технологической среды в жизненное пространство человека. Эта экспансия предполагает увеличение в общении доли опосредованной информационными технологиями коммуникации, формирование новой цифровой символической реальности, влияющей на все социальные процессы, включая деятельность институтов социализации человека [8].

Мы начинаем говорить о цифровом отчуждении личности от себя, других людей и мира. В.И Курбатов называет этого человека, носителя цифрового отчуждения, актором или агентом [10]. Т.Г. Лешкевич выделяет следующие характеристики актора: 1) возможность быть полностью анонимным, отсутствие необходимости быть представленным в сети как

реальный человек с его истинным именем; 2) ценностное поле дополняется информационными ценностями, сетевыми, и то, насколько они реализуются в жизни, измеряется посредством специфических, свойственных информационным технологиям, логике, законам, выражаются в свойственных сетевой сфере языкам; 3) потребность оставить след о своем присутствии в сетевом мире в виде большого количества оригинального контента; 4) необходимость использования при взаимодействии с другими членами сети определенных ритуалов (клики, лайки, смайлы, сленг); 5) активная сетевая актуальность человека, предполагающая потребность постоянно выдавать новый контент и быть в курсе событий других участников цифрового коммуникативного пространства; 6) его ценность и ценность других людей в сетевом сообществе определяется объемом и качеством его представленности в нем [11].

Цифровое отчуждение как одиночество в информационной среде социальных сетей начинает проявляться по-новому: внешне оно выглядит как благополучное взаимодействие с большим количеством людей, но при этом не удовлетворяет внутреннюю потребность человека в общении, не позволяет развить навыки реального общения с другими людьми [12].

Изменения, запущенные зарождением информационного, цифрового общества, проявляются не только в эмоциональной сфере человека, но и в когнитивной. В частности, появляются новые аспекты познания мира, в целом, и общества, в частности. М.С. Гусельцева показывает, что современное общество создало новые формы информационной грамотности: 1) медиаграмотность (навык в определении достоверности и качества содержания источников информации и в расположении этих источников в иерархической последовательности по значимости для решения определенных задач); 2) компьютерная грамотность (навык в самообучении и обучении, связанный с умением быстро и легко осваивать

новые информационные технологии); 3) цифровая грамотность (умение ориентироваться в цифровом информационном пространстве, быстро и легко находить необходимую информацию); 4) нормативная грамотность (умение быстро перестраивать ценности и нормы, постоянно трансформирующиеся в меняющемся цифровом обществе); 5) коммуникативная грамотность (развитие новых специфических коммуникативных навыков, необходимых для успешной жизни в современной цифровой среде); 5) сетевая грамотность (знание правил сетевого взаимодействия и умение соблюдать этот этикет, который в сетевой среде носит название «нетикет»); 6) информационная грамотность (навык осознанной, рефлексивной проработки проходящего информационного потока) [6]. Новые формы грамотности современного человека выдвигают новые требования к современной сфере образования, новые требования к педагогам, психологам и другим специалистам помогающих профессий.

Через персонализацию среды общения, избирательность контактов и формирование структуры взаимодействия с другими участниками процесса цифровой коммуникации развивается субъектность современного человека, подразумевающая, в соответствии с отечественным деятельностным подходом, рефлексивность, целеполагание, целедостижение и активность. Развитый сетевой интеллект позволяет быть успешным в этом коммуникативном пространстве. Информационный человек является творцом собственной коммуникативной среды, создающим новые смыслы во всех сферах своей социальной жизни – в экономике, политике и культуре. Через создание социального мира человек творит самого себя, сдвигая локус контроля в сторону внутреннего локуса контроля. При этом, благодаря тому, что большая часть людей живет в этом цифровом пространстве, в него

вовлекаются и те люди, которые не являются потребителями и творцами этого цифрового мира, за счет эффекта сопричастия, соучастия [6].

Идеологической базой цифрового общества можно отчасти считать Web 2.0. Тима О'Райли, предполагающий комплексный подход к организации, реализации и поддержке web-ресурсов. Периодом наиболее активного внедрения этой технологии можно считать первые годы XXI века. Например, самая популярная социальная сеть Facebook (*признана экстремистской организацией, запрещена в РФ*) была зарегистрирована 4 февраля 2004 года. А в России социальные сети начали активно проявляться и включаться в жизнь российских людей к концу 2008 года. Пространством социализации в этом подходе являются web-разработки, которые позволяют создавать сообщества пользователей в Интернете. Социализация web-сайта предполагает: 1) возможность индивидуальных настроек сайта и создание личной зоны для пользователя, чтобы пользователь чувствовал свою уникальность; 2) поощрение "коллективного разума", его поддержка и доверие к нему; 3) соревновательный элемент при формировании сообщества, формирующий репутацию его членов, которая позволяет сообществу саморегулироваться и ставить пользователям дополнительные цели присутствия на сайте [5]. Мы видим, что базовые социальные потребности человека начинают удовлетворяться в Интернет-пространстве. Здесь можно говорить о формировании сетевого общества. Понятие сетевого общества ввел испанский социолог Мануэль Кастельс, которые отмечает, что в нем продукция, трансформация и перемещение информации являются главными источниками эффективности и власти, а также то, что для него характерны две главные характеристики: многоканальность и децентрализованность [13].

Структурной основой сетевого общества являются социальные сети, которые являются одним из новых институтов социализации

современного человека, наряду с традиционными (семья, школа, работа и т.п.). Социальные сети являются «информатизированным, интерактивным, многопользовательским сервисом», созданным для взаимодействия людей друг с другом. Участники социальных сетей – субъектны, активны, они создают новый информационный социальный мир, создавая контент. От того, какими свойствами обладает этот контент зависит то, какими особенностями будет обладать социальная сеть [5; 16].

Социальные сети состоят из следующих структурных блоков: 1) личная страничка пользователя; 2) комьюнити, или сообщества пользователей, которые объединяются по общим интересам; 3) события, или комьюнити, посвященные определенным событиям; 4) мультимедийный модуль; 5) новости; 6) форум пользователей [5]. Личная страничка позволяет пользователю заявить о себе, репрезентировать собственную личность в том ролевом репертуаре, с позиции которого человек хочет жить в этом Интернет-пространстве. Комьюнити и форум позволяет удовлетворить потребность человека в общении с другими людьми, избавиться от чувства одиночества. События позволяют усилить причастность человека этому комьюнити, повысить степень идентичности человека с этой социальной Интернет-средой. Мультимедийный модуль дает возможность отдохнуть и получить новые знания. Новости дают возможность быть в актуальном временном потоке избранного социума, не отставать от его темпов жизни.

Т.А. Нестик отмечает, что перед современным человеком в его трудовой деятельности встают такие задачи, которые очень сложно решить в одиночку, для решения которых требуется коллектив специалистов разного профиля. При условии избыточности информации в настоящий момент и стремительных темпов наращивания новой информации над старой, а также трансформации старой, один человек не

способен угнаться за изменением профессиональных знаний даже в своей расширенной области знаний (инженер, биолог, врач, педагог и т.п.).

Появляется необходимость формирования большого количества новых, более узкоспециализированных профессий, в рамках которых отдельные специалисты способны отследить изменяющийся информационный поток и быть в курсе современного состояния знаний, технологий, применяемых в его узкой специальности. Причем более важным становится не то, знаешь ли ты ответ на вопрос, а то, умеешь ли ты быстро его найти, то есть владеешь ли ты технологией поиска информации в информационном профессиональном и общечеловеческом мире. И обучается человек сейчас тоже, как правило, используя информационные технологии в специальных профессиональных сетевых сообществах. Т.А. Нестик предполагает, что в современном мире более значимым является не специальный интеллект, а метакогнитивные способности, включающие умение пользоваться своими интеллектуальными ресурсами и регулировать процессы переработки информации. Важной в современном мире является открытость новому, предполагающая наличие умения решать возникающие перед человеком задачи при недостаточности, избыточности, противоречивости информационного потока, а также умения осознавать свои собственные возможности и ограничения и учитывать их [13].

Т.А. Нестик обращает внимание на то, что в сетевом обществе, в отличие от общества реального общения, в котором наиболее важными являются близкие и тесные взаимоотношения, - начинают играть главную роль слабые и поверхностные взаимоотношения. Он отмечает, что тесные взаимоотношения предполагают ценностное и информационное единство, схожесть участников этих взаимоотношений. А поверхностные взаимоотношения, напротив, подразумевают большое разнообразие особенностей участников в силу широты сети контактов. И эти контакты

становятся источниками новых знаний и новых возможностей, в том числе и при решении самых разных задач, социальных, личностных, трудовых. Он делает вывод, что чем более разветвленными, широкими являются эти поверхностные взаимоотношения, тем более эффективным может быть человек современного общества во всех значимых для него сферах: работа, учеба, личные отношения, семья. На второй план уходят изначальные знания и умения человека, полученные им в традиционных институтах социализации [13].

Т.А. Нестик отмечает, что через социальные сети создаются интеллектуальные сети, имеющие следующие особенности: 1) ее участники получают групповую идентичность через причастность к созданию истины в процессе общения; 2) истина достигается через ритуалы взаимодействия; 3) истина рождается в совместном творчестве участников сети, которое становится не индивидуальным, но глобальным феноменом [13]. Здесь впервые идет речь о рождении истины в социальном Интернет-взаимодействии. И мы можем говорить о полноценной самореализации человека через эти новые социальные пространства. И здесь впервые идет речь о зарождении нового смыслового пространства, которое автор называет интеллектуальными сетями.

Интеллектуальные сети подразумевают новые особенности образования: 1) возможность участвовать в образовательном процессе из любой точки мира в любой временной момент; 2) применение информационных технологий в образовательном процессе. Помимо этого, интеллектуальные сети формируют в человеке новые компетенции. Для того, чтобы быть эффективным в современном мире, необходимы развитые технические навыки, а также, как уже было сказано ранее, проявленные метакогнитивные способности: 1) умение ориентироваться в ролевом репертуаре участников команды, которая создана для решения определенной задачи; 2) умение находить для себя оптимальную роль в

этой команде, позволяющую проявить максимально свои собственные знания, умения и навыки применительно к решению этой конкретной задачи; 3) умение подбирать под решение задачи именно тот состав участников, который позволит ее решить максимально эффективно в минимальные сроки; 4) умение быть посредником при совместном творческом решении поставленной задачи; 5) способность замечать особенности участников процесса решения задачи (всех, не только других участников, но и свои), которые могут пригодиться при решении других задач, не стоящих сейчас перед человеком; 6) способность быть толерантным к разнообразию личностных, социальных, культурных проявлений участников, позволяющая преодолевать тенденцию к разобщению и уметь двигаться в сторону совместного общего эффективного и комфортного для всех участников взаимодействия; 7) способность замечать и накапливать тот опыт работы группы, который формируется в процессе решения задач, а также уметь в дальнейшем его использовать для решения новых задач; 8) умение видеть возможное развитие событий, учитывая особенности актуальной ситуации взаимодействия участников сетевого сообщества. Благодаря проявленности и развитости указанных компетенций социальная сеть превращается в сеть интеллектуальную, становясь источником обширного поля новых возможностей [13].

Важной сферой самореализации человека является трудовая, профессиональная сфера. Рассмотрим то, как цифровое общество отражается в этой области жизнедеятельности человека.

Цифровое отчуждение в трудовой сфере формирует новый слой профессионалов – прекариат, главными характеристиками которого является нестабильная трудовая занятость, отсутствие гарантий социальных благ, социальная незащищенность в ситуации невозможности зарабатывать деньги, работать по каким-либо личностным или

социальным причинам [8]. Представитель прекариата может испытывать состояние отчаяния, аномии. И зачастую профессиональная направленность представителя прекариата является способом отвлечения этого человека от необходимости в сопереживании другим людям, в понимании их потребностей и ценностей [9]. Здесь речь идет о психологическом отчуждении человека от себя, других людей, общества, мира.

Ж.В. Тощенко приписывает прекариату следующие особенности: 1) это класс, который недавно зародился и сейчас находится в процессе своего становления; 2) это профессиональный социальный слой, обладающий определенной квалификацией и трудовым опытом; 3) у этого социального слоя есть потребность выстроить с государством и обществом новые, не существовавшие ранее способы взаимодействия; 4) это быстрорастущий класс; 5) это класс с нестабильным социальным положением, без четко определенных условий трудовой занятости; 6) это класс, не являющийся социально защищенным; 7) это класс, не чувствующий себя полноценной частью общества [17]. Прекаризация не всегда является вынужденной. Некоторые представители прекариата выбирают свободную профессию по причине потребности в свободном графике и избавления от рутины работы, требующей постоянного присутствия в организации.

Е.И. Кузнецова отмечает двойственный характер феномена прекарности. С одной стороны, прекариат является выражением экономической модели реализации цифровизации в экономической сфере социального устройства. С другой стороны, прекариат является выражением поведенческой модели жизни современного человека. Эту модель она называет «цифровой прекарностью». С ее точки зрения, «цифровая прекарность» приводит к наиболее выраженной обезличенности человеческих взаимоотношений. Она считает, что в

условиях «цифровой прекарности» невозможно сформировать профессиональную идентичность [9].

Есть альтернативный, более позитивный научный подход к пониманию темы свободной работы. В нем используется понятие «фрилансеры», которые определяются кандидатом социологических наук В.С. Харченко как «агенты, действующие на рынке труда как независимые работники, предлагающие собственные знания, компетенции, самостоятельно организующие свою занятость, развивающие собственную карьеру» [18, с. 7]. Д.В. Абу-Талеб и А.В. Сандалова рассматривают появление фрилансеров как следствие перехода современного общества от унифицированного общественного к индивидуализированному общественному образу жизни. Они отмечают, что для успешной деятельности фрилансера необходимо формировать в нем определенные компетенции: «надежность, ответственность (как залог репутации); развитые навыки коммуникативной аспектации; любознательность, вовлеченность, стремление к росту и развитию (в т.ч. через образование); самоорганизованность, самодисциплину; инициативность, креативность; стрессоустойчивость, адаптивность, эмпатичность; проактивность» [4, с. 168]. Авторы считают, что становление успешных фрилансеров возможно посредством интегрального образования, проходящего через всю жизнь человека (временной аспект интегрального образования), объединяющее все сферы жизни человека в едином когнитивно-коммуникативном пространстве [1; 4]. Интегральное образование, помимо временного аспекта, раскрывается еще и в пространственном, коммуникативном, личностном, мировоззренческом и онтологическом аспектах. Пространственный аспект интегрального образования выражается в том, что доступ участников общения к встрече возможен из любой точки мира, и при этом встреча происходит в Интернет-пространстве. Коммуникативный аспект интегрального образования предполагает

создание новых принципов взаимодействия участников образовательного процесса, предполагающих их равенство и равноценность вне зависимости от их статуса, объема знаний, способностей и умений. Личностный аспект интегрального образования выражается в том, что участники образовательной коммуникации являются целостными личностями, проявляющимися во множестве ролей, вне зависимости от того, какие роли они в этой коммуникации играют изначально, существующими во всех значимых сферах жизнедеятельности, переживающими единство с другими людьми, социальными группами и миром в целом. Мировоззренческий аспект интегрального образования подразумевает то, что каждый участник образовательного процесса является субъектом: коуч раскрывает потенциал коучи (клиента коуча), изначально способного к самостоятельному обучению. Онтологический аспект интегрального образования предполагает наличие у коучи внутренней необходимости воплощать полученные в процессе коучинга знания, умения и навыки в реальную жизнь, а также уметь получать новые знания, умения и навыки для дальнейшего улучшения его жизни [1].

По мнению Д.В. Абу-Талеб «коучинговый подход в образовании может помочь обеспечить самомотивацию учащихся, сообщить им навыки распоряжения собственными ресурсами (в частности, временем), помочь составить представление о логике развития их собственной жизни, научить диагностировать и балансировать аспекты собственной жизни, сопровождать их в самоактуализации, выстраивании собственного ценностно-смыслового универсума» [3, с. 12].

С цифровым отчуждением связан феномен затрудненного общения. По мнению Д.В. Абу-Талеб, он имеет несколько измерений: субъективное (представление участников коммуникативного процесса об общении), метасубъективное (смыслы, формирующиеся у участников коммуникации в процессе общения), объективное (реальные аспекты общения) [2]. В

дополнение к приведенной классификации автор отмечает, что «любое общение в той или иной степени затруднено с точки зрения феноменологической: мы не можем в полной мере понять собеседника, постигнуть его предпосылки общения, то, что он чувствует в процессе и после общения» [2, с. 9]. При этом автор предполагает, что коуч в процессе профессионального общения с коучи представляет объектную сторону общения. Он является «зеркалом», в котором субъект коучи может отразиться и за счет этого осознать свои особенности и суметь решить свои жизненные задачи [2]. Автор рассматривает коучинговый вопрос как основной инструмент коучинга. Он предполагает, что ответ на вопрос уже содержится в сознании коучи. Тогда задачей коуча является помощь в выведении этого ответа на уровень осознания [3]. Отмечается, что коучинг процессуален. Это «способ налаживания и сопровождения процессов, взаимосвязей и взаимодействия, коммуникации – внутриличностной, межличностной, внутри-межличностной – с тем, чтобы процессы могли функционировать корректно на всех уровнях» [3, с. 15]. «Целью коучинга образования можно считать формирование у него мотивации к обучению, исследовательского интереса, самостоятельности и ответственности» [3, с. 15], «повышение осознанности и мотивации, наравне с формированием ориентации на внутренний локус контроля» [3, с. 17].

По мнению П.М. Пискарёва коучинг направлен «на работу по формированию будущего и решению соответствующих (связанных с будущим) задач» [14, с. 330], является альтернативной технологией, отвечающей актуальным условиям жизни человека, приходящей в современном обществе на смену привычным, укрепившимся в общественном сознании помогающим направлениям науки – психиатрии, психотерапии, психологии [14]. Автор сравнивает коучинг с психотерапией, общей по цели с коучингом, которая «нацелена на проработку личностных проблем клиента» [14, с. 332], что является частью «самоактуализации

человека метамодерна, способ снятия внешних и внутренних ограничений в процессе становления собственной позитивной свободы» [14, с. 332]. При этом автор отмечает, что процесс коучинга, помимо решения актуальной жизненной задачи, направлен на развитие и организацию собственной личности (самокоучинг) [14, с. 332]. И это тоже является тем навыком, который может приобрести человек в процессе коучинга.

П.М. Пискарев считает коучинг видом практической философии. Коучинг в своей практической реализации использует инструменты философии (анализ, синтез и т.д.), а также в качестве теоретической базы для работы использует следующие направления философии: майевтику (умение коуча задавать правильные вопросы, позволяющие коучи решать жизненные задачи и развиваться; это направление философии сформировалось в эпоху премодекна), герменевтику (анализ текста, озвученного коучи или коучем; это направление философии сформировалось в эпоху модерна), экзистенциализм (акцент в коучинговом процессе, прежде всего, на существовании человека, а не на его сущности; это направление философии сформировалось в эпоху постмодерна) и эвдемонизм (философия счастья как общее целевое направление коучингового процесса; это направление философии сформировалось в эпоху метамодерна) [15].

Коучинг позволяет решить актуальный вопрос человека цифрового общества, связанный с принятием решения в ситуации выбора, с самовыражением и самоактуализацией. При этом меняется мировоззрение человека - происходит трансформация представлений личности о том, какова она, каковы ее возможности, что приводит в результате к изменению представлений личности о собственной субъективности. Человек социализируется в условиях кризиса идентичности, маргинализируясь, принадлежа одновременно к реальному и виртуальному миру и выполняя в обоих этих мирах определенные

социальные роли. Приспособление человека к сложной, разнообразной, быстро меняющейся реальности является творческой задачей, которую предстоит решить человеку современного мира. И коучинг помогает в ее решении, приводя к формированию стабильной, устойчивой индивидуальной идентичности, включающей в качестве своих обязательных компонентов личностную и социальную идентичности, и, в результате, к становлению целостности субъекта коучи через проработку внешнего и внутреннего опыта человека [7].

В нашем исследовании мы подробно рассмотрели, как современные реалии, связанные с цифровизацией и информатизацией влияют на жизнь современного человека. Мы увидели предпосылки формирования цифровой эпохи. Обозначили особенности цифрового человека. Показали то, какие возможности и ограничения приносят человеку эти особенности. Указали, что границами этих возможностей и ограничений являются две полярности – цифровое отчуждение как максимальное неблагополучие цифрового человека, с одной стороны, и максимальное творческое самовыражение цифрового человека как наибольшее его благополучие, с другой стороны. Рассмотрели реализацию принципов цифрового общества в общественной, социальной жизни человека. А также – в трудовой сфере. Показали, что в условиях современного цифрового медиатизированного общества развитие человека свободной профессии возможно как минимум в двух противоположных направлениях: 1) стать частью прекариата, при этом испытывая на себе все негативные стороны цифрового отчуждения; 2) быть успешным фрилансером, реализующим свои способности и таланты не только в профессиональной, но и в коммуникативной сфере. Второй путь позволяет преодолеть цифровое отчуждение и привести к самоактуализации человека, сопровождающейся ощущением уверенности в себе, чувством собственного благополучия, причастности к значимым процессам общества. Для того, чтобы представитель прекариата стал

успешным фрилансером необходимо постоянное личностное развитие человека посредством обучения, самообучения и развития коммуникативных, личностных характеристик в реальном общении с другими людьми. Достичь указанной цели развития и саморазвития позволяет интегральное образование. Интегральное образование является реакцией современного педагогического и психологического сообщества на негативные и позитивные особенности цифровизации. Оно подразумевает максимальное использование возможностей цифрового человека при нивелировании его недостатков, компенсации его ограничений. Удобной и максимально встраиваемой в цифровую реальность формой интегрального образования является коучинг. Причем следует отметить, что современный коучинг позволяет достичь наибольшего личностного, коммуникативного, профессионального развития не только коучи, с которым работает профессиональный коуч, но и самого коуча. Современное проявление коучинга в образовательной сфере предполагает использование, как обучения, воспитания, так и самообучение и самовоспитания.

Литература

1. *Абу-Талеп Д.В.* Значимые аспекты интегрального образования // Обмен научными знаниями в условиях глобализации. Сборник научных трудов. – Казань, 2021. – С. 95-98.
2. *Абу-Талеп Д.В.* Коучинговый подход в феноменологии затрудненного общения // Актуальные научные исследования в современном мире. – 2021. – № 4-11 (72). – С. 12-17.
3. *Абу-Талеп Д.В.* Теоретико-методологические основания коучинговых доктрин и методов в образовании и самообразовании // Методология современной психологии. – 2021. – № 14. – С. 10-21.

4. *Абу-Талеп Д.В., Сандалова А.В.* Интегральное образование как среда формирования навыков фрилансера // Современное образования: опыт прошлого, взгляд в будущее. Сборник статей II Всероссийской методико-практической конференции. Петрозаводск, 2021. С. 163-172.
5. *Битков Л.А.* Социальные сети как коммуникационная среда // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2012. – № 1 (9). – С. 9–13.
6. *Гусельцева М.С.* Трансформация идентичности в информационной культуре // Цифровое общество в культурно-исторической парадигме. – М.: Издательство МПГУ, 2019. – С. 36-43.
7. *Дьяченко Е.Н.* Психологическая структура, компоненты, виды и функции идентичности в современном пространстве // Человеческий фактор: Социальный психолог. – 2021. – № 1 (41). – С. 40-55.
8. *Кузнецова Е.И.* Феномен цифровой медиатизации: аксиологический аспект социальной коммуникации // Гуманитарный вектор. – 2022. – Т. 17. – № 2. – С. 154-160.
9. *Кузнецова Е.И., Пугачева Н.А.* Прекаризация как феномен отчуждения субъекта в цифровой коммуникативной реальности // Общество: философия, история, культура. – 2023. – № 6 (110). – С. 36-41.
10. *Курбатов В.И.* Net-мышление: новые реалии информационной эпохи // Гуманитарии Юга России. – 2017. – Т. 6. – № 6. – С. 173-181.
11. *Лешкевич Т.Г.* Феномен цифрового отчуждения // Революция и эволюция: модели развития в науке, культуре, обществе. Труды II Всероссийской научной конференции. Нижний Новгород, 2019. – С. 137-139.
12. *Масленникова О.Н., Шальнова Е.С.* Ното solus: человек одинокий // Известия высших учебных заведений. Серия «Гуманитарные науки». – 2011. – Т. 2. – №2. –С. 131-139.
13. *Нестик Т.А.* Интеллектуальные сети: от сетевого индивидуализма к творческому капиталу // Образовательная политика. № 7–8 (45–46). – 2010. – С. 19–30.

14. Пискарев П.М. Коуч как практический философ. Новые профессиональные возможности актуальной эпохи // Методология современной психологии. – 2023. – № 18. – С. 329-335.

15. Пискарев П.М. Метамодерн и интегративная теория гуманитарного знания: дис. ... д-ра психол.наук. Ярославль, 2019. – 469 с.

16. Сон Л.П. Язык интернет-коммуникации: вторичный глоттогенез и формирование новой символично-семиотической системы // Организационная психолингвистика. – 2023. – № 3 (23). – С. 67-79.

17. Тощенко Ж.Т. Прекариат: от протокласса к новому классу. Институт социологии ФНИСЦ РАН, РГГУ. – М.: Наука, 2018. – 350 с.

18. Харченко В.С. Фриланс как стиль жизни в современном российском обществе: специальность 22.00.06 – Социология культуры: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Екатеринбург, 2013. – 179 с.

References

1. *Abu-Taleb D.V.* Znachimye aspekty integral'nogo obrazovaniya [Significant aspects of integral education] // Obmen nauchnymi znaniyami v usloviyah globalizacii. Sbornik nauchnyh trudov. Kazan' [Exchange of scientific knowledge in the context of globalization. Collection of scientific papers. – Kazan], – Pp. 95-98.

2. *Abu-Taleb D.V.* Kouchingovyj podhod v fenomenologii zatrudnennogo obshcheniya [Coaching approach in the phenomenology of difficult communication] // Aktual'nye nauchnye issledovaniya v sovremennom mire [Actual scientific research in the modern world], 4-11 (72), – Pp. 12-17.

3. *Abu-Taleb D.V.* Teoretiko-metodologicheskie osnovaniya kouchingovyh doktrin i metodov v obrazovanii i samoobrazovanii [Theoretical and methodological foundations of coaching doctrines and methods in education]

and self-education] // Metodologiya sovremennoj psihologii [Methodology of modern psychology], 14, – Pp. 10-21.

4. *Abu-Taleb D.V., Sandalova A.V.* Integral'noe obrazovanie kak sreda formirovaniya navykov frilansera [Integral education as a medium for the formation of freelancer skills] // Sovremennoe obrazovaniya: opyt proshlogo, vzglyad v budushchee. Sbornik statej II Vserossijskoj metodiko-prakticheskoj konferencii, Petrozavodsk [Modern education: the experience of the past, a look into the future. Collection of articles of the II All-Russian methodological and practical conference. Petrozavodsk], – Pp. 163-172.

5. *Bitkov L.A.* Social'nye seti kak kommunikacionnaya sreda [Social networks as a communication environment] // Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya [Sign: a problematic field of media education], 1 (9), Pp. 9–13.

6. *Gusel'ceva M.S.* Transformaciya identichnosti v informacionnoj kul'ture [Transformation of identity in information culture] // Cifrovoe obshchestvo v kul'turno-istoricheskoi paradigme [Digital society in the cultural and historical paradigm]. – M.: Izdatel'stvo MPGU, – Pp. 36-43.

7. *D'yachenko E.N.* Psihologicheskaya struktura, komponenty, vidy i funkcii identichnosti v sovremennom prostranstve [Psychological structure, components, types and functions of identity in modern space] // Chelovecheskij faktor: Social'nyj psiholog [Human factor: Social psychologist], 1 (41). – Pp. 40-55.

8. *Kuznecova E.I.* Fenomen cifrovoj mediatizacii: aksiologicheskij aspekt social'noj kommunikacii [The phenomenon of digital mediatization: Axiological aspect of social communication] // Gumanitarnyj vektor [Humanitarian vector], 17, 2. – Pp. 154-160.

9. *Kuznecova E.I., Pugacheva N.A.* Prekarizaciya kak fenomen otchuzhdeniya sub"ekta v cifrovoj kommunikativnoj real'nosti [Precarization as a phenomenon of alienation of the subject in digital communicative reality] //

Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura [Society: philosophy, history, culture], 6 (110). – Pp. 36-41.

10. *Kurbatov V.I.* Net-myshlenie: novye realii informacionnoj epohi [Net-thinking: new realities of the information age] // *Gumanitarii Yuga Rossii* [Humanities of the South of Russia], 6. – Pp. 173-181.

11. *Leshkevich T.G.* Fenomen cifrovogo otchuzhdeniya [The phenomenon of digital alienation] // *Revolyuciya i evolyuciya: modeli razvitiya v nauke, kul'ture, obshchestve. Trudy II Vserossijskoj nauchnoj konferencii. Nizhnij Novgorod* [Revolution and evolution: models of development in science, culture, society. Proceedings of the II All-Russian Scientific Conference. Nizhny Novgorod] . – Pp. 137-139.

12. *Maslennikova O.N., SHal'nova E.S.* Homo solus: chelovek odinokij [Homo solus: a lonely man] // *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Seriya «Gumanitarnye nauki»* [News of higher educational institutions. The series "Humanities"], 2, 2. – Pp.131-139.

13. *Nestik T.A.* Intellektual'nye seti: ot setevogo individualizma k tvorcheskomu kapitalu [Intellectual networks: from network individualism to creative capital] // *Obrazovatel'naya politika* [Educational policy], 7–8 (45–46). – Pp. 19–30.

14. *Piskaryov P.M.* Kouch kak prakticheskiy filosof. Novye professional'nye vozmozhnosti aktual'noj epohi [Coach as a practical philosopher. New professional opportunities of the current era] // *Metodologiya sovremennoj psihologii* [Methodology of modern psychology], 18,. – Pp. 329-335.

15. *Piskarev P.M.* Metamodern i integrativnaya teoriya gumanitarnogo znaniya [Metamodern and integrative theory of humanitarian knowledge]: dis. ... d-ra psihol.nauk. Yaroslavl'. – 469 p.

16. *Son L.P.* Yazyk internet-kommunikacii: vtorichnyj glottogenez i formirovanie novoj simvoliko-semioticheskoy sistemy [The language of internet communication: secondary glottogenesis and the formation of a new symbolic-

semiotic system] // Organizacionnaya psiholingvistika [Organizational psycholinguistics], 3 (23). – Pp. 67-79.

17. *Toshchenko Zh.T.* Prekariat: ot protoklassa k novomu klassu [Precariat: from a proto-class to a new class]. Institut sociologii FNISC RAN, RGGU. M.: Nauka, – 2018. – 350 p.

18. *Harchenko V.S.* Frilans kak stil' zhizni v sovremennom rossijskom obshchestve [Freelance as a lifestyle in modern Russian society] : special'nost' 22.00.06 – Sociologiya kul'tury : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk. – Ekaterinburg. – 179 p.

УДК 159.9.07

Т.А. Паначёва

Российский государственный профессионально-педагогический
университет
620143, Машиностроителей, 11
Екатеринбург, Россия
romanovatanya1312@mail.ru

Е.С. Холопова

Российский государственный профессионально-педагогический
университет
620143, Машиностроителей, 11
Екатеринбург, Россия
shikitti@gmail.com

РИГИДНОСТЬ И СТИЛЬ МЫШЛЕНИЯ СТУДЕНТОВ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию ригидности и стиля мышления студентов различных направлений и курсов в условиях цифровизации повседневной жизни. В работе отражены представления отечественных и зарубежных авторов о проблеме цифровизации и тематике мышления и его особенностей. Исследование проводилось с помощью методик: «Опросник ригидности» А.Г. Шмелёва, опросника «Стили мышления» Р. Брэмсона в адаптации А.А. Алексеева, а также специально разработанной анкеты для получения данных о вовлеченности респондентов в цифровое пространство и компьютерные технологии. В результате исследования выявлено, что большинство респондентов сталкивались с внедрением цифровизации в образовательную и профессиональную сферы и высоко оценивают необходимость цифровых технологий в их повседневной жизни, также большая часть опрошенных обладают аналитическим стилем мышления, что в свою очередь может быть связано погруженностью в цифровую среду, закономерности работы в которой заключаются в алгоритмах, упорядоченности, схемах. Кроме того, обнаружена взаимосвязь между ригидностью психики и временем ежедневного пользования цифровыми технологиями, иными словами, чем больше индивид проводит времени пользуясь компьютерными технологиями, тем более его психика ригидна. Также обнаружена отрицательная взаимосвязь между ригидностью психики и способностью синтетического мышления, тогда можно предположить, что развитие способности синтетически мыслить препятствует развитию ригидности и способствует лабильности мышления.

Ключевые слова: цифровизация, технологии, стиль мышления, ригидность, лабильность.

**RIGIDITY AND STYLE OF THINKING OF STUDENTS IN THE CONTEXT OF
DIGITALIZATION**

Abstract. The article is devoted to the study of rigidity and style of thinking of students of various fields and courses in the context of digitalization of everyday life. The paper reflects the ideas of domestic and foreign authors about the problem of digitalization and the subject of thinking and its features. The study was conducted using the following methods: "Rigidity Questionnaire" by A.G. Shmelev, the questionnaire "Styles of Thinking" by R. Bramson adapted by A.A. Alekseev, as well as a specially designed questionnaire to obtain data on respondents' involvement in digital space and computer technologies. As a result of the study, it was revealed that the majority of respondents were faced with the introduction of digitalization in the educational and professional spheres and highly appreciate the need for digital technologies in their daily lives, also most of the respondents have an analytical style of thinking, which in turn may be due to immersion in the digital environment, the patterns of work in which consist in algorithms, orderliness schemes. In addition, a relationship was found between mental rigidity and the time of daily use of digital technologies, in other words, than more an individual spends time using computer technology, the more rigid his psyche is. There is also a negative relationship between the rigidity of the psyche and the ability of synthetic thinking, then it can be assumed that the development of the ability to think synthetically hinders the development of rigidity and contributes to the lability of thinking.

Keywords: digitalization, technology, style of thinking, rigidity, lability.

Развитие информационных технологий в современном мире является одним из следствий научно-технического прогресса. Благодаря цифровизации во многих сферах жизни у человека появились новые возможности, удобство взаимодействия с окружающим миром, возможность преодолевать физические границы путем виртуальных «путешествий» по миру интернета, что предоставляет доступ практически ко всем трудам человечества: литература, искусство, наука, техника. Достижения в сфере цифровых технологий позволяют человеку работать, учиться, общаться при любых условиях и без преодоления каких-либо трудностей, неудобств. Развитие искусственного интеллекта еще больше упрощает жизнь современного человека, освобождает его время, предоставляет интересную и нужную ему информации с помощью фильтрации рекомендаций по запросам пользователя. С другой стороны,

научно-технический прогресс имеет противоречивые последствия. В тех же сферах, в которых цифровизация и информационные технологии предоставляют комфорт и удобства человеку, они же несут негативные последствия для самого субъекта, которые он может не осознавать из-за огромного количества плюсов и достоинств техники.

В ситуации, когда человек взаимодействует не с реальным обществом, в котором он сталкивается с разными мнениями, точками зрения, разными характерами, конфликтует и выносит какой-то опыт из общения, а с компьютерными технологиями, информация и круг общения в которых строго фильтруются самим пользователем, человек изолируется от внешнего, привыкает к той среде, которая им же самим создана. В последствии, это может привести к неприятию того, что ему не нравится, отрицанию иных точек зрения, унижению и ущемлению людей других позиций, приближению к позиции «я управляю, все должно служить моим интересам». Это является проявлением одного из видов эгоизма – диктаторский эгоизм. Эту цифровую среду, в которой индивид существует исключительно в изначально выстроенных своими интересами границах, строго отсеивая информацию, противоречащую его субъективным взглядам, не выходя из привычной зоны комфорта, воспринимая простую информацию, не поддающуюся разбору и размышлению, можно обозначить как нерациональное и неэффективное пользование информационной средой. В информационном мире он существует один, все для него. Как следствие этого мышление пользователя теряет критичность, происходит стереотипизация мышления без переживания нового опыта. Так как субъект живет исключительно в рамках своих интересов и не сталкивается с противоположными мнениями, он не принимает чужих точек зрения, повышается конфликтность, а способы решения конфликтов при отсутствии критичности мышления становятся деструктивными, не эффективными, и вероятнее всего – стратегии поведения в конфликте так

же неблагоприятные. Как негативные следствия цифровизации населения могут быть узость кругозора, снижение эмоционального и социального интеллекта, повышение конфликтности.

В первую очередь цифровизация влияет на мышление человека, результатом полного погружения в информационные технологии могут стать изменение стилей мышления, так же ригидность психики, так как человек в закрытой информационной среде не получает потенциально новых для него информации и опыта. В связи с этим является актуальным исследование трансформации стиля мышления и способности психики к восприятию нового опыта, то есть гибкости психики, в результате цифровизации общественной жизни.

В социально-педагогическом аспекте актуальность исследования обусловлена потребностями системы образования в адаптации методических материалов для обучения и развития цифрового поколения с целью компенсации и нейтрализации негативных влияний информационных технологий на интеллектуальное, духовное и физическое развитие, а также формирования конструктивных стратегий поведения и взаимодействия человека как в цифровой среде, так и в обществе в целом.

В научно-теоретическом аспекте актуальность работы обусловлена необходимостью выявления закономерностей и особенностей мышления, преобразившихся и трансформировавшихся посредством цифровизации, а также в определении новых научно-методологических подходов к мышлению в условиях развития информационных технологий.

В научно-методическом аспекте актуальность работы обусловлена необходимостью разработки способов и методов взаимодействия со сформировавшимися особенностями мышления, снижения влияния информационных технологий на развитие мышления в условиях цифровизации.

Основным полем проблем в рамках исследования является изучение стиля мышления сформировавшегося в результате погружения в информационную среду и выявления влияния данной среды на способность человеческой психики принимать иные мнения, новую информацию и новый опыт.

Цифровизация – «повсеместный процесс распространения и внедрения цифровых технологий в различные сферы жизни общества: экономику, культуру, образование и т.д.» [2, с. 112].

Цифровизация на данный момент происходит действительно во всех сферах жизнедеятельности человека. Наиболее значительно цифровизация влияет на сознание и деятельность человека в системе образования, так как обучение и развитие формирует мышление и личность. Дистанционное обучение, прогрессирующее во время пандемии коронавирусной инфекции, имеет как плюсы, так и минусы. Учебные материалы стали более доступными для каждого ученика, студента, обучающиеся совершенствуют свои навыки владения цифровыми технологиями, при дистанционном обучении ученику необходимо проявлять самостоятельность, самоорганизацию, вследствие чего они вынужденно развиваются. Работа педагога в свою очередь упрощается. Более того, технологии развиваются, пользователи с целью эффективного взаимодействия с ними, также совершенствуют свои навыки, обучаются новому.

Негативные последствия цифровизации проявляются как в физиологическом аспекте, так и в психологическом.

Цифровизация – это в первую очередь упрощение физической деятельности субъекта, снижение двигательной активности, отказ от обычного пользования возможностями человеческого анатомо-физиологического строения.

Например, Е.А. Струкова обращает внимание на то, что

физиологические особенности детей младшего школьного возраста наиболее уязвимы под влиянием социума. Таким образом, пользование гаджетом на протяжении 15-20 минут, может привести к снижению концентрации внимания так, что ученик не сможет его удерживать до конца урока.

Далее влияние идет за счет избавления от рукописного текста. При отсутствии письма ученик начинает хуже читать, ухудшается моторика и координация. При ручном письме задействованы участки мозга, отвечающие за взаимосвязь мышления и деятельности, мыслей и действий. Экспрессивная и импрессивная речь, следовательно, также ухудшаются.

За счет встроенных в технологии программ коррекции текста меньше внимания будет уделяться орфографии, пунктуации. Человек может меньше акцентировать внимание на том, как он пишет, следовательно, появляются затруднения с формулированием мыслей, что может повлиять на реальное живое общение между людьми.

Неконтролируемое внедрение цифровых технологий в деятельность ребенка, подростка и даже взрослого приводит к огромному количеству физиологических нарушений касательно зрительной, нервной системы, опорно-двигательного аппарата, мыслительной деятельности.

Более того, кроме физиологических нарушений можно отметить негативное влияние на социальный и психологический аспекты жизни человека.

Дистанционные учеба и работа происходят дома, где также учатся или работают другие члены семьи, происходит смещение обстановки и ролей. Ученику тяжелее сконцентрироваться на учебе находясь в домашней обстановке, дистанционному работнику также тяжелее быть в профессиональной среде. Смещение ролей влияет на семейные взаимоотношения, вследствие чего повышается напряженность и дискомфорт. Вместе с тем нарушается самоорганизация, режим труда и

отдыха, что влияет на биологические ритмы и работоспособность.

Цифровизация влияет на социализацию человека. В результате цифровизации в социализации человека теряются те важные компоненты этого процесса, о которых писали Л.С. Выготский, Э. Эриксон, Д.Б. Эльконин и другие авторы, изучающие аспекты возрастной психологии и психологии развития. С применением цифровых технологий снижается эмоциональный контакт между людьми, появляется дефицит живого общения, взаимодействие обучающегося со сверстниками и преподавателем ограничивается формальным общением. При удаленном обучении могут возникнуть затруднения в формировании коммуникативных навыков.

С другой стороны, при использовании цифровых технологий субъект деятельности не перестает совсем взаимодействовать с окружающим миром, напротив, он входит в другой мир, где продолжает взаимодействие. Уходя из реальной среды, он попадает в информационную среду, так называемое информационное пространство.

Термины информационное пространство и информационная среда в психологической науке часто определяют как синонимы. Тем не менее, согласно экопсихологическому подходу к развитию психики, информационное пространство – «это объективно существующее пространство информационных возможностей» [8, с. 38]. Информационная среда, в отличие от пространства, не существует независимо от индивида, группы. Напротив, индивид, исходя из его субъективных потребностей, интересов, формирует вокруг себя ту часть информационного пространства, которая отвечает его требованиям. Данная среда меняется так, как меняется индивид, то есть индивид определяет и меняет свою информационную среду. Но также и информационная среда влияет на индивида. Таким образом, при переходе на негативное влияние цифровизации в жизни человека, можно сделать вывод, что вред приносит

не само существование информационного пространства, развитие цифровых технологий, а то, как индивид использует возможности цифровизации, как корректирует и структурирует собственную индивидуальную «информационную среду».

Социальные сети, как средство общения и взаимодействия, содержат в себе кибербуллинг. В.Н. Степанов пишет, что «цифровые технологии, расширяют и список агрессивных действий по отношению к жертве: агрессор может делать оскорбительные мемы, коллажи, карикатуры и видео, придумывать и распространять слухи, писать комментарии и сообщения в «личку» с угрозами, публиковать сведения о жертве без её согласия, шантажировать распространением личных данных, взламывать аккаунты и писать от лица жертвы её близким, коллегам и преподавателям. Эксперты считают, что кибербуллинг может быть опаснее физической травли...» [10].

В иностранных источниках как негативные последствия цифровизации определяют эффект FOMO (страх что-то упустить), одиночество, тревогу, бессонницу [12, с. 257].

А.И. Гордин и О.В. Гордина основным последствием цифровизации считают трансгуманизм, как переходный этап гуманизма к самоликвидации. Гуманизм в своей сущности содержит права человека, а трансгуманизм, в свою очередь, право человека менять его природу. С точки зрения трансгуманизма человек рассматривается не как личность, а как несовершенное существо.

Авторы рассматривают информационную культуру в двух аспектах: технико-технологический и социокультурный. Технико-технологическая культура человека – это умение находить, обрабатывать, формировать и транслировать информацию с помощью технических информационных средств, а социокультурный аспект – способность определять общечеловеческие социальные смыслы в потоке информации, которые

непосредственно влияют на мировоззрение, ценности, поведение пользователя. Человек, у которого сбалансированные эти два аспекта, считается информационно культурным. Чрезмерная технократизация грозит роботизации сознания, а избыточная социокультурная информационная деятельность – идеологизации сознания. Как последствия выделяются техническая или идеологическая зависимость, потеря субъектности и возможность тоталитарного внешнего управления [3, с. 539].

В данном исследовании основной задачей стоит определение влияния цифровизации на стиль мышления и способность мышления к восприятию и усвоению нового опыта.

В психологической науке мышление рассматривается как «процесс познавательной деятельности человека, характеризующейся обобщенным, опосредованным отражением предметов и явлений действительности в их существенных связях и отношениях, в основе которого находится комплекс когнитивных и метакогнитивных умений, навыков и установок» [6, с. 36].

Современные психологические исследования показывают, что мышление носит вероятностный характер. Вероятностный характер базируется на «предположении», то есть на механизме принятия решения. В его основе лежит убеждение, что принятое решение верно. Сложность процесса принятия решения состоит в ограниченности внешней информации, в связи с этим необходимо формировать тот стиль мышления, при котором при ограниченных внешних данных принятие решения будет наиболее рациональным и эффективным.

В отечественной психологии вклад в изучение мышления внесла А.К. Белоусова. Автор выделяет три направления изучения мышления: в рамках когнитивного стиля; психофизиологических механизмов; выделение и изучение стилей мышления.

А.К. Белоусова определяет стиль мышления через набор функций,

используемых человеком в различных ситуациях решения задач.

Автор выделяет четыре стиля мышления: инициативный, практический, управленческий, критический.

Зарубежные психологи А. Харрисон и Р. Брэмсон разработали теорию стилей мышления. Ими выделено пять стилей мышления: диалектика (Гегель) – синтезатор; философский идеализм (Кант) – идеалист; философский прагматизм (Э. А. Синглер) – прагматик; символическая логика (Лейбниц) – аналитик; эмпиризм (Локк) – реалист. В основу идеи положены отличия в методах и системах мышления и познания известных ученых.

Данную теорию перевели и адаптировали отечественные авторы А.А. Алексеев и Л.А. Громова.

Синтетический стиль – объединение частей явлений или объектов в целое, синтез мыслей. Люди с данным типом мышления склонны создавать что-то новое, оригинальное, воображать и фантазировать; стремятся создать обобщенную концепцию, объединив то, что имеют; смотрят на задачу глобально. Данный стиль мышления – теоретизированный, его обладатели замечают противоречия в рассуждениях других; стремятся объединить противоположные взгляды. Люди с данным стилем мышления хорошо воспринимают что-то новое; видят мир меняющимся и сами стараются его менять; в своих рассуждениях категоричны, не принимают критику. Синтезаторы тяжело переносят монотонную работу.

Аналитический стиль – также теоретизированный стиль. От синтетического стиля отличается наоборот разложением целого на части.

Обладатели данного стиля отличаются логической, рациональной, детальной и осторожной манерой принятия решений. В деятельности присутствует разработка плана, анализ внешних и внутренних условий его осуществление, подготовка. Аналитики ценят знания, с желанием и успехом их усваивают, со временем этот процесс доходит до автоматизма.

Они не любят менять свои взгляды, ценят постоянство, стабильность, поэтому тяжело осваиваются в новой среде. Так же, как и синтезаторы, аналитики не принимают чужую позицию.

Идеалистический стиль характеризуется широким взглядом на мир. Люди с таким типом мышления идеализируют реальность, планы, будущее. В связи с этим они достаточно часто разочаровываются из-за несбывшихся планов и надежд. Идеалисты склонны к интуитивным оценкам без анализа обстоятельств; обладают повышенным интересом к ценностям, нравственности, потребностям; стараются сглаживать противоречия путем нахождения сходства; эффективно решают проблемы, детерминантом которых являются эмоции, чувства. Обладатели данного стиля мышления наделены доброжелательностью, скромностью, неуверенностью в себе, болезненно относятся к ссорам и сами достаточно обидчивы.

Реалистический стиль мышления – это практика. Обладатели данного типа мышления отдают большее значение не теории, а практике; для них важны факты, конкретика, прямолинейность, способность признавать и исправлять ошибки. Реалисты значимым и реальным считают только то, что можно почувствовать, увидеть. Характеризуется данный стиль мышления конкретностью, строгостью мысли и действий. Для реалистов важен результат, они часто стремятся исправить то, что, по их мнению, не является правильным, верным.

Пятым стилем мышления является прагматический стиль. Прагматики опираются исключительно на собственный опыт, использование знаний, материалов, которые легко получаемы. Цель обладателей прагматического мышления – как можно быстрее и эффективнее добиться результата, практического выигрыша. Поведение прагматиков может казаться поверхностным, по их мнению – всё в мире происходит случайно и зависит от случайных обстоятельств. Они успешно определяют тактику поведения других людей, гибки и адаптивны,

обстоятельства ситуации способны использовать в свою пользу.

Стили мышления соотносятся с уровнем когнитивного развития, а сам стиль мышления – это социализированный конструкт, из чего следует, что индивид способен обучиться разным стилям мышления.

Согласно многочисленным исследованиям следует отметить, что необходимо формировать такой стиль мышления, который будет позволять искать пути и способы решения сложных задач, основанных на интеллектуальных способностях и вероятностной оценке событий и явлений внешнего мира. Стиль мышления также будет наиболее эффективен при соответствии тому времени, в котором находится индивид. Таким образом, наиболее эффективен для данного времени стиль мышления, включающий в себя нелинейность, фундаментальность междисциплинарных знаний, системность, умение применять знания в неопределенной ситуации, в процессе действия случайных факторов. Данный стиль в психологической науке определяется как вероятностный такими авторами, как Бурменская, Дворяткина, Пономарев, Теплов, и является объединяющим стилем некоторых фрагментов других стилей.

Следующая характеристика мышления – ригидность. Ригидность – затрудненность в изменении намеченной индивидом программы деятельности в условиях, объективно требующих её перестройки [5, с. 50].

Сам термин появился в конце XIX века, его описывали такие психологи, как Р. Кеттел, Э. Френкель-Брансуик, У. Джеймс.

Ригидность мышления как его свойство не является негативным, в умеренной степени ригидность напротив, приносит пользу индивиду. Человек с умеренным проявлением ригидности хорошо владеет коммуникативными навыками, усидчивостью, имеет активную жизненную позицию, способен к роли организатора, лидера, способен на протяжении долгого времени заниматься монотонной деятельностью.

Ригидность как свойство психики объединяет различные

психические процессы: когнитивные, эмоциональные, мотивационные [9, с. 321]. Также ригидность может касаться свойств личности, черт, проявляя себя в нежелании меняться, развиваться.

В целом, как физиологическая составляющая, психическая ригидность – психопатологическое состояние, недостаточность подвижности психических процессов, патология переключаемости мышления и речи, инертные установки. Психическая ригидность чаще характеризует людей с экзогенно-органическими нарушениями головного мозга.

Когнитивная ригидность касается восприятия и познания мира. Человек затрудненно воспринимает новую картину окружающего мира по причине того, что она противоречит сложившимся, сформировавшимся устоям индивида. Когнитивная ригидность проявляется в нежелании или невозможности изменить стиль мышления, привычки. Стратегии поведения индивида в новых условиях неадаптивны и неэффективны.

Мотивационная ригидность – человек не в силах отказаться от каких-либо потребностей, его нужды сильнее, чем он сам. Так же индивид не желает воспринимать новые мотивы, цели.

Аффективная ригидность (эмоциональная) связана с особенностями проявления эмоций и ответными реакциями на внешние факторы. Чрезмерная устойчивость эмоциональных состояний, прокручивание эпизодов, которые вызывают эмоционально-окрашенные реакции. Чувства долго не ослабевают и могут стать навязчивыми.

Чрезмерная ригидность мышления препятствует усвоению нового, обучению, развитию; способствует пассивности, лени; может вызвать эмоциональное выгорание и психические заболевания; препятствует адаптации.

Кроме ригидности психика обладает полярным её свойством – лабильностью. По определению Н.Е. Введенского, с физиологической точки

зрения, лабильность характеризуется степенью быстроты протекания нервных процессов – возбуждения в нервной ткани, показатель которого это частота, с которой нервная ткань возбуждается под действием ритмических раздражителей.

Если экстраполировать вышеуказанное на психологическую науку, то лабильность проявляется в подвижности психики или её неустойчивости. Также как и ригидность, лабильность может и положительно, и отрицательно влиять на деятельность и мыслительные процессы индивида.

Лабильность позволяет индивиду быстро и эффективно адаптироваться в изменяющейся среде. Лабильная психика – механизм выживания.

Прошлый опыт индивида, безусловно, важен, он обеспечивает человека уже знакомым и безопасным способам действий, но также может и препятствовать, создавая консервативную основу для решения задач.

Таким образом, можно сделать вывод, что умеренная степень проявления ригидности и лабильности в совокупности позволяет индивиду наиболее эффективно и рационально решать поставленные задачи, обучаться и развиваться.

Исследование проводилось с целью выявления взаимосвязи цифровизации личности со стилем мышления и способностью воспринимать новый опыт. Выборка исследования представлена студентами в связи с тем, что обучение среднему профессиональному и высшему образованию наиболее цифровизировано, так как в них присутствует большая доля самообразования, осуществляемого в основном посредством цифровых технологий.

Исследование проводилось онлайн, использовались методики: «Опросник ригидности» А.Г. Шмелёва, опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона в адаптации А.А. Алексева, также специально разработанная

анкета, направленная на получение данных о вовлеченности респондента в цифровые технологии. В исследовании приняли участие 37 человек в возрасте от 17 до 22 лет.

По результатам анкеты выяснилось, что большая часть опрошенных сталкивались с цифровизацией образования и профессиональной деятельности (см. рис. 1), но на данный момент возможностью дистанционно обучаться или работать пользуется значительно меньшая часть (см. рис. 2).

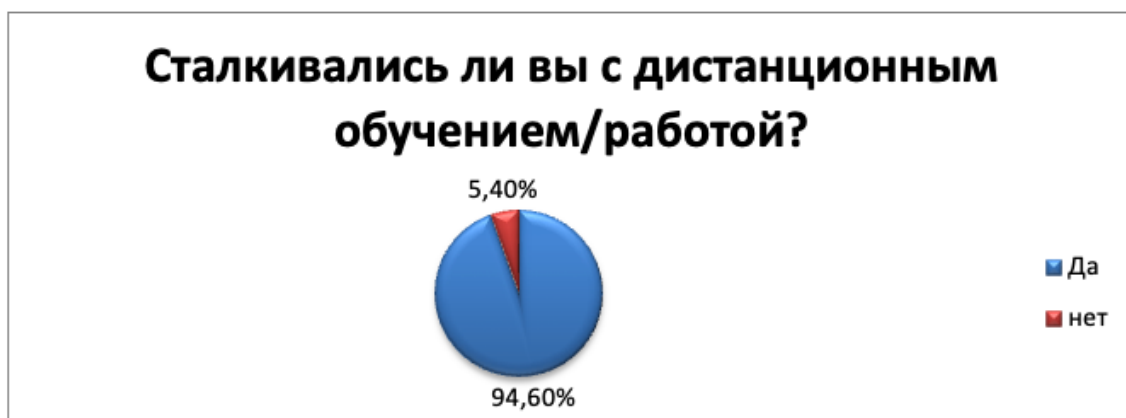

Рис. 1. Количество опрошенных, столкнувшихся с цифровизацией образования и профессиональной деятельностью.

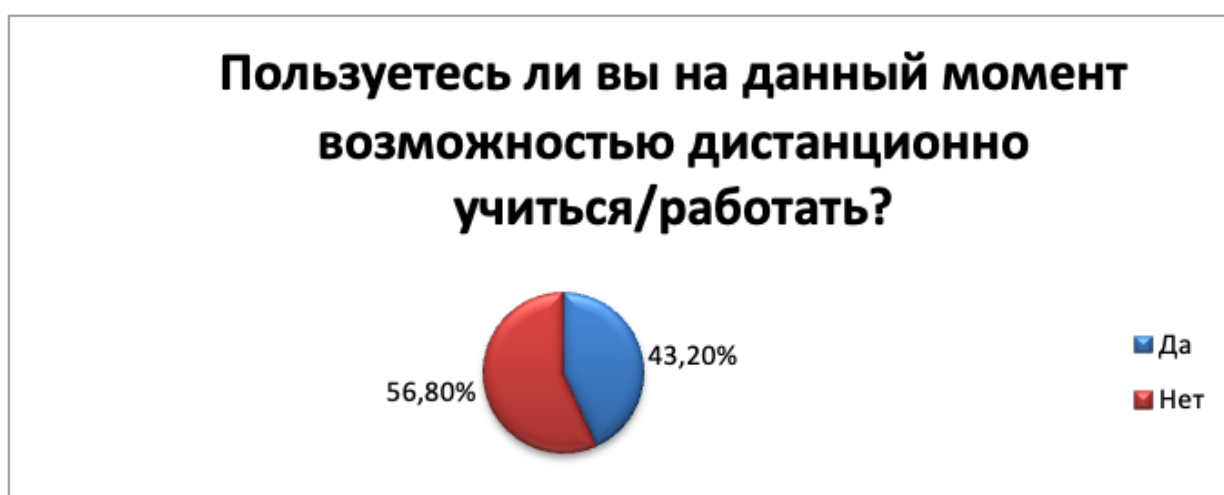

Рис. 2. Количество опрошенных, использующих возможность дистанционно обучаться и работать.

Кроме того, важно было узнать насколько респондентам необходимо в повседневной жизни использование компьютерных технологий (см. рис. 3) и сколько времени они проводят, погружаясь в них (см. рис. 4).

Рис. 3. Оценка респондентами необходимости цифровых технологий.

Рис. 4. Время, проводимое респондентами за компьютером/телефоном.

Также большая часть респондентов предпочитают общаться с друзьями и родственниками как в живую, так и в интернете (91,9%), и только 8,9% общаются только в живую. Активную социальную жизнь в интернете ведут 37,8% опрошенных, а свободное время посредством использования цифровых технологий проводят 32,4 %.

Опросник «Стили мышления» Р. Брэмсона в адаптации А.А. Алексеева позволяет определить ведущий, предпочитаемый стиль мышления, не исключая использование респондентом других стилей ситуативно. По результатам методики выявлено, что среди всей выборки наиболее часто определяется как предпочитаемый стиль мышления – аналитический, далее реалистический, синтетический, идеалистический и наименьшее количество испытуемых предпочитают прагматический стиль (см. рис. 5).

Рис. 5. Преобладающие стили мышления респондентов по методике «Стиль мышления» Р. Брэмсона.

Преобладание аналитического стиля мышления среди опрошенных может быть связано с цифровизацией в том аспекте, что аналитический стиль мышления включает в себя рациональное, логическое, объективное рассмотрение проблемы со всех сторон. Аналитический стиль мышления –

это, прежде всего, разработка плана, алгоритма и сбор информации. Аналитики видят мир логичным, рациональным, упорядоченным и предсказуемым, они ищут формулу жизни. В то время как работа с информационными технологиями это упорядоченность, алгоритм, рациональность и сбор информации, компьютерные программы – это исключительно формулы и алгоритмы. В связи с этим можно предположить, что аналитический стиль мышления является преобладающим среди выборки по причине детерминации его цифровыми технологиями, а именно работой с ними. Погружение в информационное пространство, деятельность которого построена на алгоритмах и логике, обуславливает мышление индивида, подстраивая его принципам работы с цифровыми технологиями.

Методика «Опросник ригидности» А.Г. Шмелева позволяет определить степень ригидности/лабильности психики испытуемого. Таким образом, чем выше балл, набранный по методике, тем более ригидна психика, что говорит о тенденции к сохранению установок, стереотипов, неспособности менять способ мышления. По результатам исследования выявлено, что большая часть респондентов находятся на среднем уровне (14-27 баллов), другими словами проявляют черты и ригидности, и лабильности, но есть респонденты находящиеся на границах ригидности и лабильности, до 14 – лабильность, более 27 – ригидность (см. рис. 6).

Рис. 6. Степень ригидности/лабильности респондентов по методике «Опросник ригидности» А.Г. Шмелёва.

Для определения взаимосвязи цифровизации повседневной жизни и особенностей мышления использовалась программа SPSS 13.

Распределение результатов диагностики отличается от нормального, вследствие чего корреляционный анализ осуществлялся с помощью непараметрического коэффициента Спирмана.

В результате корреляционного анализа обнаружена статистически значимая взаимосвязь между степенью ригидности/лабильности психики индивида и временем ежедневного пользования компьютером или иными гаджетами.

Так как взаимосвязь положительная, можно предположить, что чем больше времени респондент проводит за использованием информационными технологиями, тем более ригидна его психика. Возможно, это связано с алгоритмизированной деятельностью, осуществляемой посредством компьютерных технологий. В результате цифровизации деятельности индивид привыкает к алгоритмам,

рациональным и экономизирующим способам деятельности, начинает воспринимать реальность и деятельность в жизни как программу с определенными условиями и способами достижения задач, таким образом, он может быть не готов к изменяющимся обстоятельствам реального мира, не адаптивен к нерациональным условиям, которые достаточно часто встречаются в реальности. Кроме того, чрезмерное погружение в информационную среду приобретает отрицательный полюс, в котором личность воспринимает только ту информацию, которая поддалась фильтрации и отбору программных алгоритмов, в результате чего индивид не встречается с тем, что противоречит его точке зрения, не соответствует его интересам. Пользователь, погруженный в информационную среду, не сталкивается с тем, что могло бы его изменить, он видит только то, что уже есть в его личности и сознании; получает новости от тех источников, на которые он уже подписан; читает ту информацию, которая уже находится в рамках интересов; общается с теми людьми, которые по умолчанию имеют общие интересы или точки зрения с ним. Сформировавшаяся углубленная информационная среда, по причине своей отстраненности от внешнего, не позволяет пользователю отказаться от имеющихся установок, стереотипов, не позволяет рассмотреть иную точку зрения. Более того, информационная среда укрепляет способ мышления человека, делая индивида неадаптивным к тем ситуациям, в которых необходимо мыслить иначе. Даже искусственный интеллект, который работает по определенному алгоритму, в процессе работы с пользователем меняет свои поисковые и генерирующие алгоритмы, подстраиваясь под человека, и выдает уже то, что нужно индивиду, таким образом, даже ИИ способствует укреплению способа и стиля мышления человека, делая его менее способным «думать иначе».

Также в результате корреляционного анализа обнаружена статистически значимая взаимосвязь между синтетическими стилем

мышления и степенью ригидности психики. Так как взаимосвязь отрицательная, можно предположить, что чем больше ригидных черт проявляет психика, тем менее респондент способен мыслить путем синтетического стиля. Возможно, это связано с сутью синтетического стиля мышления, которая состоит в создании нового, оригинального, объединении старых идей, мысленных экспериментах. Синтезаторы снимают противоречия и идут против правил, что противоположно чертам ригидности. Ригидность не позволяет человеку менять привычные формы деятельности, установки, воспринимать новый опыт, в то время как синтетический стиль мышления олицетворяет перемены, инновации. С другой стороны, возможно, что чем выше способность индивида мыслить синтетическим путем, тем менее он склонен проявлять черты ригидности. Тогда можно предположить, что при условиях развития синтетического стиля мышления существует возможность держать мышление в активности и избегать ригидности. Отсюда можно сделать предположение, что развитие синтетического стиля мышления путем, например, решения проблемных задач, проявления креативности, проведения экспериментов, перемен в повседневности и создании чего-то нового, способствует человеку сохранять гибкость, лабильность мышления, развитию адаптивности и способности принимать решения в непривычных для него ситуациях.

Подводя итоги, можно сделать следующие выводы:

1. Большинство респондентов высоко оценивают необходимость использования цифровых технологий в своей повседневной жизни.

2. Преобладающим стилем мышления среди опрошенных является аналитический стиль, что, возможно, связано с принципом работы с компьютерными технологиями: закономерности, алгоритмы, программы. В то время как прагматический стиль наименее часто являлся предпочитаемым.

3. Большинство испытуемых способны критически мыслить, адаптироваться, воспринимать новый опыт, понимать и принимать противоположную точку зрения, но в стрессовых или крайне значимых для них ситуациях могут дистанцироваться, закрыться или проявлять детские формы защиты, отрицая возможность изменений, перемен, иных взглядов.

4. Чрезмерное погружение в информационную среду препятствует развитию психики индивида и его самого в целом, ограничивая его от восприятия новой информации, опыта, которые способствуют адаптивности, расширению кругозора, развитию SOFT-компетенций, коммуникативных навыков и «навыков выживания» в современном меняющемся мире.

5. Синтетический стиль мышления может быть противопоставлен ригидности, которая препятствует изменениям, развитию и восприятию нового опыта. Развитие синтетического стиля мышления можно рассматривать как способ преодоления или нейтрализации негативных последствий погружения в информационную среду.

Практическая значимость исследования состоит в том, что полученные в эмпирической части данные позволяют выявить ряд особенностей воздействия цифровизации деятельности, в частности обучения и работы, на мышление человека. Что в свою очередь, представляет необходимым совершенствование информационных технологий или способа взаимодействия с ними с целью минимизировать негативное влияние на индивида. Также, благодаря результатам исследования, можно разработать рекомендации – каким образом развивать гибкость, лабильность психики, используя при этом материал и знания о синтетическом стиле мышления.

В дальнейшем данное исследование может быть продолжено в направлении влияния цифровизации на личностные качества человека такие, как коммуникабельность, эмпатичность, конфликтность. Так как в

условиях погружения в информационную среду личность минимизирует живое общение с людьми, социумом, что влияет на формирование и развитие определенных личностных черт.

Цифровизация неизбежный и неотъемлемый процесс современного мира, как и многие достижения науки цифровизация несет как позитивные, так и негативные последствия для человека и общества в целом. На данный момент задача науки, образования, политики и общества не исключить процесс цифровизации, а изучить все его аспекты и совершенствовать его таким образом, чтобы благодаря ему общество прогрессировало и развивалось без ущерба человеку и человечеству в целом.

Литература

1. *Гвоздёва Е.Ю.* Ригидность в современном мире // Проблемы и тенденции научных исследований в системе образования. – 2019. – №2. – С. 54-55.
2. *Гордеева Е.В., Мурадян Ш.Г., Жажоян А.С.* Цифровизация в образовании // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2021. – №4-1. – С. 112-115.
3. *Гордин А.И., Гордина О.В.* Трансгуманизм как следствие возможной тотальной цифровизации образования (опыт психолого-педагогического анализа) // Педагогика. Вопросы теории и практики. – 2021. – №6-4. – С. 537-547.
4. *Добрин А.В., Лопухин А.М.* Содержательные характеристики вероятностного стиля мышления: теоретические основы исследования // Психология образования в поликультурном пространстве. – 2019. – №2(46). – С. 32-48.

5. Мазур Е.Ю., Пересько Е.В. Исследование ригидности(лабильности) мышления у студентов-психологов. // Вестник УМЦ. – 2019. – №3(24). – С. 48-55.

6. Михайловская Д.М. Исследование стилей мышления в юношеском возрасте // Весенние психолого-педагогические чтения. – 2021. – С. 66-69.

7. Молчанова Е.В, О плюсах и минусах цифровизации современного образования // Проблемы современного педагогического образования. – 2019. – №64-4. – С. 133-135.

8. Панов В.И. Некоторые психологические аспекты цифровизации // Новая психология профессионального труда педагога: от нестабильности реальности к устойчивому развитию. – 2021. – №1. – С. 36-39.

9. Певнева А.Н. Ригидность в структуре личности: история вопроса и проблема исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2023. – №2. – С. 320-337.

10. Степанов В.Н. Медиаэкология и ее проблемное поле // Организационная психоллингвистика. – М.: АСГТ, 2021. – No 3(15). – С. 10-33. EDNRSNNIU.

11. Строков А.А. Цифровизация образования: проблемы и перспективы // Вестник Мининского университета. – 2020. – №8 (2). – С. 31-46.

12. Sramova B., Hamranová A. Psychological and social risks of digitalization in adolescents // Education and New Developments. – 2022. – С. 256-258.

13. Zheng Liu, Huihui Yu, Minxuan Feng, Youbo Hou, Thinking Styles and Creativity: The Mediating Role of Psychological Adjustment in College Students // Behavioral Sciences . – 2023. – №13(10).

References

1. *Gvozdjova E.Ju.* Rigidnost' v sovremennom mire // Problemy i tendencii nauchnyh issledovanij v sisteme obrazovanija. – 2019. – №2. – S. 54-55.
2. *Gordeeva E.V., Muradjan Sh.G., Zhazhojan A.S.* Cifrovizacija v obrazovanii // Jekonomika i biznes: teorija i praktika. – 2021. – №4-1. – S. 112-115.
3. *Gordin A.I., Gordina O.V.* Transgumanizm kak sledstvie vozmozhnoj total'noj cifrovizacii obrazovanija (opyt psihologo-pedagogicheskogo analiza) // Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki. – 2021. – №6-4. – S. 537-547.
4. *Dobrin A.V., Lopuhin A.M.* Soderzhatel'nye harakteristiki verojatnostnogo stilja myshlenija: teoreticheskie osnovy issledovanija // Psihologija obrazovanija v polikul'turnom prostranstve. – 2019. – №2(46). – S. 32-48.
5. *Mazur E.Ju., Peres'ko E.V.* Issledovanie rigidnosti(labil'nosti) myshlenija u studentov-psihologov. // Vestnik UMC. – 2019. – №3(24). – S. 48-55.
6. *Mihajlovskaja D.M.* Issledovanie stilej myshlenija v junosheskom vozraste // Vesennie psihologo-pedagogicheskie chtenija. – 2021. – S. 66-69.
7. *Molchanova E.V.* O pljusah i minusah cifrovizacii sovremennogo obrazovanija // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovanija. – 2019. – №64-4. – S. 133-135.
8. *Panov V.I.* Nekotorye psihologicheskie aspekty cifrovizacii // Novaja psihologija professional'nogo truda pedagoga: ot nestabil'nosti real'nosti k ustojchivomu razvitiju. – 2021. – №1. – S. 36-39.
9. *Pevneva A.N.* Rigidnost' v strukture lichnosti: istorija voprosa i problema issledovanija // Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. – 2023. – №2. – S. 320-337.
10. *Stepanov V.N.* Mediajekologija i ee problemnoe pole // Organizacionnaja psiholingvistika. – M.: ASGT, 2021. – No 3(15). – S. 10-33.

11. *Strokov A.A.* Cifrovizacija obrazovanija: problemy i perspektivy // Vestnik Mininskogo universiteta. – 2020. – №8 (2). – S. 31-46.
12. *Sramova B., Hamranová A.* Psychological and social risks of digitalization in adolescents // Education and New Developments. – 2022. – S. 256-258.
13. *Zheng Liu, Huihui Yu, Minxuan Feng, Youbo Hou,* Thinking Styles and Creativity: The Mediating Role of Psychological Adjustment in College Students // Behavioral Sciences . – 2023. – №13(10).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Аликаев Рашид Султанович – доктор филологических наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета им. Х.М. Бербекова» (Россия)

Башкатова Наталья Михайловна – аспирант Московского государственного областного университета (Россия)

Болзан Ника Андреевна – аспирант Белорусского Государственного Университета (Беларусь)

Китаева Мария Петровна – кандидат биологических наук; Институт психологии творчества Павла Пискарева (Россия)

Паначева Татьяна Александровна – Российский государственный профессионально-педагогический университет (Россия)

Радченко Олег Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшего образования, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Почетный гражданин штата Оклахома (США), член Научного сообщества по истории языкознания (Мюнстер, ФРГ), член Общества немецкого языка (ФРГ), профессор кафедры общего и сравнительного языкознания Московского государственного лингвистического университета (Канада)

Тарасов Евгений Федорович – профессор, доктор филологических наук, профессор дирекции образовательных программ Московского городского педагогического университета (Россия)

Холопова Екатерина Сергеевна – ассистент кафедры психологии образования и профессионального развития Российского государственного профессионально-педагогического университета (Россия)

Электронный научный журнал

«Организационная психолингвистика» публикует статьи, доклады и сообщения российских и зарубежных ученых, докторантов и аспирантов, молодых специалистов. К публикации принимаются также рецензии, обзоры, информация о научных проектах и др. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

Тематика журнала в соответствии с утверждённой номенклатурой научных специальностей:

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (Психологические науки)

5.3.4. Педагогическая психология, психодиагностика цифровых образовательных сред (Психологические науки)

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Филологические науки)

5.12.3. Междисциплинарные исследования языка (Психологические науки)

Рубрики журнала:

- Концептуальные вопросы организационной психолингвистики.
- Экспериментальные исследования в малых профессиональных группах, трудовых коллективах, организациях.
- Отечественная и зарубежная практика организационной психолингвистики.
- Труды начинающих учёных.
- Хроника, обзоры и рецензии.
- Организационная психолингвистика в лицах и дискуссиях.
- Из истории организационной психолингвистики.

Требования к представлению статей и рецензий

1. К публикации принимаются только статьи, ранее не публиковавшиеся.

2. Статьи и рецензии в электронном виде необходимо выслать на электронную почту **orgpsyling@yandex.ru**

3. Объем рукописи:

— статья (без аннотаций, ключевых слов и транслитерации): до 20 тыс. знаков с пробелами. В отдельных случаях допускается до 40 тыс. знаков

— рецензия 15-20 тыс. знаков с пробелами,

— доклад, сообщение, обзор до 20 тыс. знаков с пробелами.

4. Пристатейные материалы (подаются на русском и английском языках): название статьи, ее аннотация, 5-6 ключевых слов (терминологических словосочетаний), способствующих индексированию статьи в поисковых системах.

Важно! Объем аннотации в соответствии с международными требованиями составляет 150-200 слов. Аннотация должна отражать краткое содержание статьи и указание на результаты исследования. Текст аннотации, а также ключевые слова, написанные на русском языке, должны соответствовать тексту аннотации и ключевым словам, написанным на английском языке (при безусловно возможном расхождении в количестве слов в аннотации на русском и английском языках).

5. Транслитерация всех источников из списка литературы (если это источники на русском языке) даётся латиницей (для транслитерации можно использовать сайт <http://www.translit.ru>);

6. Персональные сведения об авторе статьи (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество; ученая степень, ученое звание, должность; место работы; сфера научных интересов; электронный адрес, контактный телефон. Размещаются в соответствии с Приложением 1.

5. Для подачи рецензии

— дублирование заглавия рецензии на английском языке;

— представление персональных сведений об авторе рецензии (как при представлении статьи).

6. Статьи аспирантов и докторантов принимаются только при наличии рецензии от научного руководителя, отчет из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%) и письменного заявления.

Порядок прохождения рукописи

1. Проверка рукописи на общенаучное и техническое соответствие.

2. Анонимное рецензирование (редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения российских и/или зарубежных рецензентов).

3. В случае принятия редакционной коллегией решения о возможности публикации статьи в дистанционном режиме с автором заключается двусторонний договор (публичная оферта) на публикацию материалов в журналах.

4. После обоюдного подписания договора автору направляется уведомление, где указываются сроки публикации, а также в рабочем порядке по необходимости направляются корректуры, верстка и т.п.

Технические требования к рукописи

Файл рукописи должен быть представлен в формате Microsoft Word (иметь расширение *.doc, *.docx, или *.rtf).

Текст стати и рецензии: поля — с каждой стороны страницы 2 см.;

шрифт Times New Roman; выравнивание «по ширине», 14 кегль, полуторный интервал; отступ стандартный (автоматический — 1,25 см); порядковый номер страницы (начиная с 1-й) указывается внизу по центру.

Инициалы и фамилия автора статьи, а также аффилиация и электронный адрес — в начале работы, выравнивание «по правому краю» (Название организации должно быть приведено в полном виде без сокращений. Вместе с названием необходимо указать ее адрес: город и страну. Если над статьей трудились несколько авторов из разных организаций, необходимо указать и их данные. Названия учреждений должны быть соотнесены с фамилиями при помощи добавления цифровых индексов в верхнем регистре перед названиями учреждений и после ФИО соответствующих авторов).

Название статьи: выравнивание «по центру»; на русском языке — 14 шрифт, на английском языке — 12 шрифт.

Аннотации, ключевые слова, список литературы, транслитерация: 12 кегль, одинарный интервал.

Оформление сносок: в квадратных скобках указываются порядковый номер источника в списке литературы (источники в списке даются в алфавитном порядке; сначала на русском, а затем на других языках), далее через двоеточие — номер тома (при необходимости) и номер страницы. Например: [3, с. 108], [3: II, с. 108], [3, с. 108; 5].

Между словами всегда дается только 1 пробел, в конце абзаца никаких дополнительных пробелов быть не должно.

Выделения в тексте допустимы *курсивом* или полужирным шрифтом. Подчеркивание исключено. В файле должны содержаться все необходимые элементы статьи: изображения, таблицы, диаграммы.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

В тексте статьи и рецензии фамилию следует указывать после инициалов имени и отчества (П.С. Сидоров, С.И. Кириллов, И.П. Александров). Между инициалом(-ами) и фамилией дается пробел (только один), а инициалы идут подряд — без пробелов. Например: И.И. Иванов, И.П. Павлов, Дж.Р. Кантору, Н. Хомский.

Изъятия и лакуны в цитатах или уточнения также требуют оформления. Например, «градация способов, [...] условий», «зона развития [в терминологии Л.С. Выготского] обусловлена».

Если какое-либо выделение в тексте (курсив, разрядка, полужирный шрифт или их комбинаторика) дано в цитате самим цитируемым автором — оно дается без комментария. Если выделение (например, курсив) дается Вами, то после завершения цитаты в круглых скобках указывается: (Курсив мой. — И.И.).

Список литературы: Источники должны быть пронумерованы и писаться с отдельной строки. Нумерация ссылок на источники в списке

литературы должна соответствовать ссылкам в тексте статьи, где их следует приводить в квадратных скобках арабскими цифрами. В списке литературы все работы перечисляются в алфавитном порядке. Допускаются только опубликованные материалы.

Для удобства авторов ниже приведены примеры оформления различных типов источников (порядок оформления упрощен за счет снятия дополнительной информации об авторе(ах) работы и тире между информационными группами библиографического описания).

Книга

Психология. Саратов: СГУ, 2015. 450 с.

Иванов А.А., Петров Б.Б. Психология. 2-е изд., доп. и перераб. (если у книги есть автор(ы) + если книга переиздавалась + если указан характер переиздания). М.: Наука, 2001. 330 с.

Иванов А.А. Психология: Вопросы методологии (если в названии книги есть уточнение, оно дается после двоеточия, с большой буквы). М.: Наука, 2010. 450 с.

Психология: Сб. науч. ст. М.: Наука, 2010. 450 с.

Иванов А.А. Возрастная психология / Отв. ред. В.В. Петрова, сост. Г.Г. Сидорова (если у книги есть составитель(и) и/или научный(е) редактор(ы)). М.: Наука, 2001. 200 с.

Иванов А.А. Психология. СПб.; М.: Наука, 2001. 530 с. (если книга издана не в одном городе, в качестве разделителя используется точка с запятой).

Если сочинение многотомное, указывается количество томов и (при конкретизации) номер тома:

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Тверь: ТГУ, 2001. 220 с., 530 с.

Иванов А.А. Психология: В 2-х тт. Т. 1. СПб.; М.: Наука, 2001. 220 с.

Статья в сборнике (после знака «//» оформление книжное)

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Иванов А.А. Социальная психология. М.: Наука, 2001. С. 90-100

Иванов А.А. Возрастные аспекты психологии // Практическая психология. Калининград: КГУ, 2001. С. 90-100.

Периодические издания

Журнал

Иванов А.А. Подростковая психология // Вопросы психологии. 2001. № 1. С. 90-100.

Газета

Михайлов С.А. Езда по-европейски // Независимая газета. 2002. 17 июня.

Таблицы, рисунки, сокращения

Требования к таблицам: таблицы должны помещаться в текст статьи, иметь нумерованный заголовок и быть удобными для чтения. Данные таблиц должны соответствовать цифрам текста.

Каждую таблицу в тексте вместе с нумерованным заголовком следует

привести дважды - в русскоязычном и англоязычном вариантах.

Рисунки: автор не должен использовать слишком много иллюстраций в работе. Каждое изображение должно быть оправдано содержанием статьи. Ссылки на рисунки в тексте обязательны. Нумерованную подпись следует указать дважды — на русском и английском языке под изображением. Рисунки обязательно даются в тексте (без обтекания текстом) и обязательно дублируются отдельными файлами в графических форматах (png, gif, tiff, jpg и др.) каждый. Имена файлов, образец: "Иванов_рис5".

Диаграммы, графики, схемы выполняются в программе Excel и присылаются отдельно от текста все в одном файле с расширением xlxs (предпочтительно) или xls; можно использовать и программу Word. Таблицы с данными включаются в файл, не следует их удалять.

Пожалуйста, не изменяйте формат, в котором изображения создавались первоначально. Например, созданная в MS Office 2007 диаграмма утрачивает часть своих свойств при сохранении в «младших» версиях пакета.

Рисунки должны иметь высокое качество и не требовать дополнительного редактирования, в том числе изменения размера (возможны искажения). Рисунки, особенно несложные, не следует делать слишком большими, они должны быть соразмерны тексту. Не перегружайте рисунки многочисленными надписями, комментариями – лучше использовать примечания.

Диаграммы, графики, схемы могут быть цветными, но при условии, что в черно-белом варианте (например, при печати) не происходит утраты информации и все элементы рисунка остаются хорошо отличимыми. Рекомендуются ахроматичные оттенки серого или сине-голубая гамма MS Office 2007 (синий, акцент 1).

Все виды изображений именуется рисунками. Подпись дается под рисунком, в конце подписи – точка; затем идут примечания.

Рис. 1. Название рисунка [в конце стоит точка].

Сокращения: все используемые аббревиатуры и символы необходимо расшифровать в примечаниях к таблицам и подписям к рисункам.

Образцы оформления полного текста статьи см. в Приложении 1.

Контакты

Необходимо указать полные контакты всех авторов.

В контактной информации должны быть указаны:

- ученая степень и звание, должность и полное наименование организации.

- почтовый рабочий адрес (с индексом и указанием страны), адрес

электронной почты, номер рабочего телефона (с кодом города), номер мобильного телефона (исключительно для личной связи)

- идентификатор ORCID (подробнее здесь: <http://orcid.org/>), eLibrary SPIN-код (подробнее: http://elibrary.ru/projects/science_index/author_tutorial.asp)

Дополнительная информация Информация о конфликте интересов.

Авторы должны раскрыть потенциальные и явные конфликты интересов, связанные с рукописью. В их числе: финансовые отношения с третьими лицами и интерес сторонних людей к продвижению научной работы.

- 1) Необходимо указать источники финансирования научной работы
- 2) Допускаются благодарности авторов лицам и организациям, оказавшим помощь в работе над статьей.
- 3) Допускается конкретизация работы и вклада всех авторов в подготовленный текст (дизайнеров, аналитиков).

Сопроводительные документы

Вместе с оформленным оригиналом статьи в редакцию должно быть предоставлено сопроводительное письмо, подписанное всеми авторами статьи (или несколько писем со всеми подписями авторов)

ВНИМАНИЕ!

Обязательные правила при подготовке статьи!

Авторы обязаны согласиться со всеми нижеприведенными пунктами, иначе рукопись может быть возвращена!

- Статья не должна быть опубликована в других источниках. Ни частично, ни полностью. Текст не должен также быть на рассмотрении на публикацию в других изданиях. Если текст ранее предоставлялся на публикацию, автор обязан уведомить об этом редакцию.
- Оформление по правилам редакции: автор обязан оформить текст по приведенным правилам редакции.
- Наличие всех сопроводительных документов

ОБРАЗЕЦ ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 37.042.2

С.В. Мыскин

док. филол. наук, канд. психол. наук, доц.,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129226, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
myskinsv@yandex.ru

С.Г. Харламова

канд. психол. наук, заместитель директора,
Институт среднего профессионального образования им. К.Д. Ушинского,
ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет»,
129626, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4
Москва, Россия
kharlamovasg@mgpu.ru

**СПЕЦИФИКА ОРГАНИЗАЦИИ ПРОФОРИЕНТАЦИИ И ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
АДАПТАЦИИ ЛИЦ С ВЫРАЖЕННЫМИ ПСИХОФИЗИЧЕСКИМИ НАРУШЕНИЯМИ В
УСЛОВИЯХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНО ОРГАНИЗАЦИИ**

Статья посвящена проблемам профориентации и профессиональной адаптации инвалидов с психофизическими нарушениями психики в условиях образовательной организации. Авторы проводят анализ зарубежного и отечественного опыта профориентации и профадаптации инвалидов для выявления наиболее эффективных форм организации данных процессов. /.../

Ключевые слова: образовательная организация, профориентация, профессиональная адаптация, инвалиды с психофизическими нарушениями, терапевтическая среда.

S.V. Myskin, S.G. Kharlamova

**SPECIFICITY OF THE ORGANIZATION OF VOCATIONAL GUIDANCE AND
PROFESSIONAL ADAPTATION OF PERSONS WITH SEVERE PSYCHOPHYSICAL
DISORDERS IN THE CONDITIONS OF THE EDUCATIONAL ORGANIZATION**

The article is devoted to problems of vocational guidance and professional adaptation of disabled people with psychophysical disorders of the psyche in conditions of educational organization. The authors analyze the foreign and domestic experience of vocational guidance and professional adaptation of disabled people to identify the most effective forms of

organizing these processes. /.../

Keywords: Educational organization, vocational guidance, professional adaptation, disabled people with psychophysical disorders, therapeutic environment.

В настоящее время в столичных вузах и средних профессиональных образовательных учреждениях существует практика организации обучения инвалидов. Как показал пилотный анализ, по окончании профессионального обучения выпускники-инвалиды испытывают острую потребность в трудоустройстве. Основным препятствием здесь выступают опасения и нежелание работодателей принимать на работу молодого человека с психиатрическим диагнозом [1, с. 11; 13]. Такое положение дел негативным образом сказывается не только на процессе профессиональной адаптации самого инвалида, но и на членах его семьи.

Родители в связи с уходом за ребенком-инвалидом вынуждены отказываться от собственной работы, что неминуемо влечет финансовые проблемы. Кроме того, социальное отторжение вынуждает семьи скрывать от окружающих факт болезни ребенка-инвалида, что приводит к/.../

Литература

1. Мыскин С.В., Пашин Н.П., Калмыков С.Б. Актуальные тенденции модернизации кадровой политики организаций в рамках содействия занятости инвалидов // Социальная политика и социальное партнерство. 2014. № 11. С. 11-16.

References

1. Myskin S.V., Pashin N.P., Kalmykov S.B. (2014) Aktual'nye tendentsii modernizatsii kadrovoy politiki organizatsii v ramkakh sodeistviya zanyatosti invalidov [Actual tendencies of modernization of personnel policy of the organizations within assistance of employment of disabled people]. Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo [Social policy and social partnership], 11, pp. 11-

**Свидетельство о регистрации средства массовой информации в
Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций ЭЛ № ФС77-71113 от
22.09.2017 г.**

**Издательство
ООО «Агентство социально-гуманитарных технологий».
Тираж 500 экз.
115162, г. Москва, ул. Лестева, д. 24. Тел.: 8 (926) 384-02-69.
www.psycholinguistic.ru**